

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

НОРМА
ПРОИЗНОШЕНИЯ
В УЗУСЕ
И КОДИФИКАЦИИ

МОСКВА
2021

УДК
ББК
?

Книга рекомендована к печати решением Ученого совета ИРЯ РАН
от 8 октября 2020 г.

Рецензенты:

д. ф. н. *Лариса Ивановна Маршева* (Институт развития
родных языков народов РФ)
к. ф. н. *Нина Николаевна Розанова* (ИРЯ РАН)

Ответственные редакторы:

д. ф. н. проф. *М. Л. Каленчук*
д. ф. н. проф. РАН *Д. М. Савинов*

Монография посвящена обсуждению проблемы соотношения двух разных типов произносительных норм в русском языке — узуальных и кодифицированных. Под *кодифицированными произносительными нормами* понимаются официально закрепленные в словарях, справочниках, учебниках и пропагандируемые правила и способы реализации звуковых единиц. Для литературного языка под *узуальными нормами* в настоящей работе понимаются предпочтения образованных людей в звуковом оформлении слов и словоформ. В книге обсуждаются вопросы источников получения орфоэпической информации, критерии принятия решений при переходе от узуальных закономерностей к их кодификации и др. Выявленные в звучащей речи образованных людей при проведении представительных и системных социолингвистических исследований варианты произношения должны быть обязательно учтены при выработке произносительных рекомендаций. Сформулированные теоретические положения подкрепляются в монографии анализом конкретных произносительных явлений литературного языка — просодических и сегментных, показывающих многочисленные примеры несовпадения системных возможностей литературного языка, нормативных предписаний и речевой практики (узуса). Кроме того, исследуемая проблема изучается на диалектном материале, для которого на первый план выходит не соотношение «норма — узус» (как в литературном языке), а соотношение «узус (= норма) — система».

ISBN 978-5-

© Тексты, коллектив авторов, 2021
© Российская академия наук, 2021
© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы (М. Л. Каленчук).....	4
ГЛАВА II. Узуальные и кодифицированные акцентологические нормы в русском литературном языке	26
2.1. Акцентуация имен существительных ж. р. на <i>-а, -я</i> (<i>О. В. Антонова</i>)	26
2.2. Акцентуация глаголов прошедшего времени (<i>Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова, А. Е. Журавлёва</i>)	58
2.3. Акцентуации глаголов на <i>-ить</i> (<i>Э. Р. Стрейкмане</i>)	79
2.4. Акцентуация страдательных причастий (<i>Е. С. Скачедубова</i>)	92
2.5. Акцентуации имен прилагательных (<i>М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова</i>)	106
ГЛАВА III. Узуальные и кодифицированные сегментные нормы произношения гласных и согласных в русском литературном языке	132
3.1. Варианты произношения гласных в 1-м предударном слоге после твердых шипящих и <i>ц</i> (<i>М. Л. Каленчук</i>)	132
3.2. Безударный вокализм: реализации фонем <i>/и/, /о/, /а/</i> в позиции 2-го предударного слога (<i>Е. С. Скачедубова</i>)	138
3.3. Современные тенденции в произношении групп согласных (на примере сочетаний <i>-нкт-, -ркс-</i>) (<i>А. Е. Журавлёва</i>)	154
ГЛАВА IV. Соотношение понятий узус — норма — система в диалектной звучащей речи (<i>Т. Н. Коробейникова, Е. В. Корпечкова, Д. М. Савинов</i>)	165

ГЛАВА I. УЗУАЛЬНЫЕ И КОДИФИЦИРОВАННЫЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ

М. Л. Каленчук

1. Как известно, существует два разных подхода к описанию произносительных норм — дескриптивный и прескриптивный. При *дескриптивном*, т. е. описательном, методе установление нормы осуществляется преимущественно на основе анализа фактического употребления тех или иных языковых вариантов носителями языка, такой подход фокусируется на фактах живой речи, лингвисты стремятся зафиксировать реальное многообразие произносительных вариантов, сосуществующих в звучащей речи, не давая им оценку и не соотнося между собой ни по каким основаниям, по сути «закидывается сеть», в которую должно попасть как можно больше вариантов произнесения конкретных слов и словоформ. При *прескриптивном*, т. е. предписывающем, подходе установление нормы осуществляется преимущественно на основе авторитетного заключения лингвистов о том или ином варианте, зафиксированные звуковые факты оцениваются как правильные или неправильные, а результатом такого описания материала становятся кодификационные рекомендации.

Известно, что термин *норма* в лингвистическом значении может трактоваться по-разному: «В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов... В узком смысле норма — результат целенаправленной кодификации языка» [Крысин 2010: 10]. При таком подходе норма в первом значении по сути приравнена к понятию *узуса* — традиционно принятых в речевой практике способов использования языковых средств и связана с дескриптивным подходом, а во втором значении — к процессу официального закрепления и пропагандирования определенных правил использования языковых единиц и соотносится с прескриптивным методом работы — «*двойное понимание нормы* — дескриптивное — то, как говорят, как принято говорить в данном обществе, и прескриптивное — как надо, как правильно говорить» [Косериу 1963: 175]. Известное высказывание А. А. Шахматова — «Странно было бы вообще,

если бы ученое заведение вместо того, чтобы указывать, как говорят, решалось указывать, как надо говорить» [Шахматов 1899: 30] — связано, как представляется, именно с попыткой противопоставления узуальных норм («как говорят») нормам кодифицированным («как надо говорить»). В некоторых случаях лингвисты принципиально не дифференцируют норму-употребление и норму-предписание, приравнивая их друг к другу — «норма — общепринятое и узаконненное употребление» [Русский язык. Энциклопедия 2003: 270].

2. Противопоставление двух разных типов языковых норм ощущалось лингвистами давно. Но поскольку исследователи во многих случаях использовали термин *норма*, не указывая, какое именно значение из двух они имеют в виду, происходила и продолжает происходить определенная подмена понятий.

Большинство лингвистов стремятся дифференцировать норму-употребление и норму-предписание — «от объективно существующей нормы языка следует отличать ее кодификацию» [Ицкович 1968: 7]; «норма и кодификация не тождественны: норма может быть кодифицирована, но она также может быть потенциальной, но не кодифицированной тенденцией» [Сенкевич 1997: 23] и мн., мн. др.

В зарубежной лингвистике широко используются термины *имплицитная норма* и *эксплицитная норма*. Так, например, В. Хартунг определяет имплицитную норму как норму, которую индивид приобретает через опыт и языковую деятельность, а эксплицитную норму — как отражение этих переживаний в формах обязательных предписаний [Hartung 1977: 13]. По мнению М. Ниемейера, «эксплицитная норма существует в словарях, а имплицитная может быть выведена из фактического употребления индивидов» [Niemeyer 1994: 13]. При этом, по его мнению, имплицитные нормы могут стать эксплицитными через научно обоснованные объяснения, а эксплицитные нормы становятся имплицитными через овладение языком.

Наиболее подробно вопрос о соотношении двух типов норм освещен в диссертационной работе шведской исследовательницы Э. Марклунд-Шараповой [Marklund-Sharapova 2000]: «...любое исследование норм должно учитывать различие между эксплицитной нормой, т. е. кодификацией, и имплицитной нормой, т. е. употреблением и отношением образованных носителей языка» По отношению к кодифицированной норме принципиальным является ее явный характер, проявляющийся в закреплённости в грамматиках, словарях, справочниках и учебниках. Имплицитная норма имеет невыраженный, подразумеваемый, официально не постулированный харак-

тер. При этом Э. Марклунд-Шарапова, сравнивая эксплицитные и имплицитные нормы, замечает, что «во многих случаях между ними существует соответствие, но расхождения многочисленны. Кроме того, нет никакой прямой или предсказуемой связи между имплицитными нормами и ярлыками, которые этим несоответствиям при- сваиваются в справочниках».

Вопрос о соотношении эксплицитных и имплицитных норм в русском произношении изучался в теоретическом и экспериментальном аспектах британским исследователем Н. Юкайя [Ukiah 1998]. Он доказывал, что существует причинно-следственная связь между нормой-употреблением и нормой-кодификацией. Проведенное им сопоставление данных словарей и справочников с выявленными в ходе представительных социолингвистических экспериментов акцентологическими вариантами позволило ему заключить, что нормативные формы почти всегда консервативны, что нормативные формы меняются с течением времени и что старые нормы постепенно заменяются новыми, популярными формами, но всегда с определенной временной задержкой. Таким образом, очевидно, что нормативные формы обычно представляют собой преобладающее употребление несколько более раннего периода и что формы, считающиеся неправильными сегодня, но фактически пользующиеся значительной популярностью, часто становятся нормами завтрашнего дня [Ukiah 1998: 295]. Сделанные Н. Юкайя выводы во многом кажутся очевидными и предсказуемыми, но необходимо заметить, что степень отставания кодификации от живых норм может быть очень различной и плохо объяснимой, и поэтому постепенная замена ни в коем случае не является автоматической, во всяком случае она может быть очень медленной и труднопредсказуемой, а механизмы ее осуществления — неоднозначными. Например, многие выявленные в 60-е годы XX века новые тенденции произношения разных групп слов были кодифицированы только в последнее десятилетие или не были кодифицированы вообще. В настоящей монографии такого рода факты зафиксированы по отношению ко многим произносительным явлениям, в первую очередь акцентологическим.

Е. Р. Добрушина противопоставляет официальную норму и норму-интуицию, связывая последнюю с узусом: «Норма складывается из того, что зафиксировано в словарях и справочниках, с одной стороны, и из коллективной интуиции — осознанной или неосознанной — носителей литературного языка, проявляющейся в узусе, с другой»

[Добрушина 2013: 200]. Как представляется, в данном определении очень важным является указание на то, что интуитивная норма в речи носителя литературного языка может складываться из двух составляющих — неосознанно-интуитивное представление о том, как надо говорить, и осознанное, опирающееся на речь окружающих, знание некоторых усвоенных правил и т. д., но без специального обращения к кодифицированной норме.

Итак, можно констатировать, что попытки развести нормы в словаре и нормы в живой речи предпринимаются многими исследователями, при этом сосуществует ряд терминов, в определенной степени наполненных одним и тем же содержанием: норма-кодификация и норма-употребление, эксплицитная норма и имплицитная, норма-предписание и фактическая норма, официальная норма и норма-интуиция, правильность и узус и мн. др.

В настоящей работе, описывая звуковую сторону русского языка, мы используем термины *кодифицированные нормы* и *узуальные нормы*.

При этом под кодифицированными произносительными нормами понимаются официально закрепленные в словарях, справочниках, учебниках и пропагандируемые правила и способы реализации звуковых единиц. Не случайно понятие кодификации в работах многих западных лингвистов заменяется термином *культивирование*, нелингвистическое значение которого — «выращивание, разведение, развитие чего-либо в искусственных условиях». Результат принятия любой кодификационной рекомендации всегда рукотворен и в силу этого в определенной мере искусственен.

А понятие *узуальных произносительных норм* по-разному применяется по отношению к литературному языку и диалектной речи. Для литературного языка как в общелитературном, так и в региональных его вариантах под *узуальными нормами* в настоящей работе понимаются предпочтения образованных людей в звуковом оформлении слов и словоформ. Эти предпочтения могут быть как осознанными, так и интуитивными. Специфика понимания термина «узуальные нормы» по отношению к диалектной речи будет раскрыта в соответствующей главе настоящей книги.

3. При принятии кодификационных решений на основе изучения узуальных произносительных норм возникает серьезная проблема: чья звучащая речь, каких именно носителей русского литературного языка может служить источником информации об орфоэпических нормах? Удивительно, но ответить на этот — социолингвистический — вопрос в наше время чрезвычайно сложно.

Во многих определениях нормы в обоих значениях этого термина как необходимый компонент указывается то, что норма состоит из реализаций, выбранных образованными носителями языка. Причем некоторые авторы считают, что ориентиром для установления нормы является речь не просто образованных, культурных людей, но людей, относящихся только к определенной части социума, которых называют по-разному — «высокостатусные группы», «элитарные пользователи языка», «авторитетные носители языка» и т. д. Нельзя не отметить, что принципы выделения этих групп никак не связаны с языковой оценкой звучащей речи и никакой прямой корреляции между социальным статусом человека и качествами его речи быть не может. Поэтому этот параметр не может быть использован при принятии лингвистических решений.

В некоторых случаях решение о возможности использования речи определенных носителей языка в качестве эталона принимается по лингвистическим основаниям, но формулировки, предлагаемые во многих работах, носят крайне расплывчатый характер, например «хорошие носители языка» (а судьи кто?).

Несомненно, что основной источник получения информации о реализации произносительных норм — исследование звучащей речи группы носителей языка, сформированной по определенным лингвистическим и социолингвистическим критериям. При этом может быть предложено два разных решения.

Во-первых, подобная выборка должна быть репрезентативной для всей генеральной совокупности: «те, кто попадает в выборку, должны представлять собой миниатюрную модель всей генеральной совокупности. Перед исследователем встает очень сложная задача: заранее установить, какие именно свойства членов генеральной совокупности могут отразиться на изучаемых аспектах языкового поведения» [Беликов, Крысин 2016].

Получается, что за внешней легкостью обозначения генеральной совокупности — носители русского литературного языка — может скрываться серьезная проблема точного определения ее границ: необходимо сформулировать, каковы основания для включения или невключения индивида в число носителей литературного языка, и лишь после этого приступать к формированию репрезентативной выборки.

Еще полвека назад можно было сформулировать социолингвистические параметры, которым должны были отвечать информанты. Носителями современного русского литературного языка призна-

валась совокупность людей, характеризующихся одновременно следующими признаками: 1) русский язык является для них родным; 2) они имеют высшее или среднее образование; 3) являются жителями городов [РЯДМО: 17]. При проведении массовых обследований речи в 60–70-е годы XX века релевантными назывались такие социальные показатели респондентов, как возраст, образование и место, где оно получено, социальное положение, место, где прошло детство, место наиболее длительного жительства, регулярность, с которой говорящие слушают радио или смотрят телепередачи, социальное положение родителей и место их рождения и нек. др. [РЯДМО: 20]. Многие из этих критериев в силу различных экстралингвистических причин перестали быть значимыми в наше время. Приходится условно пользоваться весьма расплывчатым определением «образованный человек», понимая, что образованность не обязательно коррелирует с использованием именно нормированной формы литературного языка. В рамках проведенных исследований к информантам предъявлялись следующие требования: они должны быть москвичами хотя бы во втором-третьем поколении, иметь высшее или неполное высшее образование, быть носителями русского литературного языка, не иметь диалектных и просторечных следов в произношении.

Другой способ определения нормативных узуальных реализаций — это обращение к «эксперту» по данному вопросу: «К “экспертам” можно причислить образованных, грамотных людей, знающих, что по данному поводу говорится в словарях и справочниках, но способных критически оценить соответствующие рекомендации» — такая методика предполагала бы, что мы а priori выделяем некоторое заданное множество «образованных» носителей языка данного региона, речь которых может считаться «образцовой», и постулируем, что любое языковое явление, которое встретилось в их речи, является принадлежащим норме [Шмелев 2014: 218]. Такой способ исследования провоцирует появление тех же, и, как кажется, неразрешимых проблем, что и предыдущий. Если источником информации о правильном произношении является звучащая речь специально подобранных групп информантов, то, как уже было сказано, невозможно при современной языковой ситуации сформулировать критерии, которым должны отвечать эти носители языка. Точно также нельзя точно определить те качества, как лингвистические, так и экстралингвистические, которыми должны обладать «эксперты». Но между двумя названными подходами есть важное различие: при

использовании информантов можно сделать выборку настолько статистически представительной, что будут нивелированы отдельные «отступления» и индивидуальные особенности. При использовании «субъектов нормы» это невозможно, так как качественных «экспертов» не может быть много, это «штучный товар». А при небольшой выборке нельзя быть уверенными в том, что зафиксированные факты не являются специфическими особенностями речи «субъекта» нормы и что их можно экстраполировать на речь всего социума. Если исследование звучащей речи при помощи больших групп информантов-носителей языка позволяет собрать фактические данные только об узуальных нормах, то эксперименты со сбором информации у экспертов позволяют «перекинуть мостик» между узуальными и кодифицированными нормами, поскольку предполагается, что «субъекты нормы» знают и чувствуют действующие кодификационные рекомендации и могут оценивать не только то, что они сами произносят, но и данные словарей как соответствующие или не соответствующие особенностям их речи или — шире — правильной речи [Шмелев 2004]. А. Д. Шмелев при проведении подобных экспериментов предлагает ставить перед «экспертом» три разных вопроса — (1) Как обычно произносят это слово окружающие вас люди? (2) Как это слово произносите вы? (3) Как правильно произносить данное слово? [Шмелев 2012].

Сравнивая два описанных способа получения орфоэпической информации, необходимо отметить, что их можно сочетать: «В конце концов “чистый” лингвист может остановить свой выбор на двух-трех основных информантах, иногда прибегая к контрольным проверкам языковых фактов у других носителей языка. Подобный отбор социологи называют целевой выборкой. Для описательной лингвистики целевая выборка является ведущим и бесспорно очень продуктивным способом подбора информантов, но она имеет лишь вспомогательный характер для решения многих социолингвистических задач, а именно таких, которые направлены на выявление языковых характеристик некоторого социума в целом. Безусловные преимущества этого типа выборки — простота и экономичность, недостаток — невысокая достоверность полученных социолингвистических данных. Увеличение размеров целевой выборки мало помогает: когда информанты отбираются с опорой лишь на исследовательское чутье, невозможно обосновать представительность полученных данных для всей генеральной совокупности» [Беликов, Крысин 2016].

Многие социолингвистические задачи не предполагают статистической обработки материала, для их решения целевая выборка оказывается оптимальной. Результаты же экспериментов с использованием генеральной выборки — большие группы информантов, пропорционально включенные гендерные и возрастные группы и т. д. — позволяют представить полученные факты статистически, а следовательно, более достоверно.

Нельзя не отметить, что у нас практически не проводятся социолингвистические исследования региональных вариантов литературного произношения. Лингвисты обычно описывают только московскую и петербургскую норму, а кодифицируют вообще только московскую, исходя из представления, сформулированного В. И. Чернышевым еще в 1915 году: «образованные люди во всех местах России говорят по-московски» [Чернышев 1915: 13]. Это не соответствовало действительности в то время, не соответствует и сейчас. Давно назрела необходимость системного изучения узуальных произносительных норм образованных носителей литературного языка разных регионов России с использованием методов социолингвистики.

Таким образом, при исследовании, ориентированном только на установление факта произнесения, вопросы интерпретации и связи с кодификацией остаются за лингвистом-экспериментатором. Но при использовании «экспертов» делается акцент на осознание нормы, экспериментатора интересует не только, а может, и не столько, фактическое употребление, сколько оценочное суждение человека, что позволяет в определенной степени связать узуальные употребления с кодификационными рекомендациями. Решение об использовании генеральной выборки или целевой при проведении орфоэпических исследований во многом диктуется спецификой изучаемого языкового материала. Чем лабильнее анализируемый участок звуковой системы, тем более представительной должна быть выборка, а следовательно, предпочтительнее привлечение больших групп информантов.

4. Один из основных и наиболее спорных вопросов орфоэпии — о критериях принятия кодификационных решений. Для нашего исследования этот вопрос особо важен, т. к. его решение предопределяет логику и процедуру перехода от узуальной нормы к кодифицированной.

Существуют два подхода, определяющих алгоритм принятия решения при переходе от узуальных норм к кодифицированным, их

принято называть субъективный и объективный [Пожарицкая, Добрушина 2017].

Субъективной оценкой фактов орфоэпической вариативности называют позицию безусловного представления о нормативности варианта, основанного на традиции, следовании авторитетным образцам и личном вкусе автора рекомендаций. А. М. Пешковский, критикуя такой подход, говорил о приоритете «литературно-языкового идеала»: «Первой и самой замечательной чертой его является поразительный консерватизм, равно которому мы не встречаем ни в какой другой области духа. Из всех идеалов это единственный, который лежит целиком позади. “Правильной” всегда представляется речь старших поколений, предшествовавших литературных школ. Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет» [Пешковский 1959: 55].

Объективная оценка орфоэпических вариантов может быть только результатом социолингвистических исследований узуса, которые на материале русского языка были начаты в 60-е годы XX столетия под руководством М. В. Панова [Панов 1967].

Выбор методологии — объективный или субъективный подход к оценке произносительных вариантов — неразрывно связан с вопросом о выборе критериев для рекомендации одного из сосуществующих вариантов произношения в качестве кодифицированной нормы. Чаще всего в литературе называются такие основания, как соответствие внутренним законам развития языка, соответствие культурно-исторической традиции, распространенность варианта в речи образованных людей.

Оставим за пределами анализа некоторые предложения, которые, как кажется, не опираются на современные научные представления, например, такие: надо рекомендовать тот вариант, который сближает произношение с письмом; тот, который методически удобен при преподавании русского языка нерусским; тот, который соответствует «младшей» норме, так как за молодежью — будущее; тот, который поддерживается большинством говоров и др.

Рассмотрим особенности проявления указанных критериев, а также некоторых других, используемых при переходе от фиксации узуального употребления к кодификации.

4.1. соответствие внутреннему языковому закону

Если зафиксированный в живой речи произносительный вариант нарушает какую-либо синхронно действующую в литературном языке закономерность, кодификатор его бракует. Так, никто не бу-

дет рекомендовать в качестве правильных произношений варианты *ду[б]*, *зе[р']кало*, *бл[о]кно́т*, *же[н]щина* и т. д. вместо *ду[п]*, *зе[р]кало*, *бл[а']кно́т*, *же[н']щина*. На узуальном уровне подобные факты в речи образованных людей не фиксируются: они либо нарушают современные парадигматические и синтагматические законы звуковой системы русского литературного языка, либо являются фактами других языковых систем или других хронологических срезов.

Сложнее обстоит дело с оценкой инноваций, появляющихся в узуальном употреблении в рамках синхронной системы литературного языка в звучащей речи людей, чьей орфоэпической компетенции можно доверять. Например, в последнее время и достаточно широко распространилось произношение твердых [р] и [м] перед постфиксами *-те* и *-ся*: *прове́[р]те* вместо *прове́[р']те*, *познако́[м]ся* вместо *познако́[м']ся*. Такое произношение является результатом гиперкоррекции: носители языка по аналогии с явлением позиционной мягкости согласных начинают произносить мягкий согласный твердо в позиции перед мягким. Но твердые согласные в данном случае являются реализацией мягких фонем (это доказывается сильной по твердости-мягкости позицией конца слова — *прове́[р']*, *познако́[м']*), что противоречит фонологическому закону, согласно которому мягкие фонемы могут реализовываться только мягкими звуками, а твердые фонемы и твердыми, и мягкими вариантами. Другой пример — регулярно фиксируемое в младшей норме произношение заимствованных слов со звонким согласным на конце — *и́ми[дж]*, *па[б]*, *бло[г]* и др., что противоречит одному из самых устойчивых законов русского произношения о невозможности употребления звонких согласных на конце слова перед паузой.

В приведенных примерах явно нарушаются языковые законы и правила, уже реализованные в звуковой системе. Но как решить — фонетическая «странность», выявленная в узуальном употреблении, — это наметившаяся новая тенденция или ошибка?

Как быть в таких случаях? Ведь законы произношения изменчивы: то, что вчера было устойчивым законом, может сегодня либо замениться на другую закономерность, либо вообще стать ненормативным. Кроме того, какие-то языковые факты, возможно, просто ранее не попадали в фокус внимания лингвистов и в связи с этим не были зафиксированы.

Так, например, один из самых сильных запретительных фонетических законов — не могут стоять рядом два шумных согласных, различных по глухости-звонкости. Но относительно недавно

Р. Ф. Касаткина доказала, что это не так и при определенных просодических условиях возможно соседство разных по наличию голоса согласных в пределах одной синтагмы: на стыке слов или на стыке основ сложного слова возможно сочетание глухого шумного со звонким, если первый компонент во фразе просодически выделен сильнее, чем второй (*го*[зд]о́лг, но *го́*[зд]о́лг и *го́*[сд]о́лг) [Касаткина 2000; Скачедубова 2008]. То, что ранее воспринималось как ошибка, стало реализованной нормой, причем уже не только узуальной, но и кодифицированной [БОС 2012]. Лингвистам еще только предстоит разработать четкие алгоритмы принятия решений в подобных ситуациях.

4.2. соответствие культурно-исторической традиции

Многие лингвисты говорят о необходимости соблюдать культурно-историческую традицию, одобряя тот или иной вариант произношения. Так, М. В. Панов считал соблюдение культурно-исторической традиции главнейшим аргументом при принятии решения о рекомендации того или иного произношения наряду с соблюдением внутреннего языкового закона [Панов 1979: 203]. А что именно имеется в виду в подобных случаях? Несмотря на общепринятость понятия *культурно-историческая традиция*, его смысл по отношению к языку неясен. Как представляется, любой факт языка является результатом культурно-исторической традиции, а любое языковое изменение ведет к нарушению этой традиции.

Например, в слове *жюри* по традиционной норме допускалось произношение только с мягким первым звуком — [ж'ур'й]. В наше время распространилось произношение [жур'й], которое категорически запрещается почти всеми словарями и пособиями по культуре речи, несмотря на то что это изменение поддержано фонологически и широко распространено в речи (орфоэпический эксперимент показал, что 88% носителей литературного языка, участвовавших в опросе, произносят [жур'й]).

Аналогично обстоит дело с ударением в слове *жалюзи*. Кодификаторы разрешают только вариант *жалюзи́*, ссылаясь на традиционно сохраняющееся в словах французского происхождения ударение на последнем слоге. Но во-первых, в русском языке известны случаи, когда слова, пришедшие из французского языка, меняли финальное место ударения на другое, например, *а́дрес*, *дью́жина* и др. Во-вторых, даже в речи образованных людей, знающих о происхождении слова *жалюзи*, в подавляющем большинстве случаев в наше время, в противоречии с традицией, фиксируется ударение *жа́люзи*.

Можно было бы продолжать ряд примеров, по отношению к которым кодификаторам почему-то психологически трудно рекомендовать варианты, которые либо уже давно функционируют и преобладают в узусе (например, *український*), либо появились относительно недавно, но их позиции весьма прочны (например, *кулінарія, мусоропровід*). Авторы словарей продолжают упорно поддерживать варианты явно менее актуальные (*український, кулінарія, мусоропровід*).

Данью традиции является и кодификация места ударения в формах глагола *баловать* и *исчерпать*. Большинство словарей разрешает только следующее ударение в этих глаголах: *балова́ть, балу́ю, балу́ет ! не рек. ба́ловать, ба́лую, ба́лует* [ОС 1983: 35]; *исче́рпать, исче́рпаю, исче́рпает ! не рек. исчерпа́ть, исчерпа́ю, исчерпа́ет* [ОС 1983: 198]. Такие рекомендации основаны только на традиции и не поддержаны современным и не только современным узусом. Согласно опросу, в котором приняли участие 100 человек, носителей литературного произношения, *балова́ть* произнесли 41% респондентов, *ба́ловать* — 59%; *исче́рпать* 36%, *исчерпа́ть* — 64%. Можно заметить, что кодификация в данном случае могла бы игнорировать данные о частотности новых акцентологических вариантов, если бы инновация противоречила какой-либо системной закономерности. Но это не так. Более того, указанные варианты, запрещаемые в подавляющем большинстве источников, можно найти в произведениях известных поэтов, и фиксируются они уже давно: по данным НКРЯ, для глагола *баловать(ся)*, например, указанные «новые» варианты употребляются с конца XVIII века, для глагола *исчерпать* — с начала XX века):

Нас время *балу́ет* победами,
И вещи каждую минуту
Все сказочнее и неведомей
В зеленом зареве салюта (Б. Л. Пастернак).

Я *исчерпа́л* до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон (В. Я. Брюсов).

Некоторые авторы словарей в подобных случаях рассуждают удивительным образом. Так, И. Л. Резниченко в ситуациях, когда широко фиксируемые в узусе произношения противоречат традиционной норме, пишет, что хотя подобные варианты встречаются не только в обывденной речи, но и в речи поэтов, все же это отступление от лите-

ратурной нормы [Резниченко 2019]. Никаких объяснений такому решению не предлагается. Остается задаться вопросом, каким же образом определяется автором кодификационная рекомендация? Берется «по традиции» из ранее изданных словарей других авторов?

Необходимо отметить, что попытки запретить новый вариант произношения на основании необходимости соблюдать традицию обречены на провал, что не раз было доказано за последнее столетие.

4.3. *распространенность варианта и статистика нормы*

В работах лингвистов, обсуждающих проблемы нормы, можно обнаружить резко противоположное отношение к возможности и необходимости использовать фактор распространенности варианта произношения при кодификации.

Одни ученые считают, что именно регулярное употребление в звучащей речи образованных людей позволяет кодифицировать узуальный вариант произношения. «Главный и единственный авторитет в языке — это обычай, употребление» [Шахматов 1899: 30]. Л. Андерсен, который определяет норму как набор правил, возникающих в результате изучения употребления, пишет: «Употребление и норма в основном идентичны, и норма может быть изучена путем изучения использования» [Andersen 1996: 140, 142]. О. А. Лаптева рассматривает количественный материал как объективный: нормы возникают из коллективного языкового сознания, стабилизируются как следствие индивидуальной речи, и, следовательно, все, что закрепляется в языке, является нормативным [Лаптева 1990: 44–48].

Одним из самых ярых сторонников применения статистических данных при установлении нормы является Л. К. Граудина: «Статистические показатели должны использоваться в качестве объективных выразителей употребительности, распространенности языковых единиц» [Граудина 1980: 63]. Л. К. Граудина считает, что для кодификации могут быть установлены строгие ограничения: если использование формы превышает заранее определенный процент, то эта форма должна и может быть кодифицирована как нормативная [Граудина 1980: 70–71]. Однако существуют некоторые оговорки в отношении метода, основанного только на частотности того или иного языкового варианта, — применение статистической процедуры при переходе от узуальных норм к кодифицированным должно сопровождаться дополнительными исследованиями и выявлением и иных, кроме статистических, аргументов принятия решения [Граудина 1980: 68–69, 96]. В. Л. Воронцова [Воронцова 1979: 224] также рассматривает статистику лишь как часть информации, которая должна

приниматься во внимание кодификатором. В. А. Ицкович не считает фактор распространенности достаточным условием для признания варианта годным для кодификации: использование или неиспользование является важным критерием для определения того, что является нормой, хотя не все, что широко используется, является нормой, но если что-то не используется, это не может быть нормой [Ицкович 1970: 25].

Многие авторы высказывали возражения против самой идеи использования фактора частотности употребления как критерия нормативности и противопоставляли понятие распространенности варианта норме как таковой. Так, например, С. М. Кузьмина резко отзывалась о применении статистических методов при принятии решений о кодификации — «описательно-констатирующий, равнодушный подход при описании произносительной стороны литературного языка недостаточен и даже неуместен» [Кузьмина 2010: 42]. В этом эмоционально-оценочном заключении напрочь отсутствует аргументация. Почему научно-объективная констатация факта употребления свидетельствует о равнодушном отношении к описанию языка?

В достаточной степени скептически относился к использованию критерия распространенности вариантов произношения и М. В. Панов. Им была предложена иерархическая схема «веса» того или иного фактора при принятии кодификационного решения [Панов 2004: 478]. Согласно этой шкале, распространенность звукового варианта занимает лишь третье место из четырех, при этом условные индексы, символизирующие относительную силу, значимость разных критериев следующие: отвечает традиции — 20, соответствует объективному закону развития языка — 8, распространенность — 8, соответствует орфографии — 5. М. В. Панов неоднократно говорил о том, что важнейшие основания для принятия решения о рекомендации варианта произношения — соответствие культурно-историческим традициям и внутренним законам развития языка. Он замечал при этом: «Но они друг другу противоречат! Законы развития языка говорят о том, что в языке постоянно появляются <...> произносительные новшества. Однако литературный язык должен сохранять на протяжении многих поколений свое единство» [Панов 1979: 203]. Продолжая это рассуждение, Панов указывал, что это противоречие снято (или смягчено) в самой жизни языка, так как устаревающие нормы используются системой для особых фонетических подсистем — на сцене, в радиопередачах и т. д. С этим объяснением невозможно согласиться. Тот факт, что уходящие нормы получают

новую функциональную нагрузку, никак не позволяет примирить традиции и инновации. Решение о правильности-неправильности того или иного варианта произношения принимается в рамках основной системы, а не для частных подсистем, живущих по своим фонетическим законам.

В отдельных случаях лингвисты начинают противопоставлять узуальную распространенность и кодификацию. Так, А. Д. Шмелев пишет: «Однако в последнее время от некоторых лингвистов поступают предложения отказаться от ориентации на словари и справочники и считать, что в основе понятия нормы лежит статистика: норма — это то, как говорят или понимают языковые выражения большинство носителей языка. При таком подходе словом “норма” обозначается то, что лингвисты обычно называют узусом, а в качестве замены термину “норма” используется понятие правильности» [Шмелев 2014: 217–218]. Как представляется, в этом высказывании произошла определенная подмена: лингвисты, предлагающие использовать объективные данные о распространенности конкретных вариантов в узусе образованных людей, не отрицают необходимости обращения к словарям, а предлагают использовать статистические данные при составлении этих самых словарей.

В качестве примера действия фактора распространенности рассмотрим вопрос о месте ударения в личных формах глаголов на *-ить*. В современном русском языке существует тенденция перехода глаголов на *-ить* от акцентного типа *b* к акцентному типу *c*, происходит замена неподвижного ударения на окончании подвижным ударением. В связи с тем что процесс замены неподвижного ударения на подвижное начался для разных слов в разное время и проходил с разной скоростью, анализируемый участок системы устроен крайне сложно, что проявляется в противоречивости лексикографических рекомендаций.

Так, например, ОС как равноправные варианты предлагает *волóчит* и *воло́чит*, *горóдит* и *городíт*, *дб́ит* и *до́ит*; неравноправные с пометой *доп.*, то есть менее предпочтительные, но находящиеся в пределах нормы, — новые варианты *вв́интит*, *всéлит*, *мíрит*, *посéлит*, *помéстит*; в других случаях с пометой *доп.* даются старые варианты — *солíт*; с пометой *доп. устар.* — *белíт*, *дарíт*, *дружíт*; в некоторых случаях новые варианты снабжаются запретительными пометами, но разной степени строгости — с пометой *не рек.* новые варианты *глúшит*, *заглúшит*, *мóрит*, *звóнит*; с пометой *неправ.* — *вклúчит*. Каким образом авторы словаря принимают решение о том или ином

нормативном статусе варианта, понимая, что происходящее у нас на глазах изменение места ударения в рассматриваемой группе слов отвечает закономерной языковой тенденции, а не является случайностью? С. К. Пожарицкая, обсуждая сложившуюся кодификационную практику, пишет: «На вопрос, почему говорить *сóлит* — это хорошо, *мíрит* — не вполне хорошо, *звóнит* — плохо, а *вклúчит* — категорически нельзя, никакого аргументированного ответа не существует. Эти пометы даются только на основании интуиции эксперта» [Пожарицкая 2004]. Действительно, аргументированного ответа не существует в логике авторов многих словарей. Но мог бы существовать, поскольку имеется такой инструмент получения информации, как статистически представительное социолингвистическое обследование, которое позволяет зафиксировать, на каком именно этапе движения от неподвижного ударения к подвижному находится каждый конкретный глагол на *-ить*.

Социолингвистика как самостоятельное направление русистики сформировалось у нас в стране в 60–70-е годы XX века, когда под руководством М. В. Панова была реализована масштабная программа сбора социолингвистической информации, результаты которой были воплощены в двух монографиях «Русский язык и советское общество» под ред. М. В. Панова и «Русский язык по данным массового обследования» под ред. Л. П. Крысина. Социолингвистика изучает, «какие стороны языка обнаруживаются в его социальной жизни, в распределении его вариантов среди разных слоев населения. Социологическое исследование требует массового обследования» [Панов 1979: 207]. Учеными, проводившими эту работу, была не только разработана методология подобных исследований, но и собран богатейший фактический материал, который мог бы послужить надежной опорой для кодификации языковых норм. Но этого не произошло — для разных уровней языка, в том числе и для фонетики, во многих случаях был обнаружен серьезный разрыв между живыми нормами произношения и их кодификацией. Казалось бы, собранный представительный фактический материал о реализации узуальных норм должен был повлечь за собой корректировку многих словарных рекомендаций, но авторы словарей в большинстве случаев проигнорировали полученные группой под руководством М. В. Панова статистические данные.

Проиллюстрируем это несколькими конкретными примерами, хотя их можно было привести намного больше.

Слова *бухгалтер* и *бюстгалтер* традиционно произносились со звуком [ʏ] — *бу[ʏ]áлтер*, *бюст[ʏ]áлтер*. Произношение всего в не-

скольких знаменательных словах фрикативного [ɣ] в позиции перед гласным нарушало правила русского произношения и служило маркером заимствованного характера этих слов. По данным социолингвистического обследования, проводившегося более полувека назад [РЯиСО: 123], в речи старшего поколения фрикативный согласный был зафиксирован в 36% всех случаев, взрывной — в 64%; в речи младшего поколения 34% и 66% соответственно. Но ни один орфоэпический словарь не отразил в качестве возможного варианта новое произношение с взрывным звуком, несмотря на то что так произносили две трети респондентов. Почему? Может, эта инновация противоречила какой-нибудь внутренней тенденции звукового строя русского языка? Наоборот — естественный процесс русификации привел к замене «чужой» для русского литературного языка фонемы <ɣ> на русскую <г>, фонетическая «странность» заменяется на привычную реализацию. В настоящее время, по данным представительных обследований звучащей речи людей, чьей орфоэпической компетенции можно доверять, выяснено, что 66% респондентов произносят *бу[г]áлтер* и 96% — *бюст[г]áлтер* со взрывным согласным звуком, а не со щелевым. Но в современных словарях, хотя бы в некоторых из них, этот факт признается по отношению к слову *бюстгалтер* и по-прежнему игнорируется для слова *бухгалтер*.

В вопросниках по произношению в рамках социолингвистических исследований 60-х годов проверялась соотношение звуков [ш̣'] и [ш'ч'] в позиции внутри морфемы и на стыке морфем. Для позиции стыка морфем было зафиксировано для трех возрастных групп сосуществование этих вариантов, при этом в младшей группе респондентов явно преобладал вариант [ш'ч'], например, в слове *расчищать* это сочетание было зафиксировано у представителей старшей и средней возрастной группы в 58% и в 73% у младшей. Казалось бы, что указанная частотность звуков должна вызвать у кодификаторов потребность отразить наличие в данном случае произносительных вариантов. Но этого не произошло. Авторы ОС для всех слов с подобной структурой разрешают только один вариант — *бе[ш'ч']еловéчный*, *ра[ш'ч']ищáть* и т. д. Почему не принят во внимание факт широкого распространения и варианта [ш̣']? Потому, что в основу принятия кодификационного решения положена теоретическая идея о противопоставлении реализации внутри морфемы и на их границах, что позволило бы маркировать морфемные швы (*у[ш̣']ú*, но *ра[ш'ч']úстить*). То, что узуальные нормы явно не поддерживали это распределение,

не смущало лингвистов. В более поздних социолингвистических исследованиях [Каленчук 1993] было продемонстрировано дальнейшее вытеснение варианта [ш'ч'] вариантом [ш'] (а не наоборот, как считал М. В. Панов), что позволило внести коррективы в произносительные рекомендации. Например, *ра[ш']ústить* и допуст. *ра[ш'ч']ústить* [БОС 2012: 686]. Этот фонетический сюжет позволяет продемонстрировать, как именно узуальные нормы определяют (и должны определять) нормы кодификационные.

4.4. общественное одобрение и признание социумом варианта нормативным

В современной общественной и языковой ситуации в процессе перехода от узуальных норм к кодифицированным приходится учитывать некоторые факторы, которые не были значимыми на предыдущих этапах. Так, можно привести ряд примеров, в которых какой-либо новый вариант произношения широко распространен, полностью соответствует внутренней языковой тенденции, а общество этот вариант отвергает: «...решающее значение в этом случае имеют не столько рекомендации специалистов — авторов словарей, сколько реакция социума — негативное отношение к одному из вариантов. А реакции членов социума характеризуются тем, что некоторые нарушения нормативности не замечаются вовсе, а те, которые фиксируются, вызывают обычно преувеличенно бурную отрицательную реакцию» [Пожарицкая 2004].

Примером такого рода «неадекватной» реакции общественного мнения является вопрос о месте ударения в формах глагола *звонить*, которым многие приписывают роль «лакмусовой бумажки» при определении степени владения культурой речи. При этом одни глаголы на *-ить* уже завершили процесс акцентологического изменения (*варíть, катíть, привозíть*), в других процесс далек от завершения, что проявляется в сосуществовании акцентных дублетов, между которыми могут быть как равноправные, так и неравноправные отношения (см. выше пункт 4.3). Но внимание общества искусственно сфокусировано на месте ударения только в глаголе *звонить*. При этом оказывается, что «борьба за правильное литературное произношение часто превращается в попытки затормозить этот процесс, и изредка это удается: так, например, ударение на основе в личных формах глагола *звонить* (*звóнишь, звóнит, звóним, звóните, звóнят*)» в настоящее время благодаря усилиям радетелей чистоты русского языка приобрело одиозный характер как показатель неинтеллигентности, плохого владения русским языком» [Пожарицкая 2004].

Представляется, что в подобных случаях при условии широкого распространения нового варианта и его соответствия тенденциям языкового развития кодификатор должен игнорировать искусственно сформированное мнение социума, пользуясь возможностью влиять через словари на это мнение.

Заключение

Взаимоотношения кодифицированных и узуальных норм не всегда принимают форму конфликта, разрешаемого в пользу одной из сторон. В большинстве случаев реализации этих двух типов норм, естественно, совпадают. В тех случаях, когда вариант произношения удовлетворяет всем выдвинутым критериям, проблемы при принятии кодификационного решения нет, узуальный вариант получает законную нормативную характеристику.

Но для описания синхронного состояния звуковой системы языка под динамическим углом зрения важнее и интереснее выявление и интерпретация различных случаев несовпадения двух указанных типов норм, что и является целью настоящей монографии и в чем мы видим перспективы дальнейшей работы. Нельзя не отметить, что в ситуациях, когда один из критериев принятия решения противоречит другому или другим, нет разработанного или хотя бы серьезно обсуждаемого алгоритма действий кодификатора.

Существуют две взаимоисключающие точки зрения, формулирующие отношение кодификаторов к узуальным нормам. «Задача разумного орфоэпического воздействия на язык — не торопиться принять, узаконить, рекомендовать произносительное новшество. В орфоэпии прогрессивен традиционализм. Только человек, выключенный из культуры, может радоваться тому, что орфоэпические нормы быстро меняются» [Панов 1979: 200]. «Самая трудная задача в деле создания орфоэпических рекомендаций — это своевременное признание тех новых вариантов, которые идут на смену старым. Думается, что в этом случае лучше даже “забежать вперед”, чем опоздать. Это не значит, что надо торопиться запретить старую форму и рекомендовать новую; просто новые формы не следует игнорировать» [Пожарицкая 2004: 237].

Как представляется, выявленные в звучащей речи образованных людей при проведении представительных и системных социолингвистических исследований варианты произношения должны быть обязательно учтены при выработке произносительных рекомендаций.

И единственный аргумент, препятствующий приданию узуальному варианту статуса кодифицированного, — нарушение внутриязыковых законов. Все остальные критерии — культурно-историческая традиция, авторитетность «экспертов», речевые навыки и языковой вкус автора словаря и др. имеют вторичный характер.

Основной вывод проведенного исследования — нормативные рекомендации в словарях должны опираться на реальную речевую практику образованных людей, а не на представления авторов о том, что правильно и что неправильно в звучащей речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Беликов, Крысин — *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. М.: Юрайт, 2016.
- БОС — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.
- Воронцова 1979 — *Воронцова В. Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1977.
- Граудина 1980 — *Граудина Л. К.* Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М.: Наука, 1980.
- Добрушина 2013 — *Добрушина Е. Р.* Между нормой-интуицией и нормой-кодификацией, или Двести лет вместе с *ихний* // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 181–204.
- Ицкович 1968 — *Ицкович В. А.* Языковая норма. М.: Просвещение, 1968.
- Каленчук 1993 — *Каленчук М. Л.* Орфоэпическая система русского литературного языка. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1993.
- Касаткина 2000 — *Касаткина Р. Ф.* Об изменениях в просодической системе русского литературного языка в последнее десятилетие // Слово в тексте и словаре: Сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М., 2000.
- Косериу 1963 — *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 143–343.
- Крысин 2010 — *Крысин Л. П.* Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса // Русский язык сегодня. М.: ЯСК, 2010. С. 9–31.
- Кузьмина 2010 — *Кузьмина С. М.* Нормативная фонетика и современная произносительная практика // Русский язык сегодня. М.: ЯСК, 2010, С. 31–46.
- Лаптева 1990 — *Лаптева О. А.* Живая русская речь с телеэкрана. Сегед, 1990.

- ОС 1983 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.
- ОС 1989 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. М. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1989.
- Панов 1967 — *Панов М. В.* Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967.
- Панов 1979 — *Панов М. В.* Современный русский язык: Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.
- Панов 2004 — *Панов М. В.* О русской орфоэпии // *Он же.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 467–479.
- Пешковский 1959 — *Пешковский А. М.* Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959.
- Пожарицкая 2004 — *Пожарицкая С. К.* Орфоэпия; идея и практика // *Язык и речь: проблемы и решения.* Сборник научных трудов к юбилею профессора Л. В. Златоустовой. М., 2004. С. 231–238.
- Пожарицкая, Добрушина 2017 — *Пожарицкая С. К., Добрушина Е. Р.* Орфоэпический взгляд на некоторые варианты явления русского литературного языка в эпоху корпусной лингвистики // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017».* Т. 2. М.: РГГУ, 2017. С. 351–360.
- Резниченко 2019 — *Резниченко И. Л.* Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-Пресс Школа, 2019.
- Русский язык: Энциклопедия — Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: БРЭ, 2003.
- РЯДМО — *Русский язык по данным массового обследования* / Под ред. Л. П. Крысина. М.: 1974.
- РЯиСО — *Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование.* Кн. 1–4 / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.
- Сенкевич 1997 — *Сенкевич М. П.* Культура радио- и телевизионной речи. М.: Высшая школа, 1997.
- Скачедубова 2008 — *Скачедубова Е. С.* Особенности произношения сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Чернышев 1915 — *Чернышев В. И.* Законы и правила русского произношения. Пг., 1915.
- Шахматов 1899 — *Шахматов А. А.* Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана // План нового Академического словаря с точки зрения иноязычного. Записка И. Х. Пахмана // ОРЯС ИАН LXVII (1), 1899.

- Шмелев 2004 — *Шмелев А. Д.* Проблема кодификации в сфере орфоэпии: Личный вкус или объективные данные? // Культура русской звучащей речи: Традиции и современность. М.: ИРЯ РАН. С. 116–119.
- Шмелев 2012 — *Шмелев А. Д.* Корпус или эксперимент? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 587–597.
- Шмелев 2014 — *Шмелев А. Д.* Распространенная ошибка или новая норма: Как отличить одно от другого? // Отечественные записки. 2014. № 3. С. 217–221.
- Andersen 1996. *Andersen L.* Russisk lingvistisk terminologi: ordbog. Copenhagen: Akademisk Forlag, 1996.
- Hartung 1977 — *Hartung W.* Zum Inhalt des Normbegriffs in der Linguistik // Normen in der sprachlichen Kommunikation / ed. by W. Hartung. Berlin: Akademie-Verlag, 1977. P. 9–69.
- Marklund Sharapova 2000 — *Marklund Sharapova Elisabeth.* Implicit and Explicit Norm in Contemporary Russian Verbal Stress. Upsala: Acta Universitatis, 2000. Vol. 40.
- Niemeyer 1994 — *Нимайер М.* Смысл или бессмысленность языковой нормы? // Russistik. 1994. № 1–2. P. 8–17.
- Ukiah 1998. — *Ukiah N.* Stress retraction in phrases of the type na' den', zá sorok, né byl in modern Russian // Russian linguistics. 1998. № 22. P. 287–319.

ГЛАВА II. УЗУАЛЬНЫЕ И КОДИФИЦИРОВАННЫЕ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

О. В. Антонова

2.1. АКЦЕНТУАЦИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ Ж. Р. НА *-а, -я*

0. Введение

Говоря о природе русского ударения, исследователи, как правило, выделяют несколько его основных особенностей [Аванесов 1955: 31; Воронцова 1979: 5–6, Касаткин 2006: 68], значение которых для различных языковых уровней неодинаково (речь идет прежде всего о лексическом, морфологическом и фонетическом уровнях):

1. В лексическом ярусе важнейшей характеристикой ударения является его разноместность (свобода), необходимая для дифференциации лексем (что наиболее ярко иллюстрируется случаями омонимии: *за́мок* и *замо́к*).

2. В грамматическом отношении ключевой особенностью является подвижность ударения, что необходимо для признания ударения собственной характеристикой определенной формы слова или, при регулярности передвижений, частью слово- и формообразовательной парадигмы (к примеру, парадигмы множественного числа). При этом роль ударения как грамматического средства при словоизменении и словообразовании различна [Аванесов 1955: 31].

3. И наконец, в фонетическом отношении ударение является важнейшим суперсегментным средством, выступающим как показатель цельнооформленности слова, особенно в плане описания его вокалической структуры.

В области именного ударения одним из подвижных звеньев традиционно считается акцентуация непроезженных имен существительных ж. р. с основой на *-а* (*-я*) типа *посо́са, сестра́* и подобн., исторически отнесенных к так называемому окситонированному классу (т. е. классу имен, имеющему во всех формах словоизменительной

парадигмы ед. и мн. ч. ударение на окончании) [Колесов 1972; Хазагеров 1973; Воронцова 1979]. Известно, что в процессе развития литературного языка место ударения при формообразовании в этих лексемах постепенно менялось; в частности, вот уже на протяжении двух столетий исследователи последовательно фиксируют в ряде слов данного акцентного типа в подпарадигме мн. ч. переход от флексionного ударения к корневому, в результате чего формируется дополнительное противопоставление числовых подпарадигм. Чем же вызваны подобные сдвиги ударения в рамках одной словоизменительной парадигмы? Ведь известно, что «схема ударения и место ударения внутри основы в принципе являются <...> особыми словарными характеристиками отдельного слова, невыводимыми, с формальной точки зрения, из каких-либо иных его характеристик» [Зализняк 1985: 22].

Первоначально причины акцентных изменений связывались с взаимодействием литературного языка с севернорусскими и южно-русскими диалектами, а также с влиянием церковно-книжного произношения [Булаховский 1958], однако впоследствии стало очевидно, что определяют характер акцентологических изменений не внешние влияния (такие, к примеру, как влияния народных говоров), а системные отношения внутри класса имен [Воронцова 1979: 8–9].

1. Тенденция Сидорова

По мнению большинства современных исследователей, главным критерием, регулирующим варьирование в акцентных парадигмах (АП)¹ при формообразовании, следует признать морфологический

---

¹ В современной науке существует несколько подходов к описанию акцентных парадигм слов данного класса: к примеру, согласно В. В. Колесову, в древнерусском языке имена а-основ делились на три АП: баритонированную (с ударением на основе), окситонированную (с ударением на флексии) и подвижную (а, b, c). В подвижную АП исторически объединялись все формы одного слова с *любым* типом разноместного ударения [Иллич-Свитыч 1963; Колесов 1972; Хазагеров 1973; Воронцова 1979], однако с течением времени характеристики детализировались. Ряд современных исследователей пользуется более детальной классификацией А. А. Зализняка [Зализняк 1967], где: а — ударение на основе (что совпадает с баритонированным типом в терминологии В. В. Колесова), b — ударение на флексии (совпадает с окситонированным типом), а далее следуют формы, в разные моменты целиком или частично объединенные в подвижную АП: с — подвижное ударение, ед. ч. на основе, мн. ч. на флексии; d — в ед. ч. ударение на флексии, во мн. ч. на основе, d¹ — то же, что d, но в ед. ч. В. п. (напр., *воду*) ударение на основе, и проч. Возможность использования данной классификации, выработанной для истори-

фактор. Направление таких изменений внутри именного склонения обычно связывают с тенденцией, отмеченной В. Н. Сидоровым: существительные ед. ч. и мн. ч. стремятся к противопоставлению по акцентному признаку (старые акцентные парадигмы объединяются, а ударение в них унифицируется в ед. ч. и мн. ч.). Несмотря на то, что в трудах самого В. Н. Сидорова нет четкого описания действия данной тенденции (а письменное наследие его, увы, оказалось невелико по сравнению с тем массивом идей, которые В. Н. высказывал устно, о чем свидетельствуют многочисленные воспоминания его коллег и учеников, ср. [Борунова, Плотнокова-Робинсон (ред.) 2004]), некоторые косвенные подтверждения того, что эта мысль была им сформулирована и принята, мы находим в тексте учебника русской грамматики, написанного в соавторстве с Р. И. Аванесовым [Аванесов, Сидоров 1945], в котором перу Сидорова принадлежит раздел «Морфология». Ср., к примеру: «Грамматическим средством образования форм может быть еще ударение <...> русское ударение подвижное, т. е. в разных формах одного и того же слова оно может быть на разных его частях и слогах <...> Примером использования ударения в качестве грамматического средства различения форм могут служить многочисленные случаи различения единственного и множественного числа существительных путем постановки ударения в одном числе на основе, а в другом на окончании» [Аванесов, Сидоров 1945: 80–81]. Ср. также в разделе «Средства различения форм единственного и множественного числа» пассаж, посвященный ударению: «В качестве грамматического средства различения форм числа может, наконец, выступать также ударение. У очень многих существительных в ед. и множ. числе ударение стоит на разных частях или слогах слова, и формы числа, таким образом, различаются у них, помимо окончаний, еще местом ударения. Особенно показательно

ческого описания, и для описания синхронного среза, показана в [Воронцова 1979: 11]. Очевидно, что старая и новая схема в описании подвижных типов не совпадают (или совпадают частично), что создает некоторые трудности при попытках сравнительной интерпретации. В рамках настоящего исследования будет также использована классификация, разработанная Л. Л. Касаткиным и реализованная наиболее последовательно в теоретической части «Большого орфоэпического словаря русского языка» [БОС 2017], согласно которой у существительных «неподвижное ударение на основе обозначается буквой А, неподвижное ударение на окончании — буквой В, подвижное ударение — буквой С, а место ударения указывается отдельно для форм единственного и форм множественного числа» [Касаткин 2006: 69].

в этом отношении противопоставление ед. и множ. числа путем постановки ударения в одном числе на основе, в другом на окончании. <...> Нужно иметь в виду, что противопоставление ед. и множ. числа посредством различий в месте ударения часто осложняется благодаря подвижности ударения в системе падежных форм каждого числа» [Аванесов, Сидоров 1945: 95–96]. Или же, говоря о несклоняемых существительных, В. Н. Сидоров отмечает, что они «не имеют морфологических признаков, посредством которых различались бы их *число* (курсив мой — О. А.) и род» [Аванесов, Сидоров 1945: 108]. Наконец, по свидетельству В. Л. Воронцовой (со ссылкой на устное сообщение А. Б. Пеньковского), именно В. Н. Сидорову принадлежит первенство в открытии этой важнейшей тенденции современного русского языка — тенденции к формированию акцентной оппозиции ед. и мн. числа имен существительных [Воронцова 1979: 16]. Ту же мысль повторяет и сам А. Б. Пеньковский в воспоминаниях о В. Н. Сидорове: «В многочисленных и разнообразных процессах изменения, развития и перестройки грамматического строя русского языка <...> мысль его обращалась к самым общим грамматическим категориям, объединявшим все изменяемые части речи, — к категориям рода и числа. Именно с ними удалось ему связать одну из наиболее общих закономерностей историко-морфологического развития, названную им тенденцией к противопоставлению множественного числа единственному. Сложившись в результате разрушения и утраты категории двойственного числа и превращения общей категории числа в бинарную категорию, основанную на противопоставлении двух ее членов, эта тенденция, по мысли Владимира Николаевича, продолжала действовать на протяжении всей последующей истории русского языка, действует и в современном русском языке, обусловив и обуславливая собой множество общих и частных закономерностей морфологического развития, историю целого ряда общих и частных грамматических категорий, групп и разрядов слов и форм. <...> Флективное противопоставление множественного числа единственному <...> было дополнено <...> противопоставлением по месту ударения» [Пеньковский 2004: 113]. При этом очевидно, что роль В. Н. Сидорова в решении данной проблемы оказалась незаслуженно забыта; так, в книге А. А. Зализняка «От праславянской акцентуации к русской» среди исследователей, занимавшихся разработкой данного вопроса, имя В. Н. Сидорова не упомянуто: «У существительных акцентная эволюция (в восточновеликорусской зоне и в литературном языке) направлена, как согласно отмечают все исследова-

тели вопроса, прежде всего к формированию акцентной оппозиции ед. и мн. чисел; <ср. в современном языке *стадо — стада, парус — паруса* и т. п. и, с обратным распределением ударения, *число — числа, высота — высоты* и т. п. Исторический процесс формирования акцентной оппозиции чисел складывается из двух компонентов: а) акцентная поляризация И. ед. и И. мн.; б) выравнивание внутри каждой из двух числовых субпарадигм. И в том и в другом случае мы имеем дело с экстраполяцией соотношений, существовавших в некоторых фрагментах системы уже в раннедревнерусском>. Изучению указанного процесса посвящены соответствующие разделы целого ряда работ (см., в частности, Кипарский 1962, Шелюто, Колесов 1972, Хазаргеров 1973, Воронцова)» [Зализняк 1985: 373] (представляется важным, что в этот перечень следовало бы добавить и имя Н. Н. Дурново, см. [Дурново 1971: 93–97]²; примечательно также, что и у более ранних авторов, в частности у Я. К. Грота [Грот 1899: 335], отмечались как заслуживающие внимания некоторые факты, впоследствии интерпретированные как тенденция грамматикализации³).

2. Закон аналогии

Стремление к колонному⁴ ударению внутри подпарадигмы одного числа обычно связывается с действием закона аналогии. Так, в исследовании Н. Н. Дурново отмечалось, что стремление к аналогии в грамматическом смысле предполагает аналогию в рамках лишь одного числа, а сами по себе числа могут не только не совпадать, но и противопоставляться: «зависимость... вовсе не направлена на сближение форм ед. и мн. числа, а как раз наоборот, на полную дифференциацию этих двух чисел» [Дурново 1971: 93, 95]. Ср. также: «Уже в древнерусский период начинаются частные акцентные перестройки

² Статья Н. Н. Дурново «О склонении в современном великорусском литературном языке» была впервые напечатана в 1922 г. в журнале «Revue des études slaves» (перевод статьи на русский язык был опубликован в журнале «Вопросы языкознания» в 1971 г.).

³ Именно Я. К. Грот впервые упоминает [Грот 1899: 337] об особенности, которая впоследствии в трудах А. А. Зализняка получила наименование *прагматического фактора*, об этом также см. [Воронцова 1979: 27–29]. Влияние прагматического фактора обычно связывают с освоенностью/неосвоенностью слова говорящим [Зализняк 2010: 25].

⁴ «Колонным ударением в группе словоформ (например, в парадигме) называется ударение на одном и том же слоге по счету от начала» [Зализняк 1985: 9].

аналогического характера (полное их развитие приходится на более позднюю эпоху). Почти все такие перестройки представляют собой акцентное выравнивание в рамках некоторой совокупности словоформ <...> Выравнивание происходит в рамках морфологической парадигмы (или одной из субпарадигм) отдельного слова; оно состоит в достижении колонного ударения в данной совокупности словоформ» [Зализняк 1985: 181].

Таким образом, в результате едионаправленных тенденций (грамматикализации и аналогического перестроения) грамматическое противопоставление форм единственного и множественного числа существительных получает дополнительную поддержку в акцентуации.

3. Историческая справка

Формирование «нового типа подвижности» (с акцентологическим противопоставлением всех форм субпарадигм ед. и мн. ч. существительных на *-a* (*-я*)) происходит как «преимущественно взаимодействие старой подвижной (тип *водá, вóду, вóды, вóдам*) и старой окситонированной (*сестрá, сестрú, сестрý, сестрám*) с основным содержанием: формирование на основе этих двух парадигм новой АП, представляющей новый тип подвижности: ударение на флексии во всех формах ед. числа и ударение на корне во всех типах мн. числа (*сестрá, сестрú — сёстры, сёстрам*)» [Воронцова 1979: 19]. Хронологически этот процесс обычно относят к середине XIX в. (он не отражен в «Грамматике» А. Х. Востокова, но описан Я. К. Гротом) [Колесов 1972: 70].

Среди трех старых акцентных типов (баритонированной, окситонированной и подвижной АП) наиболее активно формирование оппозиции ед. и мн. ч. происходит в окситонированной АП, стремящейся к объединению с исконно подвижными именами: «К настоящему времени <т. е. к середине XX в. — О. А.> у всех имен старого славянского окситонного класса ударение оказалось преобразованным: от окситонии они в полном своем составе перешли (или переходят) к новой подвижности, перегнав по результатам акцентной перестройки группу подвижно-ударяемых имен (последние представляют больше традиционных отклонений от нового типа подвижности). В орбиту действия новой подвижности вовлекаются многие старые заимствования (*сербга*), в том числе из церковнославянского (*глава, страна*), а также новые заимствования, получившие первоначально ударение на флексии. Включаются сюда и многие производные

имена на *-от(a)*, *-ин(a)* и др.» [Воронцова 1979: 19]. Наименее интенсивно изменения протекают в рамках старой баритонированной АП, но постепенно и имена с ударением на основе также встраиваются в действие общей тенденции [Колесов 1972: 67].

Однако результаты наблюдений последнего времени указывают на существование лексем, не следующих этой тенденции и сохраняющих старое ударение. Имеются также и словоформы, ударение в которых меняется в разрез с намеченным направлением. Данные колебания и были определены в качестве предмета настоящего исследования.

Причины отклонения от общей тенденции к противопоставлению форм ед. и мн. ч. могут быть различны. По мнению В. В. Колесова, изменения в акцентуации тех или иных слов нельзя объяснить с помощью каких-либо *универсальных* причин: «На каждом этапе изменение определяется основными потребностями конкретной системы, причем фонетические причины преобразования ограничиваются праславянской эпохой, а стилистические свойственны только литературному языку» [Колесов 1969: 30]. По мысли В. Л. Воронцовой, «тенденция грамматикализации, о действии которой свидетельствуют многочисленные примеры изменения ударения в процессе развития литературного языка, не является, однако, всеобъемлющей. Это связано с влиянием различных факторов системного характера и характера узуального» [Воронцова 1979: 25]. Ср. также: «Следует учитывать, однако, что, в отличие от собственно фонетических процессов, аналогические перестройки почти никогда не бывают абсолютно последовательными. Отдельные слова из перестраивающейся группы могут сохранять старое ударение дольше прочих или даже вообще не подвергнуться перестройке: ср., например, старое ударение в *служба*, *дѣлать*, *увеличить* при новом ударении в *мольба*, *оправдать*, *обогащать*» [Зализняк 1985: 182]. Очевидно, некоторые различия в протекании процесса могли быть связаны и с неодинаковыми начальными условиями: к примеру, окситония некоторых имен, очевидно, не была тотальной — из указанной парадигмы исконно выпадали формы Им.-Вин. п. мн. ч., имевшие ударение на корне (ср. *женá*, *женáх*, но: *жéны*) [Воронцова 1979: 48]⁵. По-разному переживали трансформацию исконные (общеславянские) слова и заимствования лексики. За-

⁵ Представляется, что колебания в этой форме могут быть расценены и иначе, а именно как трансформация окситонированной парадигмы (В) в подвижную (С).

имствованные слова (в основном тюркизмы и церковнославянизмы) [Колесов 1972: 36–37, Воронцова 1979: 49], к примеру, попадая на новую почву, переживают период «акцентного безразличия» (напр., *тёрма́*), но в конечном счете их в той же мере, что и слова исконные, захватывает тенденция к грамматикализации.

4. Динамика в акцентуации

Изменения в акцентуации имен существительных на *-а* (*-я*) (формирование «новой подвижности») происходят неоднородно и состоят из нескольких этапов, на каждом из которых все больше форм в подпарадигмах ед. и мн. ч. прямо или косвенно вовлекаются в акцентное противопоставление [Колесов 1972: 68–69; Воронцова 1979: 32–33]. Важными отправными точками для изучения таких колебаний считаются:

1) *динамика форм И.-В. мн. числа* (в период с XVIII по нач. XX вв. старое флексийное ударение у подавляющего большинства лексем оказалось преобразованным в корневое почти полностью);

2) *динамика форм косв. падежей (Д. п., Т. п. и П. п.) мн. числа* (здесь резкий сдвиг к корневому ударению также происходит в нач. XX в., хотя сам характер этого сдвига не такой всеобъемлющий, как в формах И.-В. мн.);

3) *динамика форм В. п. ед. числа* (некоторые лексемы старого окситонированного класса в течение XVIII–XIX вв. испытывали колебания именно на этом участке системы, получая корневое ударение; в ряде случаев такие колебания наблюдаются и сейчас) [Воронцова 1979: 49–59].

Первый пункт списка обычно предшествует двум последующим; второй и третий пункты хронологически могут совпадать, а могут и следовать один за другим.

При этом движение даже внутри исконно окситонированной АП (самой динамичной в плане следования тенденции Сидорова) выглядит настолько неоднородным, что индивидуального орфоэпического подхода требует буквально каждая лексема. Так, сравнивая рекомендации II половины XX в. с нынешним узусом носителей литературного языка, можно отчетливо проследить, что даже те формы, что имели сходные рекомендации в нормативных источниках, в настоящий момент трансформировались неодинаково, в частности, многие имена полностью перешли к новой подвижности и даже перестали фиксироваться орфоэпическими словарями (к примеру, слово *беда* отсутствует в БОС [БОС 2018], что свидетельствует о завершении процесса

грамматикализации — во всех формах ед. ч. установилось ударение на флексии, во мн. ч. — на основе⁶), а другие вышли на новую ступень динамического процесса.

4.1. Исконная лексика

К примеру, в наборе лексем, относящихся к исконной лексике окситонированного класса (а именно: *беда, вдова, вина, война, дуга, дыра, жена, змея, игра, лиса, лука, пила, река, свеча, сестра, скала, скорлупа, скула, стрекоза, сова, стопа, струя, судьба, судья, толта, трава, тропа, труба, тюрьма, узда, черта, щепя* и нек. др. [Иллич-Свитыч 1963; Колесов 1972; Хазагеров 1973], в XVIII в. в И.-В. мн. закономерно держится флективное ударение, а в конце XIX — начале XX вв. (в общих чертах) осуществляется постепенный переход к корневному ударению в подпарадигме мн. ч. (причем скорость перехода не для всех форм и не для всех лексем одинакова: формы в И.-В. мн. получают корневое ударение быстрее — их нормирует в конце 30-х гг. XX в. словарь Д. Н. Ушакова, а формы Д. п., Т. п. и П. п. — позже, и в них резкий сдвиг происходит в начале XX в.), и в итоге к началу XX в. почти у всех лексем этого списка имеются равноправные орфоэпические варианты. То, что скорость перехода не для всех слов и форм одинакова, выражается в том числе в некоторых противоречиях в словарях, снабженных (прямо или косвенно) орфоэпической информацией: так, словари Д. Н. Ушакова и Р. И. Аванесова нередко дают разные рекомендации [Воронцова 1979: 50–53].

Стоит отметить, что и современные источники при обсуждении отдельных лексем могут содержать либо неодинаковые рекомендации, либо излагать точку зрения, актуальную для фиксации орфоэпического среза на предыдущем словарном этапе⁷, к примеру:

1) орфоэпические словари по-разному маркируют ударение на основе в форме *траву*⁸ (В. п. ед. ч.) — то как не рекомендованное

⁶ Ср. в XIX в. во мн. ч. ударение на флексии: *Будь в этот год — бедám помеха, // А на добро — попутный ветер* (П. А. Вяземский); *Да, правда, не свои беды́ — для вас забавы* (А. С. Грибоедов).

⁷ Здесь необходимо учитывать, что словарь [ОС 2015], являющийся доработанной и актуализированной версией орфоэпического словаря [ОС 1983], в данном аспекте зачастую буквально повторяет рекомендации своего предшественника.

⁸ Ср. в первой половине XX в.: *Налетевший на град Вацлава — Так пожар пожирает траву́* (М. И. Цветаева); при этом у нее же *Сорную траву́ дурную // Не коси, косарь, с плеча!*

(с пометой ! *не рек.*), см. [Аванесов (ред.) 1983; ОС 2015], то как неправильное (с пометой ! *неправ.*), см. [БОС 2018];

2) В. Л. Воронцова отмечает (на материале поэтических текстов), что колебания ударения в В. п. ед. ч. в формах *ре́ку* — *реку́* претерпели значительные изменения: от преобладающего в XVIII в. варианта *реку́* норма постепенно сдвигается к варианту *ре́ку*, и в середине XX в. распределение вариантов уже равноправно. Очевидно, это распределение было справедливо и для живой речи: в аудиозаписи воспоминаний Р. И. Аванесова (записанной в 1969 г.) встречаются оба эти произнесения, причем рассуждения о том, какой из них предпочтителен, присутствуют в том же тексте в виде автокоррекции (Р. И. говорит: «в реку́, или в ре́ку, лучше сказать» [Антонова, Савинов (ред.) 2009: 17]). Примечательно, что эта рекомендация до настоящего времени фиксируется орфоэпическими словарями без изменений — варианты *ре́ку* — *реку́* даются как равноправные и в Орфоэпическом словаре под ред. Р. И. Аванесова [ОС 1983], и в новейшей версии этого словаря [ОС 2015], а в БОС вариант *реку́* дается с мягкой пометой *допуст.* [БОС 2018], хотя совершенно очевидно, что в настоящее время в литературном языке вариант *реку́* значительно уступает в частотности своему конкуренту *ре́ку*. Любопытно, что А. А. Зализняк (ссылаясь на данные академической грамматики) считает варианты *ре́ку* и *реку́* противопоставленными по стилистическому признаку (первый — книжный, второй — разговорно-нейтральный) [Зализняк 2002: 166], однако для современного языка это уже не соответствует действительности (вариант *ре́ку* не имеет книжной окраски).

Необходимо отметить, что акцентологические варианты, устаревшие или характерные для старшей произносительной нормы, как и любые архаические фонетические черты, закономерно задерживаются в составе фразеологизмов, ср.: *какими судьба́ми, всем сестра́м по серья́м* [Воронцова 1979: 53], а вне фразеологизмов подчиняются общей тенденции.

Таким образом, очевидно, что пристального внимания в этом вопросе требует не класс слов в целом, а каждое отдельное слово и даже словоформа.

4.2. Заимствованная лексика

В том случае, если слово относится к пласту не исконной, а заимствованной лексики (в основном из тюркских языков, церковнославянского, греческого и др.) и появилось в языке в период

акцентных сдвигов, то у него может быть ярко выражено так называемое акцентное безразличие, т. е. колебание при выборе места постановки ударения, так, в словарях XVIII в. встречаются варианты *софа́* и *софа*, в XIX в. *конура́* и *конура* и мн. др.: *арба*, *брада*, *бразда*, *глава*, *доха*, *кирка*, *колбаса*, *конура*, *кошма*, *ладья*, *мечта*, *орда*, *пастила*, *пиала*, *просвира*, *серьга*, *скамья*, *софа*, *страна*, *суета* и др. [АГ 80: §1238; Воронцова 1979: 54]. Если общеславянская лексика усваивает новый тип подвижности почти в полном составе, то у заимствований это происходит не так очевидно и безусловно, а более избирательно. Часть церковнославянских заимствований (обычно либо малоупотребительных: *брада*, *бразда*; либо ограниченных книжной сферой употребления: *ладья*, *мечта*, *суета*) сохраняют старое ударение, а часть *общеупотребительных* тюркизмов и др. заимствований изменилась в соответствии с тенденцией Сидорова (*арба*, *орда*, *доха*, *кирка*, *колбаса*, *серьга*, *софа*, *пастила*, *просвира*, *скамья*⁹ и др.) [Воронцова 1979: 54–55].

Любопытно, что движение в сторону новой подвижности иногда идет совершенно стремительными темпами. В. Л. Воронцова отмечает ряд лексем, не получивших во мн. ч. корневого ударения и сохранивших старое на флексии. Так, по мысли Воронцовой, форма *прóстыни* (или даже *просты́ни*) не поддержана литературной нормой [Воронцова 1979: 59]. Однако спустя всего несколько лет ОС нормирует форму И. п. мн. ч. с ударением на основе *прóстыни* как единственно возможную [ОС 1983], ту же рекомендацию повторяют и современные словари [ОС 2015; БОС 2018].

4.3. Современное состояние

Исследования последнего времени также фиксируют значительные колебания в акцентуации имен существительных на *-а* (*-я*), ср., в частности, описание этого участка системы в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» (БОС): «Колебания в месте ударения на основе или окончании во всех формах существительных жен., муж.

⁹ Строго говоря, и этот перечень примеров неоднороден: к примеру, в словаре под редакцией Н. А. Еськовой в формах И. п. мн. ч. фиксируются равноправные варианты: *арбы́* и *арбы*, *кирки́* и *кирки*; для И. п. мн. ч. сущ. *дохы́* и вовсе отмечен как нормативный только вариант с ударением на флексии, а для И. п. мн. ч. *скамьи́* отмечен как допустимый (с пометой *и допуст.*) вариант *ска́мьи* [ОС 2015] (ср. в БОС вариант *ска́мьи* отмечен как устарелый (с пометой *и допуст. устарелое*) [БОС 2018].

и ср. родов отражают типы АА/ВВ: жен. род — *бáржа, бáржи*, мн. ч. *бáржи, бáржам* и *баржá, барж́и*, мн. ч. *барж́и, барж́ам* <...> У слов женского рода наблюдаются колебания места ударения на основе или на окончании в винительном падеже единственного числа, что связано с тенденцией выравнивания места ударения у таких существительных, т. е. изменения С>В: СА/ВА: *избá, изб́ы, изб́у* и *избу́*, мн. ч. *изб́ы, изб́ам*; СС/ВА: *река́, реќи, ре́ку* и *реку́*, мн. ч. *ре́ки, ре́кам* и допустимо старшее *река́м*; <...> СС/ВС: *бороздá, борозд́ы, б́орозду* и *борозду́*, мн. ч. *б́орозды, борозд́ам*» [БОС 2018: 1015] <...> «При постоянном месте ударения на окончании в единственном числе и колебании постоянного места ударения на основе или окончании в формах множественного числа наблюдаются типы ВА/ВВ: *графá, граф́ы, графу́*, мн. ч. *граф́ы, гра́фам* и *граф́ы, граф́ам* <...> Некоторые варианты акцентных типов отражают колебания в формах множественного числа постоянного и подвижного ударения на основе: <...> ВА/ВС: *волна́, волн́ы, волну́*, мн. ч. *во́лны, во́лнам* и *волна́м* <...> СА/СС: *средá* 'день недели', *сред́ы, сре́ду*, мн. ч. *сре́ды, сре́дам* и *сред́ам*» [БОС 2018: 1015, 1016]. Эти данные находятся в полном соответствии с тезисом А. А. Зализняка, согласно которому такие колебания «отражают давно начавшийся и еще не завершённый процесс изменения ударения в словах на *á, я́*, который можно описать как стремление к максимальному акцентному противопоставлению чисел <...> (флексионное ударение во всем ед. ч., наосновное ударение во всем мн. ч.)» [Зализняк 2002: 166].

5. Описание эксперимента

Для выяснения основных особенностей современных акцентных процессов и уточнения орфоэпических рекомендаций был проведён эксперимент, включавший анализ существительных женского рода на *-а (-я)*. В эксперименте участвовали 120 респондентов-москвичей во втором или третьем поколении. Испытуемым предлагалось прочитать некоторые тексты большого объема (в контекст которых были включены интересующие нас слова, замаскированные таким образом, чтобы не привлекать к себе пристального внимания информантов). Всего в контексты были включены 40 словоформ с возможными вариантами ударения. Словоформы отбирались, с одной стороны, по основным современным орфоэпическим словарям, с другой стороны — на основании наблюдений над теми ситуациями спонтанных произнесений, когда в живой речи фиксирова-

лись отступления от акцентуации, заявленной в словарях в качестве нормативной (при этом были отобраны как слова, относящиеся к исконной лексике, так и заимствования, в том числе поздние). Информанты, как это принято в современной орфоэпической и социолингвистической практике, были разделены на три группы по возрастному критерию: старшую, среднюю и младшую. Полученные результаты для сравнения приводятся в параллели с некоторыми современными источниками: «Большой орфоэпический словарь русского языка» [БОС 2018], «Орфоэпический словарь русского языка» [ОС 1983], в ряде случаев учитывается информация из «Орфоэпического словаря русского языка» под ред. Н. А. Еськовой [ОС 2015] и ее книги «Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков» [Еськова 2008]; при необходимости для анализа привлекались данные поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Обработка результатов эксперимента продемонстрировала, что движение внутри каждой из старых АП носит неоднородный характер: в некоторых лексемах действительно наблюдается выравнивание ударения в подпарадигмах единственного и множественного числа (и противопоставление их друг другу — в соответствии с тенденцией В. Н. Сидорова, тенденцией грамматикализации), с другой стороны, в некоторых случаях наблюдается движение в противоположном направлении, когда в определенных формах существительных «старое» ударение оказывается более устойчивым или даже вторично устойчивым — иногда, казалось бы, устаревшие орфоэпические варианты, противоречащие рекомендациям современных нормативных источников, внезапно с высокой частотностью возникают в речи информантов *младшего* поколения.

Несмотря на то что в эксперименте принимали участие три группы испытуемых, результаты исследования были сгруппированы в основном с опорой на показатели младшей группы (хотя известно, что не всегда в перспективе именно *младшая норма* выбирается носителями языка в качестве предпочтительной). Главными факторами, в соответствии с которыми принималось кодификационное решение, были 1) соответствие орфоэпического факта внутреннему языковому закону или тенденции и 2) распространенность варианта в речи образованных людей [Каленчук 2016; Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 10].

6. Результаты эксперимента

Анализ выявил следующие группы примеров.

1. Лексемы, в которых в подпарадигме мн. ч. осуществляется переход в косвенных падежах от схемы С¹⁰ (в исконно подвижной) или схемы В (в исконно окситонированной¹¹) к схеме А, — или где налицо тенденция к осуществлению такого перехода, см. *табл. 1*; в этой группе примеров тенденция Сидорова (противопоставление подпарадигм ед. и мн. ч.) реализована наиболее последовательно.

Пример: в косв. падежах мн. ч. лексемы *бородá* современные орфоэпические словари не рекомендуют корневое ударение (! *не рек.* бóрод, бóродам), однако в эксперименте в младшей группе испытуемых вариант бóродами предпочли 70% респондентов.

2. Лексемы, в которых формы В. п. ед. ч. преимущественно не имеют ударения на основе (причем для лексем исконно подвижной и окситонированной АП это зачастую означает выравнивание подпарадигмы ед. ч. с флексивным ударением (В) в тот момент, когда в подпарадигме мн. ч. ударение уже полностью перешло на основу (А), что обычно означает завершение противопоставления подпарадигм ед. и мн. ч. в рамках тенденции грамматикализации), см. *табл. 2*.

Пример: в форме В. п. ед. ч. *травú* по результатам эксперимента абсолютное большинство респондентов выбрали вариант с флексивным ударением (что соответствует и рекомендациям орфоэпических словарей, в которых вариант *траву* совершенно обоснованно маркируется запретительными пометами). В настоящий момент для лексемы *трава* новая подвижность может быть признана сформированной, и налицо схема ВА.

3. Примеры, где в формах В. п. ед. ч. (в исконно подвижной АП, где движение в сторону окончательного противопоставления подпарадигм ед. и мн. ч. должно было бы идти более стремительно) сохраняются колебания в ударении на основе и на флексии, см. *табл. 3*.

Пример: в В. п. ед. ч. лексемы *коса* 'заплетенные волосы' орфоэпические словари рекомендуют в качестве основного варианта *кóсу* и в качестве допустимого — *косú*. Результаты эксперимента подтвердили, что

---

¹⁰ А — корневое ударение в подпарадигме ед. или мн. ч., В — флексивное ударение в подпарадигме ед. или мн. ч., С — подвижное ударение в подпарадигме ед. или мн. ч. [БОС 2018].

¹¹ Вероятно, полной окситонии не было, выпадали формы И.-В. мн. ч., см. [Воронцова 1979: 59].

колебания в произношении у этих вариантов сохраняются и сегодня, и варианты эти практически равноправны. Поддержка варианта *кбсу* в языке поэзии и во фразеологии, а также наличие омонима препятствуют завершению установления флексийного ударения во всей подпарадигме ед. ч., и это замедляет действие тенденции грамматикализации.

4. Лексемы, в которых в подпарадигме мн. ч. в косвенных падежах (Д. п., Т. п., П. п.) не происходит перехода от схемы В (С) к схеме А (или где темпы этого перехода неочевидны), см. *табл. 4*.

Пример: в Д. п. мн. ч. лексемы *сторона* результаты эксперимента демонстрируют выбор в 100% случаев флексийного ударения во всех трех группах информантов в форме *сторонám*, что прямо противоречит рекомендациям орфоэпических словарей. Такой результат свидетельствует, что процесс установления колонного ударения на корне (А) в подпарадигме мн. ч. далек от завершения, вопреки действию тенденции грамматикализации.

5. Формы с колебаниями ударения в И. п. ед. ч. на основе / на флексии в поздних заимствованиях. Принято считать, что для поздних заимствований на начальном этапе освоения отмечается *акцентное безразличие* [Воронцова 1979: 54], которое с течением времени склоняется в пользу варианта с ударением на флексии (ср. *арбá, пиалá, серьгá*), и это является первым шагом в направлении следования тенденции грамматикализации. Результаты эксперимента демонстрируют, что в обязательном порядке этого не происходит, см. *табл. 5*.

Пример: в младшей группе 100% респондентов отдали предпочтение варианту с ударением на основе — *пиáла* (примечательно, что данный вариант не зафиксирован орфоэпическими словарями; представляется, что он должен быть добавлен в рекомендации по крайней мере с пометой *и допуст.*).

7. Вывод

Итак, результаты эксперимента, с одной стороны, подтвердили тенденцию, отмеченную В. Н. Сидоровым, — существительные ед. ч. и мн. ч. стремятся к противопоставлению по акцентному признаку: старые акцентные парадигмы объединяются, а ударение в подпарадигмах унифицируется в ед. ч. и мн. ч. С другой стороны, имеются существительные, не следующие этой тенденции и сохраняющие старое ударение (варианты *стóрону* и *сторонú*, *úзбу* и *избú* сохраняют те же колебания, что были отмечены еще в ОС [ОС 1983]), а также словоформы, ударение в которых меняется в разрез с намеченным направлением (ср.: формы *снохáми*, *сторонám*, которые предпочли

Таблица 1. Формы косвенных падежей (Д. п., Т. п., П. п.) мн. ч. с переходом ударения на основу (в исконно подвижной и окситонированной АП)

И. п. ед. ч. (исконный тип ударения)	ОС 1983	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. группа	Ср. группа	Мл. группа
борода ист.: подвижная АП	борода́ , -ы, <i>вин.</i> боро́ду, мн. боро́ды, боро́д, боро́дам ! <i>не рек.</i> боро́д, боро́дам.	БОРОДА́ , боро́ды, боро́ду, <i>мн.</i> боро́ды, боро́д, боро́дам (! <i>не рек.</i> боро́д, боро́дам).	боро́дами, боро́дами	20% 80%	20% 80%	70% 30%
блоха ист.: подвижная АП	блоха́ , -и, <i>вин.</i> -у́, <i>мн.</i> бло́хи, блох, бло́хам и блоха́м	БЛОХА́ , бло́хи, <i>мн.</i> бло́хи, бло́хам и блоха́м	бло́хах бло́хах	100%	100%	80% 20%
<i>Примечание.</i> В поэтическом корпусе [НКРЯ] встречаются примеры только с ударением на флексии. Очевидно, долгое время колебаний не было вообще. В ОС 1983 и в БОС 2018 (идентичн. рекомендации) в косв. падежах мн. ч. запретит. помета на ударении на основе — однако в младшей респондентов группе результат прямо противоположный. Налицо движение к колонному корневому ударению во мн. ч. в соответствии с тенденцией Сидорова.						
<i>Примечание.</i> Кажется бы, переход ВС→ВА завершился, но внезапно в младшей норме колебание в обратном направлении.						

Таблица I (продолжение)

И. п. ед. ч. (исконный тип ударения)	ОС 1983	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. группа	Ср. группа	Мл. группа
доска ист.: подвижная АП	доска́, -й, вин. до́ску и доп. доску́, мн. до́ски, до́сок и доп. до́сок, до́ска́м и до́скам ◊ свой в до́ску; пья́ный в до́ску; бе́й в до́ску, разго́нный то́ску (старинная поговорка)	ДОСКА́, доска́, до́ску и доп. доску́, мн. до́сок, до́сок и доп. до́ска́м и доп. до́ска́м ◊ своей в до́ску	доска́ми доска́ми	100%	90% 10%	100%
<p><i>Примечание.</i> Вероятно, для этой лексемы должна быть уточнена рекомендация для подпарадигмы мн. ч. (очевидно, что не только для формы <i>доска́ми</i>, но и включенной в орфоэпические словари, но и для форм <i>до́сок</i>, <i>до́ска́м</i> именно варианты с наосновным ударением должны быть выбраны как предпочтительные (а варианты <i>до́сок</i>, <i>до́ска́м</i> признаны лишь допустимыми). Ср. архаичное звучание строк (этот пример использован Н. А. Еськова): <i>Под лесом ночью сосновым, // При блеске бледных луны, // Топо́ча по до́ска́м сробо́вым, // Буди сон мертвой тишины</i> (Державин, Цыганская пляска, 1805) [Еськова 2008].</p>						
среда	СРЕДА́¹, средь, сре́ду, мн. сре́ды, сре́дам ■ Окру́жение	СРЕДА́¹, средь, сре́ду, мн. сре́ды, сре́дам ■ Окру́жение	по сре́дам по сре́дам	90% 10%	90% 10%	50% 50%
ист.: подвижная АП	СРЕДА́², средь, сре́ду, в, на сре́ду, но о сре́де, мн. сре́ды, сре́дам и сре́дам ■ Де́нь неде́ли	СРЕДА́², средь, сре́ду, в, на сре́ду, но о сре́де, мн. сре́ды, сре́дам и сре́дам ■ Де́нь неде́ли				

<p><i>Примечание.</i> Казалось бы, переход к наосновному ударению в подпарадигме мн.ч. должен был завершиться, но этого не происходит в младшей группе респондентов — вероятно, это связано со стремлением информантов развести омонимичные значения.</p> <p>Возможно также, что новый незаконномерный вариант появился из-за рекомендаций словарей, т. к. слово попало в списки ЕГЭ (см. в том числе [Штудинер 2008]).</p>					
<p>строка ист.: подвижная АП</p>	<p>—</p>	<p>со строками со строками</p>	<p>80% 20%</p>	<p>90% 10%</p>	<p>70% 30%</p>
<p><i>Примечание.</i> Явное движение в направлении парадигмы ВА. Очевидно, что предпочтительным в мн. ч. является вариант с корневым ударением; т. о., рекомендация ОС 1983, отдающая предпочтение варианту <i>строка́м</i> (ее в аналогичном виде повторяет и [ОС 2015]), должна быть пересмотрена.</p>					
<p>полоса ист.: подвижная АП</p>	<p>полоса́, -ы́, вин. -у́, мн. и полосы́, мн. полосы, полóс, полóсам ! не рек. мн. полóс, полóсам</p>	<p>ПОЛОСА́, полосы́, полóсу и полосу́, мн. полосы, полóс (! неправ. полóс), полоса́м (! не рек. полóсам)</p>	<p>полосах полоса́х</p>	<p>60% 40%</p>	<p>80% 20%</p>
<p><i>Примечание.</i> Фактически результаты эксперимента противоречат рекомендациям БОС 2018 и ОС 1983 — однако если вариант <i>полосах</i> явно показал себя в эксперименте как более предпочтительный, а вариант <i>полосам</i> (наряду с рекомендованным <i>полоса́м</i>) представляется по крайней мере допустимым, то вариант <i>полóс</i> все еще не может быть признан нормативным.</p>					

Таблица 1 (продолжение)

И. п. ед. ч. (исходный тип ударения)	ОС 1983	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. группа	Ср. группа	Мл. группа
волна ист.: подвижная АП	волна́ , -ба́, вин. -у́, мн. во́лны, волн, волна́м и во́лнам ■ Движение воды	ВОЛНА́ , волна́, волну́, мн. во́лны, волна́м и допуст. стари. во́лнам ■ Движение воды	во́лнам волна́м	20% 80%	50% 50%	40% 60%
	волна́ , -ба́ и доп. во́лна, -ы ■ Шерсть	ВОЛНА́ , волна́ и допуст. Шерсть				
<p><i>Примечание.</i> Здесь в полном смысле перехода на основу нет, но процент корневых ударений достаточно высокий. Это становится тем очевиднее, если учесть, что у [Еськова 2008] все без исключения примеры в формах мн. ч. с ударением только на окончании — следовательно, и при 50% корневых ударений движение в русле тенденции грамматикализации можно назвать стремительным. Сама лексема <i>волна</i> крайне популярна в поэтической речи XVIII–XX вв. — неудивительно, что эти тексты способствовали сохранению привычных вариантов. Ср.: <i>Там трон жемчугами усыпанный янтарь; // На нем сидит волна́м седым подобен царь</i> (Ломоносов, <i>Петр Великий</i>, 1756–1761).</p> <p>Ср. также: диалектное слово <i>во́лна</i> (исконно баритонированная АП) в значении 'шерсть' фиксируется в некоторых толковых словарях, по-видимому, вслед за словарем В. И. Даля (оно, в частности, есть у Д. Н. Ушакова) — однако очевидно, что это слово в настоящий момент не может быть признано литературным. Можно было бы предположить, что некие фоновые знания о возможности иного ударения создают у респондентов дополнительные колебания на этом участке системы — но устный опрос нескольких групп студентов-филологов показал, что слово <i>во́лна</i> 'шерсть' мало кому известно.</p>						
струя ист.: окситонированная АП	струя́ , -а́, вин. -ю́, мн. струи́, струи́, струя́м в поэтич. речи возм. струи́, струя́м	—	струя́х струя́х	70% 30%	90% 10%	100%
<p><i>Примечание.</i> Слово крайне популярно в поэтической речи (ср.: <i>Разлитое струями́ злато // Волиуется на теме гор</i> (Вяземский, <i>Весеннее утро</i>, 1815) [Еськова 2008] и мн. др.), однако не столь частотно в разговорной, как, к примеру, слово <i>волна</i> — и в результате переход ВС→ВА практически завершен.</p>						

графá ист.: подвижная АП (позднее заимство- вание)	графá , -ья, <i>мн.</i> гра́фы, графáм и графы́, графáм, <i>род. мн.</i> граф	—	графáх графáх	70% 30%	90% 10%	60% 40%
<i>Примечание.</i> Позднее заимствование, в [НКРЯ] отмечается с XIX в. — и при явной склонности к корневному ударению колебания довольно значительные.						
строфа ист.: подвижная АП (позднее заимствование)	строфа́ , -ья, <i>вин.</i> -у́, <i>мн.</i> стро́фы, строф, строфа́м и стро́фам	—	стро́фах стро́фах	90% 10%	100%	100%
<i>Примечание.</i> Слово также относится к позднему заимствованиям (впервые оно отмечено в НКРЯ у Тредиаковского) — но переход ВС→ВА начался, видимо, давно. Ср.: <i>Но те, которым в дружбой встрече // Я стро́фы первые читал... // Иных уж нет, а те далече, // Как Сади некогда сказал</i> (Пушкин, Евгений Онегин, 1830). В настоящий момент преобладание корневого ударения в подпарадигме мн. ч. бесспорно.						
софа ист.: подвижная АП (позднее заимствование)	софа́ , -ья, <i>вин.</i> -у́, <i>мн.</i> со́фы, соф, софа́м и софа́м		со́фами софа́ми	70% 30%	80% 20%	60% 40%
<i>Примечание.</i> Позднее заимствование — значительные колебания с явным перевесом в сторону ВА.						
серьга ист.: подвижная АП	се́рғы , се́реҕ, се́рғы́м и <i>дол.</i> се́рғам, <i>ед.</i> се́рғы́, -й, <i>вин.</i> -у́	СЕРЫ́Г , се́рғы́ <i>мн.</i> се́рғы, се́реҕ, се́рғы́м и <i>допуст.</i> се́рғам ◇ всем се́рғам по се́рғы́м	се́рғы́ми се́рғы́ми	20% 80%	20% 80%	50% 50%
<i>Примечание.</i> Примечательно, что в одном и том же фразеологизме (<i>сестрам по се́рғам</i>) у неисконного слова (<i>се́рғыа</i> — заимств. из тюркск.) движение в сторону ВА медленнее (в то время как у искон. слова <i>сестра</i> переход ВА, видимо, завершён).						

Таблица I (окончание)

И. п. ед. ч. (исконный тип ударения)	ОС 1983	БОС-2018	Словоформа в эксперименте	Ст. группа	Ср. группа	Мл. группа
стопа ¹ ист.: окситонированная АП	стопа ¹ , -ы́, <i>мн.</i> стопы́, стоп, стопа́м. ■ <i>Часть ноги</i>	СТОПА́, стопы́, <i>мн.</i> стопы́, стопа́м. ■ <i>Часть ноги</i>	сто́пах стопа́х (часть но́ги)	60% 40%	90% 10%	60% 40%
стопа ²⁻⁴ ист.: окситонированная АП	стопа ²⁻⁴ , -ы́, <i>вин.</i> -у́, <i>мн.</i> стопы́, стоп, стопа́м. ■ <i>Единица стиха. Куча чего-н. Мера бумаги. Сосуд</i>	Стопа́, стопы́, <i>мн.</i> стопы́, стопа́м. ■ <i>Единица стиха. Куча чего-н. Мера бумаги. Сосуд</i>	сто́пах стопа́х (стиховедч. термин)	80% 20%	100%	80% 20%
<i>Примечание.</i> В первом случае стопа ¹ процент в средней группе намного выше, чем в младшей, однако налицо общая тенденция к увеличению вариантов ВА. При этом очевидно стремление развести омонимы: в значении 'часть ноги' ВВ (старая окситония), в значении 'единица стиха' — ВА (новая подвижность).						
ступня ист.: подвижная АП (позднее заимствование)	ступня́, -и́, <i>мн.</i> -и́, -е́й	СТУПНЯ́, ступня́, <i>мн.</i> ступня́, ступня́м	сту́пнях ступня́х	10% 90%	30% 70%	60% 40%
<i>Примечание.</i> Словарная фиксация только ВВ, но в эксперименте постепенное движение к ВА, особенно в младшей группе в русле общей тенденции грамматикализации.						

Таблица 2. Формы В. п. ед. ч. с сохранением колебаний ударения на основе / на флексии (с преимущественным предпочтением флексийного ударения)

И. п. ед. ч. (исконный тип АП)	ОС 1983	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
коса (инструмент) ист.: окситонированная АП	коса ²⁻³ , -ы́, вин. ко́су́ и <i>доп.</i> ко́су, <i>мн.</i> ко́сы, кос, косам. ■ С.-х. <i>орудие. Отмель; мыс.</i>	—	ко́су ко́су́ (инструмент)	20% 80%	30% 70%	20% 80%
<p><i>Примечание.</i> Результаты эксперимента с предпочтением флексийного ударения точно соответствуют рекомендациям орфоэпических словарей, в том числе и современных: примечательно, что в этом случае [ОС 2015] фиксирует ту же норму, что [БОС 1983]. Но и XIX в. норма была той же, ср.: <i>А в руки вяв серп, со́ху, ко́су, // Пребудыте, не поднавиши носу, // Любезны Богу, господам (Державин, Крестьянский праздник, 1807).</i></p> <p>Вероятно, наличие омонима (и стремлением развести их значения) обусловило расхождение в акцентуации: для лексемы <i>коса</i>¹ 'заплетенные волосы' ситуация прямо противоположная, большинство информантов в форме <i>ко́су</i> выбрали вариант с ударением на корне.</p>						
трава ист.: окситонированная АП	трава́ , -ы́, <i>вин.</i> -у́, <i>мн.</i> тра́вы, трав, травам <i>! не рек. вин. ед. тра́ву</i>	ТРАВА́ , травы́, траву́ (<i>! неправ. тра́ву</i>), <i>мн.</i> тра́вы, травам.	тра́ву траву́	30% 70%	30% 70%	10% 90%
<p><i>Примечание.</i> Незначительный процент произнесенный с наосновным ударением в младшей группе (и немалый в других группах) может быть связан с тем, что такой вариант встречается в поэтической речи, причем в известных текстах, ср.: <i>Налетевший на град Вацава — // Так пожар пожирет тра́ву</i> (Цветаева, <i>Пелелице</i>, 1939). Однако еще в XIX в. вариант с ударением на флексии также встречался: <i>Печаль так сердце мне иссушит, // Как зной сушит в полях тра́ву</i> (С. Н. Марин, <i>Стихи к Н. Н.</i>, 1800-е гг.).</p> <p>В настоящий момент для лексемы <i>трава</i> новая подвижность может быть признана сформированной, и налицо схема ВА (а вариант <i>тра́ву</i> совершенно обоснованно маркируется в БОС 2018 пометой <i>! неправ.</i>).</p>						

Таблица 2 (окончание)

И. п. ед. ч. (исконный тип АП)	ОС 1983	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
железа ист.: подвижная АП	железа́ , -ы́, вин. -ѹ́, мн. железы́, желе́з, железа́м ! не рек. мн. желе́з, железам	ЖЕЛЕЗА́ , железы́, мн. железы́, желе́з, железа́м ! не рек. мн. желе́з, железам...	жѣлезу железу́	100%	100%	10% 90%
<i>Примечание.</i> В формах ед. ч. полностью унифицировалось ударение на флексии (В), а колебания в подпарадигме мн. ч. свидетельствуют о явном стремлении к выравниванию с корневым ударением.						
стопа́ ист.: окситонированная АП	стопа́ ¹ , -ы́, мн. стопы́, стоп, стопа́м <i>Часть ноги</i>	СТОПА́ , стопы́, мн. стопы́, стопам. ■ <i>Часть ноги</i>	сто́пу стопу́ (часть ноги)	10% 90%	20% 80%	20% 80%
<i>Примечание.</i> Если для омонима <i>стопа</i> ²⁻⁴ 'единица стиха' тенденция грамматикализации может быть признана реализованной, то для данного случая все еще справедлива схема ВВ — однако и тут имеется совсем небольшое движение в сторону колебаний ударения в форме В. п. ед. ч. на основе. Омонимы <i>стопа</i> ¹ 'часть ноги' и <i>стопа</i> ²⁻⁴ разошлись акцентологически: один находится в самом начале процесса грамматикализации, другой его завершил. Можно было бы предположить, что причиной такого расхождения послужил прагматический фактор, но это не так: оба слова в современном языке широко употребительны.						
стопа ²⁻⁴ ист.: окситонированная АП	стопа ²⁻⁴ , -ы́, вин. -ѹ́, мн. сто́пы, стоп, стопа́м ■ <i>Единица стиха. Куча чего-н. мера бумаги. Сосуд</i>	СТОПА́ , стопы́, мн. стопы́, стопа́м. ■ <i>Единица стиха. Куча чего-н. Мера бумаги. Сосуд</i>	сто́пу стопу́ (стиховедч. термин)	20% 80%	10% 90%	20% 80%
<i>Примечание.</i> Корневое ударение в этой форме встречалось в поэзии XIX в., ср.: <i>Не столько труд тяжел в Нерчи́нске рудокопу, // Как мне, поймавши мысль, подвесьте ее под сто́пу // И рифму залучите к перу на острие</i> (Вяземский, К. В. А. Жуковскому, 1819). В настоящее время рекомендованная словарями форма <i>сто́пу</i> была выбрана и абсолютным большинством респондентов в эксперименте. Таким образом, можно утверждать, что у данной лексики переход к новой подвижности осуществился со всей последовательностью (результаты эксперимента в формах мн. ч. фиксируют преимущественно флексийное ударение). При этом налично стремление развести омонимы: в 1-м значении ВВ (старая окситония), во 2-4-м значении — ВА (новая подвижность).						

Таблица 3. Формы В. п. ед. ч. с сохранением колебаний ударения на основе / на флексии (с преимущественным предпочтением корневого ударения)

И. п. ед. ч. (исконный тип ударения)	ОС 1983	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
<p>коса¹ ист.: подвижная АП</p>	<p>коса¹, -бы, вин. косу и доп. косу, мн. косы, кос, косам ъ за косу, за косы (дёргать, таскать и т. д.) ■ <i>Залетенные волосы</i></p>	—	<p>косу косу (волосы)</p>	<p>50% 50%</p>	<p>40% 60%</p>	<p>70% 30%</p>
<p><i>Примечание.</i> Рекомендации [ОС 2015] полностью повторяют [БОС 1983], и, кажется, в данном случае это вполне справедливо. Вероятно, это обусловлено двумя причинами: во-первых, наличием омонима, в котором в этой форме ситуация прямо противоположная (большинство информантов в форме <i>косу</i> в значении ‘инструмент’ выбрали вариант с ударением на флексии); во-вторых, широкой известностью строк: <i>Мне с плачем косу расплели // И с пенем в церковь повели</i> (Пушкин, Евгений Онегин) и подоби.</p>						
<p>Такая поддержка препятствует завершению установления флексийного ударения во всей подпарадигме ед.ч., и это замедляет действие тенденции грамматикализации.</p>						
<p>полоса (в жизни) ист.: подвижная АП</p>	<p>полоса́, -бы, вин. по́лосу и по́лосу, мн. по́лосы, по́лос, по́лосам ! не рек. мн. по́лос, по́лосам</p>	<p>ПОЛОСА́, по́лоса́, по́лосу и по́лосу, мн. по́лосы, по́лос (! неправ. по́лос), по́лосам (! не рек. по́лосам)</p>	<p>по́лосу по́лосу (в жизни)</p>	<p>30% 70%</p>	<p>80% 20%</p>	<p>90% 10%</p>
<p><i>Примечание.</i> При составлении эксперимента показалось целесообразным разделить контексты для значений лексемы <i>полоса</i>, однако результаты демонстрируют, что расхождение в выборе вариантов для двух значений минимально. Очевидно, для всех значений процесс еще не завершён, и колебания присутствуют (в наши дни — с явным преобладанием корневого ударения). Ср.: <i>Песня вдруг с дороги срянула, // Подхватила, что было голосу // «Не белы снежки», закашлялся, // Задыхался — пал на по́лосу!</i> (Некрасов, Ориня, мать солдатская. 1863); <i>Когда к ночи усталой рукой // Допашу я свою по́лосу</i> (Анненский, Желание. 1904).</p>						

Таблица 3 (окончание)

И. п. ед. ч. (исконный тип ударения)	ОС 1983	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
<p>полоса (в газете)</p>	<p>полоса́, -<i>бы</i>, <i>вин.</i> пóлосу и полосу́, <i>мн.</i> пóлосы, полос <i>полосам</i> !<i>не рек. мн. полос, полосам</i></p>	<p>ПОЛОСА́, полосы́, пóлосу и полосу́, <i>мн.</i> пóлосы, полос (<i>!неправ. полос</i>), полосам (<i>!не рек. полосам</i>)</p>	<p>пóлосу полосу́ (в газете)</p>	<p>50% 50%</p>	<p>90% 10%</p>	<p>100%</p>
<p><i>Примечание.</i> Данное значение появилось поздно и не получило акцентной самостоятельности, как это предполагалось до начала эксперимента.</p>						
<p>сторона (родная) ист.: подвижная АП</p>	<p>сторона́, -<i>бы</i>, <i>вин.</i> сто́рону, <i>мн.</i> сто́роны, сторо́н, сторонам ■ по обе сто́роны и по обе сторони́; на все четыре сто́роны</p>	<p>СТОРОНА́, сторони́, <i>мн.</i> сто́роны, сторо́н, сторонам, <i>в некоторых устойчивых сочетаниях слов ударение падает всегда на предлог:</i> на сто́рону (отдать, ходить) ■ по обе сто́роны и по обе сторони́; на все четыре сто́роны и на все четыре сторони́</p>	<p>сто́рону сторо́ну (родную)</p>	<p>80% 20%</p>	<p>90% 10%</p>	<p>90% 10%</p>
<p>сторона (пространство, место) ист.: подвижная АП</p>	<p>на сто́рону (отдать, ходить) и на все четыре сторони́; на сто́рону (отдать, ходить)</p>	<p>на сто́рону (отдать, ходить) ■ по обе сто́роны и по обе сторони́; на все четыре сто́роны и на все четыре сторони́</p>	<p>сто́рону сторо́ну (пространство, место)</p>	<p>100%</p>	<p>100%</p>	<p>100%</p>
<p><i>Примечание.</i> При составлении эксперимента показало целесообразным разделить контексты для значений лексемы <i>сторона</i>, однако результаты демонстрируют, что расхождение в выборе вариантов для двух значений минимально — форма с корневым ударением признана предпочтительной в подавляющем большинстве случаев. Следует признать, что рекомендации, бывшие актуальными для этого участка системы в прошлом и зафиксированные в ОС 1983, актуальны и сейчас (при этом во мн. ч. (в форме <i>по сторона́м</i>) результаты эксперимента показали 100% флексивного ударения, что, напротив, прямо противоречит рекомендациям всех орфоэпических словарей).</p>						
<p>изба ист.: подвижная АП</p>	<p>изба́, -<i>бы</i>, <i>вин.</i> и́збу и и́збу́, <i>мн.</i> и́збы, и́зб, и́збам</p>	<p>...СА/ВА: изба́, и́збы, и́збу и и́збу́, <i>мн. и́збы, и́збам</i></p>	<p>и́збу и́збу</p>	<p>30% 70%</p>	<p>80% 20%</p>	<p>50% 50%</p>

<i>Примечание.</i> Распределение внутри трех групп показывает, что колебания вариантов приблизительно равноправны. Следует признать, что рекомендации, бывшие актуальными для этого участка системы в прошлом и зафиксированные в ОС 1983, актуальны и сейчас.						
доска ист.: подвижная АП	доска́, -и́, вин. до́ску и доп. до́ску́, мн. до́ски, до́со́к и доп. до́сок, до́ска́м и до́скам ■ свой в до́ску; пья́ный в до́ску; бей в до́ску́, разго́ной то́ску (старинная поговорка)	ДОСКА́, доска́́, до́ску и доп. до́ску́, мн. до́ски, до́со́к и доп. до́сок, до́ска́м и доп. до́скам ♦ свой в до́ску	до́ску до́ску́	70% 30%	50% 50%	80% 20%
<i>Примечание.</i> Очевидно, вариант с корневым ударением поддерживается фразеологизмом <i>свой в до́ску</i> . Ср. также: <i>Вот на шахматную до́ску // Рать солдатиков из во́ску // Он расставил в стройный ряд</i> (Пушкин, <i>Царь увидел пред собой...</i> 1833). Такая поддержка препятствует завершению установления флексийного ударения во всей подпарадигме ед. ч., и это замедляет действие тенденции грамматикализации.						
борозда ист.: подвижная АП	борозда́, -ы́, вин. боро́зду и боро́зду́, мн. боро́зды, боро́зд, боро́зда́м / не рек. мн. боро́зд, боро́здам	БОРОЗДА́, боро́зды, боро́зду и боро́зду́, мн. боро́зды, боро́зд, боро́зда́м (/ не рек. боро́зд, боро́здам)	боро́зду боро́зду́	50% 50%	60% 40%	70% 30%
<i>Примечание.</i> Распределение внутри трех групп показывает, что колебания вариантов равноправны. Следует признать, что рекомендации, бывшие актуальными для этого участка системы в прошлом и зафиксированные в ОС 1983, актуальны и сейчас. При этом любопытно, что в поэтическом корпусе НКРЯ абсолютное большинство вариантов с флексивным ударением (<i>боро́зду́</i> , ср.: <i>Причастные его труда, // Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений, // И мы, и мы его тянули боро́зду́, // Среди соблазнов и сомнений</i> (Тютчев)).						

Комментарий к табл. 3: колебания зафиксированы в исконно подвижной АП, где можно было бы ожидать явного сдвига в сторону окончательного прогивопоставления подпарадигм ед. и мн. ч., однако в обязательном порядке этого не происходит.

Таблица 4. Формы косвенных падежей (Д. п., Т. п., П. п.) мн. ч. с колебаниями ударения на основе / на флексии

И. п. ед. ч. (исконый тип ударения)	ОС 1983	БОС-2018	Словоформа в эксперименте	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
сковорода ист.: подвижная АП	сковорода́ , -ы́, <i>вин.</i> сковороду́ и допуст. <i>устар.</i> сковоро́ду, <i>мн.</i> сковоро́ды, сковоро́д, сковорода́м (<i>! не рек. мн.</i> сковоро́д, сковоро́дам)	СКОВОРОДА́ , сковоро́ды, сковоро́ду и допуст. <i>старш.</i> сковоро́ду, <i>мн.</i> сковоро́ды, сковоро́дам (<i>! не рек.</i> сковоро́дам)	сковоро́дами сковоро́дами сковоро́дами	10% 10% 80%	50% 50%	100%
<i>Примечание.</i> Нечастотное слово (гораздо шире распространена лексема <i>сковоро́дка</i>), поэтому — большое разнообразие вариантов и различий.						
сторона ист.: подвижная АП	сторона́ , -ы́, <i>вин.</i> сторону́, <i>мн.</i> сторо́ны, сторо́н, сторо́нам ◆ по обе сторо́ны и по обе сторо́ны; на все четыре сторо́ны и на все четыре сторо́ны; на сторо́ну (отдать, ходить)	СТОРОНА́ , сторо́ны, <i>мн.</i> сторо́ны, сторо́н, сторо́нам, в <i>некоторых</i> <i>устойчивых сочетаниях слов</i> <i>ударение падает всегда на предлог:</i> на сторо́ну (отдать, ходить) ◆ по обе сторо́ны и по обе сторо́ны; на все четыре сторо́ны и на все четыре сторо́ны	по сторо́нам по сторо́нам	100%	100%	100%
<i>Примечание.</i> В результате эксперимента зафиксировано 100% случаев флексии ударения для трех групп испытуемых, что прямо противоречит рекомендациям всех орфоэпических словарей (примечательно, что в формах ед. ч., напротив, рекомендации ОС 1983 по-прежнему актуальны). Здесь, очевидно, речь идет о некоем волнообразном (по Е. А. Брызгуновой) фонетическом процессе, который допускает в рамках общего движения частные контризмения — возвращение старых норм, когда, казалось бы, процесс уже завершен. Ср. норма XIX века: <i>Белеет мост, по сторо́нам сады // Под инеем пушистым спят унылы; // Луна сребрит железные перилы (Лермонтов, Саишка, 1835—1839).</i> Также следует отметить явную фразеологизированность сочетания существительного с предлогом, что способствует консервации варианта с флексийным ударением.						

ноздря ист.: подвижная АП	ноздрѣ́, -ѣ́, вин. -ю́ мн. ноздрѣи, ноздрѣй	НОЗДРѢ́ , ноздрѣ́, мн. ноздрѣи, ноздрѣм	ноздрѣм ноздрѣм	100%	10% 90%	100%	100%
<i>Примечание.</i> Флексивное ударение в косв. падежах мн. ч. было характерно и для норм XVIII в., см.: <i>Огнистый солнца конь крылатый // Летит по воздуху и ржет. // С ноздрей дым пышет синеватый, // Со удил пена клубом бьет</i> (Державин, <i>На взятие Варшавы</i> , 1974); по всей видимости, эта норма актуальна и в наши дни.							
полоса ист.: подвижная АП	полоса́ , -ѣ́, вин. по́лосу и по́лосу́, мн. по́лосы, по́лос, по́лосам ! не рек. мн. по́лос, по́лосам	ПОЛОСА́ , по́лосы, по́лосу и по́лосу́, мн. по́лосы, по́лос (! не прав. по́лос), по́лосам (! не рек. по́лосам)	по́лосах по́лосах (газеты)	30% 70%	20% 80%	30% 70%	20% 80%
<i>Примечание.</i> Если при составлении текстов со словоформами ед. ч. показались целесообразным разделить контексты для значений лексемы <i>полоса</i> , то для мн. ч. это уже было признано избыточным (результаты анализа форм в ед. ч. показали, что расхождение в выборе вариантов для разных значений минимально, и позднее значение 'часть газетного текста' не получило акцентной самостоятельности). Для форм мн. ч. зафиксированы колебания с явным преобладанием флексивного ударения, что соответствует рекомендациям орфоэпических словарей на данном этапе и на предельном. Очевидно, эта норма была справедлива и для XIX в., ср.: <i>Разноцветными зарѣями // Отливаясь там и там, // Золотыми полосами // День и небо светят нам</i> (Языков, <i>Пловец</i> , 1829).							
грядя́¹ ист.: подвижная АП	грядя́¹ , -ѣ́, вин. -ѹ́, мн. грядѣи, грядѣям ■ <i>В огороде</i>	ГРЯДЯ́¹ , грядѣ́, мн. грядѣи, грядѣям <i>Грядка в огороде</i>	грядѣями грядѣями (в огороде)	80% 20%	30% 70%	80% 20%	30% 70%
грядя́² ист.: подвижная АП	грядя́² , -ѣ́, мн. грядѣи, грядѣям ■ <i>Ряд, цепь</i> (гор, облаков и др.)	ГРЯДЯ́² , грядѣ́, мн. грядѣи, грядѣям ■ <i>Ряд, цепь (гор, облаков и др.)</i>	грядѣями грядѣями (облаков)	10% 90%	40% 60%	100%	40% 60%
<i>Примечание.</i> Если в старшей и средней группе показатели различаются (причем в старшей и средней по-разному!), то в младшей, наоборот, выравниваются. Очевидно, одно из значений (<i>грядя́²</i>) стало неупотребительным, и выравнивание произошло под влиянием прагматического фактора.							

Таблица 4 (окончание)

И. п. ед. ч. (исконный тип ударения)	ОС 1983	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
верста ист.: подвижная АП	верста́, -ы́, вин. -у́, мн. вёрсты, вёрст, вёрстам; ◆ в столбых-то верста́х; за версту́ и доп. устар. за версту	ВЕРСТА́, версты́, мн. вёрсты, вёрстам; ◆ в столбых-то верста́х; <i>в сочетании с предлогом за может произноситься двойко: с ударением на предлоге в соответствии со старшей нормой или с ударением на существительном в соответствии с младшей нормой;</i> за версту и за версту́	вёрстах верста́х	100%	10% 90%	20% 80%
сноха ист.: подвижная АП	сноха́, -и́, вин. -у́, мн. сно́хи, снох, сно́хам	—	сно́хами сноха́ми	80% 20%	50% 50%	10% 90%
<p><i>Примечание.</i> Следует признать, что пример для эксперимента был выбран не вполне удачно — он совпадает по форме с примером из фразеологического сочетания, и это расхождение (между косв. падежами мн. ч. и ударением во фразеологизме) препятствует установлению корневого ударения во всей подпарадигме мн. ч. Т. о., поддержка фразеологического сочетания мешает полному завершению процесса грамматикализации. Ср. такое ударение фиксируется и для XVIII—XIX вв.: ВЕРСТА, вин. версту́, мн. вёрсты, вёрстам ■ в столбых-то верста́х (от чего-н.: находиться и т. д.) ВЕРСТА́, вин. версту́, косв. мн. верста́ми, вёрстам, верста́ми, верста́х [Еськова 2008].</p> <p><i>Примечание.</i> Результаты эксперимента демонстрируют преобладание флексийного ударения в младшей группе испытуемых, что прямо противоречит рекомендациям орфоэпических словарей (в ОС 2015 та же рекомендация, что в ОС 1983). Здесь, очевидно, речь идет о некоем волнообразном (по Е. А. Брызгуновой) фонетическом процессе, который допускает в рамках общего движения частные контризмения — возвращение старых норм, когда, казалось бы, процесс уже завершен. Ср. норма XVIII—XIX вв.: СНОХА́, мн. сно́хи, сно́хам СНОХА́, косв. мн. сно́хам, сно́хами, сно́хах [Еськова 2008].</p>						

Таблица 5. Поздние заимствования. Формы с колебаниями ударения в И. п. ед. ч. на основе / на флексии

И. п. ед. ч.	ОС 1983	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
баржа	баржа́ , -й, <i>мн.</i> баржи́, барже́й, баржа́м и баржа , -и, <i>мн.</i> ба́ржи, барж, ба́ржам	БА́РЖА , ба́ржи, <i>мн.</i> ба́ржи, барж, ба́ржам и БАРЖА́ , баржи́, <i>мн.</i> баржи́, барже́й, баржа́м	баржа баржа́	100%	100%	100%
<p><i>Примечание.</i> Словарные рекомендации отражают точку зрения, согласно которой для поздних заимствований характерно то же акцентное безразличие, что было отличительной чертой неисконной лексики на всех предыдущих этапах. Рекомендации словарей здесь совпадают с примерами из поэтического корпуса [НКРЯ], где варианты распределяются приблизительно поровну (так, у Набокова, Багрицкого и др. встречается вариант <i>ба́ржа</i>, у Асева, Эрэнбурга и др. — <i>баржа́</i>). Тем более удивительны результаты эксперимента, где во всех трех группах испытуемые выбрали вариант с корневым ударением. Это говорит о том, что поздние заимствования могут вовлекаться в общую тенденцию грамматикализации, не обязательно следуя по пути, намеченном, к примеру, в [Воронцова 1979: 54] (когда выбор именно флексийного ударения в форме И. ед. — первый к этому шаг).</p>						
камбала	камбала́ , -ы и <i>доп.</i> камбала́ , -ы	КА́МБАЛА , ка́мбалы, <i>мн.</i> ка́мбалы, ка́мбалам и <i>допуст.</i> КАМБАЛА́ , камбала́, <i>мн.</i> камбала́, камбала́м	ка́мбала камбала́	70% 30%	50% 50%	60% 40%
<p><i>Примечание.</i> В этом примере акцентное безразличие, характерное для поздних заимствований и бывшее отличительной чертой неисконной лексики на всех предыдущих этапах развития, находит подтверждение в результатах эксперимента.</p>						

Таблица 5 (окончание)

И. п. ед. ч.	ОС 1983	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
кирка	кирка́, -и́, мн. ки́рки, кирка́м и кира́и, кира́кам, <i>род. мн. кира́к ■ Орудие</i>	КИРКА́, кира́и́, мн. кира́ки, кира́ок, ки́рка́м	ки́рка кирка́	10% 90%	10% 90%	70% 30%
<i>Примечание.</i> Примечательно, что в поэтическом подкорпусе НКРЯ, в т. ч. в текстах XX в., зафиксирован только вариант <i>кирка́</i> .						
пиала	пиала́, -и́, мн. пиала́, пиала́м и доп. пиа́лы, пиала́м, <i>род. мн. пиал</i>	ПИАЛА́, пиала́, мн. пиала́, пиала́м и <i>допуст.</i> пиа́лы, пиала́м	пиа́ла пиала́	70% 30%	40% 60%	100%
<i>Примечание.</i> То, что в младшей группе 100% респондентов отдали предпочтение варианту с ударением на основе, сходно с поведением лексемы <i>баржа</i> (с той лишь разницей, что выбранный респондентами вариант <i>пиала</i> не зафиксирован орфоэпическими словарями — представляется, что он должен быть добавлен в рекомендацию по крайней мере с пометой <i>и допуст.</i>).						

респонденты в младшей группе в 90% и 100% случаев соответственно, что 1) прямо противоречит рекомендациям современных орфоэпических словарей, 2) вступает в противоречие с действием тенденции грамматикализации). При этом очевидно, что в настоящий момент мы находимся на новом этапе становления оппозиции субпарадигм ед. и мн. ч., что отражается, в частности, в динамике акцентуации слов старого окситонированного класса, а также подкрепляется новыми заимствованиями. Изменения эти не всегда адекватно отражаются в современных орфоэпических словарях: результаты эксперимента наглядно демонстрируют, что для ряда имен кодификационные решения должны быть скорректированы. Решение для каждой лексемы (а зачастую и для каждой словоформы) следует принимать отдельно, орфоэпические рекомендации должны быть уточнены с учетом всех особенностей современного состояния той системы, которая установилась к настоящему моменту в языке в результате действия тенденции Сидорова — тенденции грамматикализации.

Д. М. Савинов
Е. С. Скачедубова
А. Е. Журавлёва

2.2. АКЦЕНТУАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

0. Введение

Как известно, в русском языке большинство глаголов при словоизменении сохраняют ударение исходной словоформы, то есть имеют неподвижное ударение как в основе настоящего (будущего простого) времени, так и в основе инфинитива. Подвижное ударение в прошедшем времени свойственно лишь небольшой группе глаголов, относящихся к непродуктивным классам¹. Эти же глаголы обычно характеризуются и высокой степенью вариативности ударения в соответствующих формах.

Исторически формы женского рода большинства этих глаголов были акцентно противопоставлены всем другим формам прошедшего времени, что связано с противопоставлением в раннедревнерусском языке у *l*-причастий ортотонической словоформы ж. р. с фонологически ударным окончанием *-а* другим формам-энклиноменам, не имевшим фонологически ударных слогов. Наличие у глаголов-энклиноменов только фонологически безударных слогов предполагало «автоматическое» позиционное усиление начального слога, что в соответствующих тактовых группах обусловило оттяжку ударения на проклитики, а также перенос ударения на энклитику *-ся*, бывшую фонологически ударной. С исчезновением фонетического различия между автономным (на любом слоге ортотонических форм) и автоматическим (на первом слоге энклиноменов) ударением акцентная система становится фонетически необусловленной, а место ударения — традиционным. Возникают акцентные подвижные парадигмы типа *лил, лилá, ли́ло, ли́ли; óтдал, отдалá, óтдало, óтдали; прóпил, пропи́лá, прóпило, прóпили; приня́сь, приня́сь, приня́сь, приня́сь*, частично сохранившиеся в русском литературном языке до настоящего времени.

---

¹ В современном русском языке в прошедшем времени отмечается три типа акцентных парадигм: *a* — неподвижное ударение на основе (*грел, грéла, грéло, грéли*), *b* — неподвижное ударение на флексии (*нёс, неслá, неслó, несли*) и *c* — подвижное ударение (*был, былá, бýло, бýли*).

Однако процессы унификации, способствующие закреплению неподвижного ударения, постепенно устраняют, во-первых, акцентное противопоставление форм внутри парадигм, во-вторых, различия в акцентуации производных и производящих основ, что способствует расширению вариативности, то есть приводит, по выражению М. В. Панова, к «нефункциональному многообразию единиц». О вариантах, существующих в разговорном узусе носителей русского литературного языка, уже не раз писали лингвисты [Воронцова 1979: 168–193; Воронцова 2000: 308–309; Касаткин 2014: 238–240; Касаткина 2008: 380–383; Куракина 2011а: 267–272; Куракина 2011б: 24–29; Суханова 1980: 689], однако большинство нормативных словарей продолжает искусственно последовательно поддерживать в формах прошедшего времени старые акцентологические нормы.

Чтобы определить основные закономерности постановки ударения в исследуемых глаголах, была проведена серия экспериментов, в которых приняли участие 112 респондентов, москвичей во втором-третьем поколении, с высшим образованием (или студенты старших курсов вузов), носители литературной нормы русского языка. Информанты обоих полов были разделены на три равные возрастные группы (младшая — до 29 лет включительно, средняя — от 30 до 59 лет, старшая — 60 лет и старше). Респонденты читали с листа без предварительного ознакомления тексты достаточно большой протяженности, содержащие глагольные формы, допускающие варианты ударения в живой непринужденной речи. Всего было изучено 390 форм 206 невозвратных глаголов и 211 форм 88 возвратных глаголов. В общей сложности получено более 18 000 дикторских ответов.

В эксперимент входили следующие невозвратные глаголы и их префиксальные производные: *братъ, быть, вить, врать, гнать, дать, драть, ждать, жить, жрать, звать, клясть, красть, лгать, лить, пить, плыть, рвать, слать, спать, стлать, ткать*, а также префиксальные образования с корнями *бы-*, *-я-* (*ня-*), *мер-* и *пер-* (типа *убыть, принять, умереть, запереть*). Среди возвратных глаголов были исследованы *браться, виться, гнаться, даваться, драться, житься, клясться, литься, рваться, спаться*, а также префиксальные производные типа *облиться, отдаться, погнаться* и др.

Рассматриваемые глаголы разделяются на две группы: глаголы с исконно односложной основой (*бы-, ви-, да-, жи-, кля-, ли-, пи-, плы-, -ня-*) и глаголы, в которых ранее был редуцированный, т. е. ис-

конно двусложные (*бра-, вра-, гна-, дра-, жда-, жра-, зва-, лга-, рва-, сла-, спа-, стла-, тка-*). На различное поведение этих глаголов с точки зрения акцентуации указал еще Л. А. Булаховский [1948: 22–24]. Отмечалось, что «применительно к позднему периоду развития литературного языка это различие выявлялось в более интенсивном выравнивании ударения у глаголов второй группы (в прошлом двусложных)» [Воронцова 1979: 171].

1. Невозвратные глаголы

Подавляющее большинство исследованных глаголов в раннедревнерусском языке были энклименами, соответственно, ударение во всех формах прошедшего времени, кроме формы ж. р. ед. ч., исконно должно было падать либо на корень или суффикс *-a* (у непроемных бесприставочных глаголов), либо на приставку (у их префиксальных производных). По данным Л. А. Булаховского и Н. А. Еськовой, этот принцип в целом сохранялся до конца XVIII — начала XIX в.: *обвил, обвило, прибрал, прибрало, поплыл, поплыло, сорвал, сорвало* и др. [Булаховский 1948: 20–22, 24–25; Еськова 2008: 375–389].

Однако уже с первой половины XIX в. прослеживается тенденция «к “выравниванию” ударения приставочных глаголов по основному» [Воронцова 2000: 308], то есть к перемещению ударения у приставочных глаголов на корень или суффикс *-a* — по аналогии с производящими бесприставочными глаголами в соответствующих формах. Сначала этот процесс затрагивает глаголы с исторически двусложной основой (при стабильном сохранении ударения на префиксе в односложных глаголах); затем тенденция к переносу ударения с префикса на корень распространяется также и на вторую группу глаголов. К середине XX в. ударение переместилось с префикса на корень, суффикс или окончание во всех двусложных глаголах (за исключением форм *созвал, совало*), а также в большинстве односложных, где этот процесс идет “медленно и избирательно» [Воронцова 1979: 179].

Е. Б. Куракина в 2005–2010 гг. провела серию орфоэпических экспериментов среди школьников и студентов и на основе полученных данных описала современную «младшую» норму в ее московском варианте. По данным Е. Б. Куракиной, в префиксальных глаголах, «характерной особенностью акцентной вариативности которых является перемещение старшего ударения с префикса на корень в глаголах в формах мужского рода, среднего рода и множественного числа прошедшего времени <...>, употребление корневого ударения

<...> перешагнуло 50%-й барьер и более распространено в речи молодых москвичей, нежели префиксальное» [Куракина 2011б: 25].

Результаты проведенного эксперимента свидетельствуют о том, что большинство глаголов в формах м. р. ед. ч. и мн. ч. произносятся в настоящее время с ударением на корне или суффиксе, количество подобных произнесений в разных возрастных группах равняется 80–100%. Почти исключительно с наосновным ударением в средней и младшей возрастных группах произносятся глаголы, производные от исконно односложных *дать, жить, лить, пить* и *плыть*. Наиболее высокий процент произнесений с ударением на префиксе отмечается у соответствующих глаголов с приставкой *про-* (*прóдал, прóжил, прóлил, прóпил*, а также *прóклял*), что свидетельствует о ее высокой акцентогенности.

Однако небольшое количество префиксальных глаголов в м. и ср. р. ед. ч. и во мн. ч. произносятся преимущественно с ударением на приставке. Так, в формах ср. р. подобную акцентуацию сохраняют следующие глаголы: *предпрíняло* (100% ст., 90% ср. и мл.), *пóнялo* (90% ст., 70% ср., 60% мл.), *наняло* (80% ст. и ср., 60% мл.), *прíняло* (100% ст., 80% ср. и мл.), *прíбыло* (100% ст. и ср., 90% мл.), *зánерло* (75% ст., 90% ср. и мл.), *óтбыло* (30% ст., 60% ср., 40% мл.), *убыло* (90% ст. и ср., 80% мл.), *прóбыло* (70% ст. и мл., 80% ср.), *зáмерло* (100% ст., 80% ср., 60% мл.), *úмерло* (100% ст. и ср., 90% мл.). В м. р. ед. ч. и мн. ч. эти глаголы произносятся почти исключительно с ударением на префиксе: процент таких произнесений во всех возрастных группах равен 90–100%. По всей видимости, здесь произошла лексикализация места ударения, которая, возможно, обусловлена постепенным «затемнением» словообразовательной мотивированности данных слов, их отрывом от производящей основы (*прибыть, отбыть, убыть*), а также наличием в глаголах связанного корня (*понять, нанять, принять, запереть*). К последней группе примыкают глаголы *замереть* и *умереть*, соотносимые с малоупотребительным разговорным глаголом *мереть*, который в современном русском языке имеет дефектную парадигму и употребляется исключительно в устойчивых сочетаниях (*мрут как мухи*). В случае с глаголом *предпринять* также действует тенденция к ритмическому равновесию.

Проведенный нами анализ текстов XVIII–XIX вв. поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) дал возможность обнаружить немалое количество примеров исследованных приставочных и бесприставочных глаголов, в которых ударе-

ние в ср. р. падает не только на приставку, корень или суффикс, но и на окончание. По данным НКРЯ, наиболее часто нафлексивное ударение встречается в бесприставочных глаголах. Так, первое употребление формы *дало* с ударным окончанием отмечено еще в середине XVIII в.: «*Не думай, чтоб свершила зло: Умри, коль смерти мне желаешь; Сама себя теперь караешь, Тебе злодейство то далó*» (И. Ф. Богданович, 1761). Приведем некоторые другие примеры: «*Меж бледных звёзд Как человеческое было Лицо луны, и слёзы **лúло***» (А. Н. Майков, 1853) — «*Оно, горевшее светло, Как бы зияющая рана Болезни смрадные **лúло***» (А. М. Жемчужников, 1867); «*По плечам твоим высоким Солнце блеск **разлúло** свой. И знакомые мне косы Льнут к волнам своей волной*» (К. К. Случевский, 1897) — «*И чудное, исполненное ласки Создание — на щёки, на чело Как будто воск холодный **разлилó**, И я застыл в окаменелой маске*» (К. М. Фофанов, 1892); «*Весь свет непрестанно Терпит отмены, и то чудно лишь бы было, Если б мое в тех валах судно равно **плúло***» (А. Д. Кантемир, 1731–1743) — «*Плúло бы все ко мне: из темных конурки Морской бы вышел рак, кобенясь на клешнях; Явился бы и кит с огромными усами, И нильский крокодил в узорных чешуях*» (В. А. Жуковский, 1819); «*Светила чудные сияли в вышине И, улыбаяся, смотрели в душу мне; Чистейшим серебром поля вдали сияли, Леса пустынные недвижимо стояли; Всё **спáло**...*» (А. Н. Апухтин, 1854) — «*Сидела мать у колыбели; Дитя **спалó**, но в странном сне...*» (Н. П. Огарев, 1841); «*Что **звáло** жить, что силы горячило — Далеко за горой*» (А. А. Фет, 1853) — «*Надменное ветрило Его **звалó** к брегам чужой земли...*» (А. С. Пушкин, 1814); «*Я пел одинок, но тужить и роптать Мне, старому, было б грешно и нестать — Наград моё сердце не **ждалó!***» (А. К. Толстой, Слепой, 1873) — «*Это всё, поверь, Нас **ждалó** давно, И сбылось теперь, чему быть должно*» (А. Н. Апухтин, 1854–1892) и др.

Современные орфоэпические словари формы ср. р. с ударением на окончании (типа *лилó*, *разлилó*, *гналó*, *загналó*, *бралó*, *набралó*, *ждалó* и др.) дают с запретительной пометой *не рекомендовано*, допустимыми признаются формы *взялó* и *далó* [Еськова 2014; ОС 1999; Резниченко 2015] или только *далó* [Штудинер 2016]. В. М. Суханова, автор раздела «Ударение глаголов» в академической «Русской грамматике», квалифицирует формы с нафлексивным ударением типа *бралó*, *гналó*, *обдалó*, *отдалó*, *предалó*, *ждалó*, *жилó* и мн. др. как просторечные [Суханова 1980: 689]. Лишь в «Большом орфоэпическом словаре» варианты с нафлексивным ударением в форме ср. р. трактуются как нормативные и снабжены пометой *допустимо младшее* [БОС 2017].

На значительную распространенность нафлексивного ударения у префиксальных невозвратных глаголов ср. р. указала Е. Б. Куракина: «При анкетировании современной московской молодежи проявилась также интересная особенность: респонденты неожиданно употребили флексивное ударение в глаголах в прошедшем времени в форме среднего рода (например, *обдало* — 94%), что можно объяснить выравниванием места ударения по аналогии с кодифицированным ударением на флексии в форме женского рода данных глаголов» [Куракина 2011б: 26].

Результаты проведенного эксперимента показали, что носители современного русского литературного языка произносят формы ср.р. преимущественно с ударением на окончании, причем зачастую процент таких произнесений имеет тенденцию к возрастанию от старшей к младшей возрастной группе. Обращает внимание, что в непроемных бесприставочных глаголах процент произнесения с ударным окончанием значительно выше, чем в производных, для ряда лексем он приближается (а в некоторых возрастных группах равен) к 100%. Наиболее часто формы ср. р. ед. ч. с нафлексивным ударением встречаются в глаголах *лечь, дать, звать, взять* и их префиксальных производных: *лило* (10% ст. и мл., 0% ср.) и *лилó* (90% ст. и мл., 100% ср.); *залило* (30% ст., 20% ср., 0% мл.), *зали́ло* (20% ст., 0% ср., 10% мл.) и *залило́* (50% ст., 80% ср., 90% мл.); *разлило* (30% ст., 10% ср., 0% мл.) и *разли́ло* (70% ст., 90% ср., 100% мл.); *дало* (0% ст. и мл., 10% ср.) и *далó* (100% ст. и мл., 90% ср.); *подало* (40% ст., 30% ср., 30% мл.), *подалó* (10% ст. и мл., 30% ср.) и *подалó* (50% ст., 40% ср., 60% мл.); *передало* (17% ст., 20% ср., 10% мл.), *передалó* (8% ст., 20% ср., 0% мл.) и *передалó* (75% ст., 60% ср., 90% мл.); *звало* (10% ст. и мл., 0% ср.) и *звалó* (90% ст. и мл., 100% ср.); *подозвало* (80% ст., 50% ср., 20% мл.) и *подозвалó* (20% ст., 50% ср., 80% мл.); *призвало* (50% ст., 60% ср., 20% мл.) и *призвалó* (50% ст., 40% ср., 80% мл.) и др.

Глаголы *брать, гнать, жить и гнать* в целом вписываются в общий процесс переноса ударения на окончание, о чем свидетельствуют некоторые словоформы: *брало* (40% ст., 20% ср. и мл.) и *бралó* (60% ст., 80% ср. и мл.); *набрало* (50% ст., 30% ср., 10% мл.) и *набралó* (50% ст., 70% ср., 90% мл.); *отобрало* (17% ст., 40% ср., 10% мл.) и *отобралó* (83% ст., 60% ср., 90% мл.); *прибрало* (30% ст., 20% ср. и мл.) и *прибралó* (70% ст., 80% ср. и мл.); *гнало* (30% ст., 40% ср., 10% мл.) и *гналó* (70% ст., 60% ср., 90% мл.); *загнало* (30% ст., 50% ср., 20% мл.) и *загналó* (70% ст., 50% ср., 80% мл.); *обогнало* (40% ст., 60% ср., 40% мл.)

и *обогнало* (60% ст., 40% ср., 60% мл.); *жи́ло* (30% ст., 60% ср., 10% мл.) и *жило́* (70% ст., 40% ср., 90% мл.); *о́бжило* (0% ст. и мл., 10% ср.), *обжи́ло* (30% ст. и мл., 40% ср.) и *обжило́* (70% ст. и мл., 50% ср.); *за́жило* (60% ст., 30% ср., 20% мл.), *зажи́ло* (0% ст. и мл., 10% ср.) и *зажило́* (40% ст., 60% ср., 80% мл.), *о́жило* (40% ст., 20% ср., 50% мл.), *ожи́ло* (10% ст., 0% ср. и мл.) и *ожило́* (50% ст. и мл., 80% ср.); *лга́ло* (50% ст., 20% ср., 0% мл.) и *лгало́* (50% ст., 80% ср., 100% мл.); *солга́ло* (40% ст., 60% ср., 20% мл.) и *солгало́* (60% ст., 40% ср., 80% мл.).

Однако довольно большое количество приставочных образований от этих глаголов последовательно сохраняет наосновное ударение: *избра́ло* (60% ст., 100% ср., 70% мл.) и *избрало́* (40% ст., 0% ср., 30% мл.); *разобра́ло* (60% ст., 50% ср., 70% мл.) и *разобрало́* (40% ст., 50% ср., 30% мл.); *перебра́ло* (80% ст., 40% ср., 70% мл.) и *перебрало́* (20% ст., 60% ср., 30% мл.); *обобра́ло* (40% ст., 70% ср. и мл.) и *обобрало́* (60% ст., 30% ср. и мл.); *изгна́ло* (42% ст., 80% ср., 50% мл.) и *изгнало́* (58% ст., 20% ср., 50% мл.); *пригна́ло* (90% ст., 100% ср., 30% мл.) и *пригнало́* (10% ст., 0% ср., 70% мл.); *догна́ло* (80% ст., 60% ср., 50% мл.) и *догнало́* (20% ст., 40% ср., 50% мл.); *нагна́ло* (70% ст., 80% ср. и мл.) и *нагнало́* (30% ст., 20% ср. и мл.); *о́тжило* (20% ст. и мл., 30% ср.), *отжи́ло* (60% ст. и мл., 40% ср.) и *отжило́* (20% ст. и мл., 30% ср.); *до́жило* (70% ст., 40% ср., 20% мл.), *дожи́ло* (20% ст. и ср., 50% мл.) и *дожило́* (10% ст., 40% ср., 30% мл.); *по́жило* (20% ст. и ср., 0% мл.), *пожи́ло* (60% ст. и мл., 50% ср.) и *пожило́* (20% ст., 30% ср., 40% мл.); *пе́режило* (10% ст., 20% ср. и мл.), *пережи́ло* (70% ст., 30% ср., 60% мл.) и *пережило́* (20% ст. и мл., 50% ср.); *оболга́ло* (90% ст., 80% ср., 70% мл.) и *оболгало́* (10% ст., 20% ср., 30% мл.).

Есть и другие исключения. Во-первых, особняком стоят глаголы *вить* и *пить*, относящиеся к одному классу. Так, в глаголе *вить* и префиксальных производных в ед. ч. ср. р. ударение чаще падает на основу: *ви́ло* (80% ст. и ср., 100% мл.) и *вило́* (20% ст. и ср., 0% мл.), *зави́ло* (70% ст. и мл., 80% ср.) и *завило́* (30% ст. и мл., 20% ср.), *приви́ло* (60% ст., 90% ср., 80% мл.) и *привило́* (40% ст., 10% ср., 20% мл.), *сви́ло* (60% ст., 80% ср. и мл.) и *свило́* (40% ст., 20% ср. и мл.), *уви́ло* (75% ст., 90% ср., 100% мл.) и *увило́* (25% ст., 10% ср., 0% мл.).

Глаголы с корнем *пи-* имеют нафлексивное ударение несколько чаще, чем глаголы с корнем *ви-*, однако количество респондентов, поставивших ударение на окончание, обычно не превышает 30–40%: *пи́ло* (90% ст., 80% ср., 70% мл.) и *пило́* (10% ст., 20% ср., 30% мл.), *отпи́ло* (80% ст., 40% ср., 70% мл.) и *отпило́* (20% ст., 60% ср., 30% мл.),

допи́ло (80% ст. и ср., 70% мл.) и *допи́лo* (20% ст. и ср., 30% мл.), *попи́ло* (60% у всех групп респондентов) и *попи́лo* (40% у всех групп респондентов).

В отличие от всех остальных глаголов с исконно подвижной акцентной парадигмой, у *вить* и *пить* максимальное количество произнесений с ударением на флексии фиксируется не в производящих бесприставочных глаголах, а в префиксальных производных: количество произнесений *привило́*, *свилó*, *завило́*, *попи́лo*, *отпи́лo* значительно превышает количество произнесений *вилó* и *пи́лo*. Возможно, стабильное сохранение ударения на основе в ср. р. связано с влиянием других глаголов данного класса, большинству которых в прошедшем времени свойственно неподвижное ударение на основе: *бить*, *шить*, *брить* и др. Необходимо также отметить и действие в данной глагольной группе прагматического фактора: у более употребительных глаголов процент произнесения с наосновным ударением ниже, чем у менее употребительных. Неслучайно более частотный глагол данного класса *лить* и его производные значительно чаще имеют нафлексивное ударение в соответствующих формах, чем менее частотные глаголы *пить* и *вить* и их производные. Ср.: широко употребительный *ли́ло* (90% ст. и мл., 100% ср.), менее частотный *пи́лo* (10% ст., 20% ср., 30% мл.) и еще менее частотный *вилó* (20% ст. и ср., 0% мл.). Прагматический фактор действует даже при акцентуации однокоренных глаголов: ср. форму более частотного глагола *завило́* (30% ст., 20% ср., 30% мл.) и форму менее частотного — *увилó* (25% ст., 10% ср., 0% мл.).

Кроме того, в случае с глаголом *вить* и его префиксальными производными такая акцентуация объясняется разграничением омонимии с формами глагола *вести́* и соответствующими производными: *ви́ло*, но *велó*, *привило́*, но *привелó* и др.

Во-вторых, большинство глаголов со связанным корнем *-пер-*: *подпереть*, *распереть*, *упереть* (в том числе грубопросторечные типа *допереть*, *напереть* и др.), исконно имевшие маргинально-подвижную акцентную парадигму, унифицировали ударение не на окончании, а на корне (в том числе и в форме ж. р.): *подпе́р*, *подпе́рла*, *подпе́рло*, *подпе́рли* и т. д. Старая акцентуация в этих словах до сих пор сохраняется лишь в некоторых диалектных системах: *но́дпер*, *ро́сперло*, *у́перли* [Даль 1912: 3: 499, 1611; 4: 1037]. В литературном языке, по данным лексикографических источников, в прошедшем времени только глаголы *запереть* и *отпереть* сохраняют старую подвижную парадигму:

за́пер, заперла́, за́перло, за́перли. Однако результаты эксперимента свидетельствуют о том, что в глаголе *отпереть* развивается та же тенденция к переносу ударения на корень, что и в других лексемах с корнем *пер-*: вариант *отпёрло* предпочли 40% ст. и 50% ср. и мл., а *отпёрла* — 20% ст., 10% ср. и 20% мл. Та же тенденция отмечена и у возвратного глагола *отпереться*: вариант *отпёрлось* предпочли 40% ст. и ср., 50% мл., *отпёрлась* — 0% ст., 10% ср. и мл.

Возможно, различное поведение глаголов *отпереть* (-ся) и *запереть* (-ся) связано с их частотностью²: более употребительный *запереть* (-ся) в прошедшем времени лучше сохраняет старую акцентную парадигму, чем менее употребительный *отпереть* (-ся), в формах которого происходит тенденцию к акцентной «семантизации», то есть к переносу ударения на корень.

В-третьих, у глаголов *слать, стлать, красть, ткать* с исконно неподвижным наосновным ударением в формах прошедшего времени процент произнесений форм ср. р. с ударением на окончании не превышает 10–20%, причем обычно в младшей или, реже, в средней группе респондентов. Респонденты старшей возрастной группы произносят эти формы преимущественно с ударением на основе: *сла́ло, засла́ло, посла́ло, пересла́ло, досла́ло, стла́ло, устла́ло, разостла́ло, постла́ло, кра́ло, укра́ло; тка́ло, натка́ло* и др.

У глаголов, исконно имевших в прошедшем времени подвижную парадигму, ударным в ед. ч. ж. р. было окончание. По данным НКРЯ, нафлексивное ударение в этой форме стабильно сохранялось вплоть до начала XIX вв. Примеры с ударением на основе начинают встречаться с первой половины XIX в., однако они немногочисленны и отражают «преимущественно южнорусские влияния» [Булаховский 1948: 19]: «Когда небесные все силы **Призва́ла**, дни свои кляня, И засто-нала: «Милый, милый, Ужель разлюбишь ты меня!» (В. И. Туманский, 1833); «Совершенно умирала; Силы все свои **собра́ла**, Взлезла лишь — и всё прошло, Сердце будто расцвело» (И. П. Мятлев, 1840). Их количество несколько увеличивается только к началу XX в.

В современных орфоэпических словарях и справочниках для глагольных форм женского рода прошедшего времени в качестве нормативного дается только вариант с нафлексивным ударением (*жила́, изжила́, рвала́, нарвала́* и др.). Результаты эксперимента показывают,

² Например, в газетном подкорпусе НКРЯ (СМИ 2000-х гг.) форма *заперла* встречается 55 раз, форма *заперлась* — 44 раза, тогда как форма *отперла* — всего 3 раза, а форма *отперлась* вообще отсутствует.

что в этих формах в большинстве случаев ударение на окончании последовательно сохраняется. Более того, нафлексивное ударение в формах ж. р. становится возможным и для глаголов, ранее имевших в прошедшем времени неподвижное ударение на основе: *слать*, *стлать*, *крать*. Так, вариант *слалá* предпочли 20% ст., 20% ср., 40% мл., *послалá* — 30% ср. и 30% мл., *отослалá* — 10% ср., 50% мл.; *стлалá* — 10% ст., 50% ср., 40% мл.; *постлалá* — 10% ст., 30% ср., 10% мл.; *кралá* — 60% ст., 50% ср., 70% мл. Очевидно, что количество произнесений с ударением на окончании в этих глаголах постепенно увеличивается.

Варианты *слалá* и *стлалá* sporadически фиксируются в поэзии начиная с конца XIX в.: «*И не подумашь, что злобно Здесь ночью снежная метель С своею песнею надгробной Стлалá холодную постель*» (К. М. Фофанов, 1887); «*Еще Аравия тирана Сюда такого не слалá, Еще над селами Ирана Тень не была такого зла*» (Г. В. Адамович, 1918–1920). В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова формы *стлала* и *стлалá* признаются равноправными, а вариант *слалá* снабжается пометой *областное* [ТСРЯ т. 4: 256, 522]. В других орфоэпических источниках нормативным в этих формах считается только вариант с наосновным ударением.

Акцентные варианты *кралá*, *укралá* в НКРЯ не зафиксированы, во всех источниках (включая словарь под редакцией Д. Н. Ушакова) единственно правильным признается произношение с ударением на корне: *кράла*, *украла*. Лишь в «Большом орфоэпическом словаре» вариант *кралá* признается нормативным и дается с пометой *допустимо младшее* [БОС 2017: 320].

Особо следует остановиться на префиксальных производных от глаголов *гнать* и *ткать*, которые, по данным эксперимента, довольно часто произносятся в ж. р. с ударением на суффиксе: *изгнáла* (30% ст., 40% ср., 10% мл.), *погнáла* (70% ст., 10% ср., 30% мл.), *вогнáла* (30% ст., 20% ср., 10% мл.), *пригнáла* (30% ст., 20% ср., 10% мл.), *догнáла* (30% ст., 10% ср. и мл.), *угнáла* (50% ст., 40% ср., 10% мл.), *обогнáла* (10% ст., 30% ср., 0% мл.), *перегнáла* (10% ст., 30% ср., 0% мл.), *нагнáла* (30% ст., 20% ср., 10% мл.), *ткáла* (30% ст. и ср., 10% мл.), *наткáла* (20% ст. и ср., 30% мл.). Исконно все формы, образованные от основы инфинитива этих глаголов, имели акцентную парадигму *a*, то есть неподвижное ударение на основе, см. [Зализняк 1985: 125–139]. Позднее в результате влияния аналогии со стороны других глаголов с основой на *-a*, имевших подвижную акцентную парадигму

(*братъ, врать, драть* и др.), у *знать* и *ткать* в формах прошедшего времени колонное ударение на основе сменилось подвижным: в ж. р. оно перешло на флексию, а в остальных формах закрепилось на суффиксе. При этом следы старой парадигмы *a* сохранялись еще долгое время. Так, в поэзии XVIII в. широко представлены формы с наосновным ударением в ж. р. ед. ч. соответствующих глаголов: «*Нагнѣла бабушка предъ свадьбой внучке скуку, Рассказывая ей про свадебну науку*» (А. П. Сумароков, 1759), «*Иль сами естество оставили в саду, Или Натура их изгнѣла за вражду*» (Ф. Я. Козельский, 1769); «*Погнѣла всё зима, — один ты всех упряме*» (М. Н. Муравьев, 1776); «*И там бы для утех открылся новый трон; На нем бы Дашинька запела, заплясала, Лучом веселости прогнѣла б вечну ночь*» (Н. А. Львов, 1796); «*Не быв наследником Аттала, Не обитаю я дворцов И тканей в дар, что Спарта ткѣла, Не получаю от льстецов*» (В. В. Попугаев, 1799).

На принадлежность в прошлом этих глаголов к парадигме *a* указывает еще один факт: в отличие от остальных глаголов, имевших исконно подвижную парадигму *c*, в префиксальных производных от глаголов *знать* и *ткать* в формах м. и ср. р. ед. ч. и мн. ч. довольно редко встречается перенос ударения на приставку. Так, Л. А. Булаховский приводит два примера употребления формы *прѣгнал* в одной из «Песен западных славян» А. С. Пушкина и далее пишет: «Возможно, что эти обособленные случаи оттянутого ударения при основе *зна-* не есть факт литературный, а представляют естественную здесь стилизацию в соответствии с ударением, изредка встречающимся в северных говорах» [Булаховский 1948: 21].

Подобный перенос акцента на префикс по аналогии наблюдается и в некоторых других глагольных формах, исторически не относившихся к энклитоменам. Например, глагол *бить* и его префиксальные производные до сих пор сохраняют в прошедшем времени исконную парадигму *a* (*бил, бѣла, бѣло, бѣли; забѣл, забѣла, забѣло, забѣли*). Однако глагол *пробѣть* в значении ‘дать сигнал ударами (о часах, времени)’ в м. и ср. р. ед. ч., а также во мн. ч. имеет варианты с ударением на префиксе (*прѣбил, прѣбило, прѣбили*) и только в форме ж. р. сохраняется исконный тип парадигмы (*прѣбила*). Видимо, перенос акцента с основы на префикс произошел под влиянием глаголов того же класса с подвижным ударением (*прѣпил, прѣпил*).

Следует особо отметить, что префикс *про-* исконно обладал высокой акцентогенностью, то есть способностью сохранять и даже перетягивать на себя ударение. Например, А. Д. Кривоносов, изучивший

одну из рукописей XVI в., отмечал, что в этом памятнике письменности «приставки *по-* и *про-* чаще, чем другие, несут на себе иктическую нагрузку» [Кривоносов 1989: 15].

По данным проведенных экспериментов, и сегодня префикс *про-* стабильно сохраняет исконное ударение в соответствующих формах глаголов с подвижной акцентной парадигмой (*про́жил, про́лил* и др.), включая полные и краткие формы страдательных причастий (типа *про́житый, про́жит, про́литый, про́лит* и т. п.) [Скачедубова 2020].

Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова квалифицирует формы *ткáла* и *ткка́ла* как равноправные варианты (но только *наткка́ла, соткка́ла* и др.) [ТСРЯ]. В более поздних орфоэпических источниках равноправными вариантами признаются также *наткáла* и *наткка́ла, соткáла* и *соткка́ла* и др. [ОС; Резниченко 2015]. «Большой орфоэпический словарь» как основные дает формы с ударением на окончании: *ткка́ла, наткка́ла, соткка́ла* и др., формы с ударением на суффиксе снабжаются пометой *допустимо* [БОС 2017]; М. А. Штудинер считает единственно правильными варианты с ударением на окончании: *ткка́ла, наткка́ла* и др. [Штудинер 2016].

Наосновное ударение в ж. р. фиксируется и у глаголов, исконно имевших в прошедшем времени подвижную парадигму. Наиболее часто такая акцентуация отмечается в некоторых префиксальных производных от глаголов *вить, пить, драть, брать, рвать* и *жрать*. Приведем самые частотные формы, в которых процент подобной акцентуации равняется или превышает в отдельных возрастных группах 40%: *ви́ла* (60% ст., 50% ср. и мл.), *уви́ла* (30% ст., 60% ср. и мл.), *приви́ла* (20% ст., 50% ср. и мл.), *нави́ла* (30% ст., 40% ср., 70% мл.), *зави́ла* (40% ст., 30% ср. и мл.), *сви́ла* (40% ст., 0% ср., 30% мл.), *пропи́ла* (8% ст., 0% ср., 40% ст.), *испи́ла* (40% ст. и ср., 20% мл.), *распи́ла* (40% ст., 30% ср., 0% мл.), *ободра́ла* (20% ст., 40% ср. и мл.), *разодра́ла* (40% ст., 10% ср. и мл.), *удра́ла* (50% ст., 20% ср., 10% мл.), *подра́ла* (40% ст., 30% ср. и мл.), *обобра́ла* (20% ст., 40% ср., 10% мл.), *изорва́ла* (20% ст., 50% ср., 0% мл.), *прорва́ла* (40% ст., 20% ср., 0% мл.), *пожра́ла* (60% ст., 0% ср., 20% мл.), *сожра́ла* (40% ст., 0% ср. и мл.).

Широкое распространение форм с наосновным ударением в ж. р. глаголов *вить* и *пить* и их производных, видимо, связано с влиянием других глаголов соответствующего класса (*бить, шить* и др.), которым свойственна акцентная парадигма *а* (см. выше). Таким образом, для данного глагольного класса характерно формирование единой акцентной парадигмы с постоянным ударением на основе (из этой тенденции выпадает только частотный глагол *лечь*).

В остальных глагольных корнях ударение на основе в ж. р. характеризует обычно только отдельные слова, как правило, с двухсложной приставкой: *недоли́ла, препода́ла, перевер́ала, переплы́ла, оболга́ла*, что можно считать проявлением тенденции к ритмическому равновесию. В целом данные проведенного эксперимента противоречат выводам М. С. Сухановой, написавшей в «Русской грамматике», что глаголы с исконно подвижной акцентной парадигмой «в разг<оворной> речи широко употребительны с ударением на основе в форме жен. р. прош. вр.: *призváла, избр́ала, собр́ала, прогна́ла, изгна́ла, сожр́ала, солга́ла, разорва́ла, сорва́ла, поплы́ла, изодра́ла, слы́ла, созда́ла*» [Суханова 1980: 689]. Таких примеров немного, и обычно подобная акцентуация характеризует только отдельные глаголы; в речи москвичей в этих формах «флективное ударение имеет более сильные позиции по отношению к корневому ударению» [Куракина 2011б: 26].

Возникает вопрос: почему некоторые информанты в форме ж. р. ряда глаголов, имевших исконную подвижную парадигму, ставят ударение на основу: *удра́ла, прорва́ла, сожр́ала*? Эти случаи нельзя объяснить ни ритмическим фактором, ни историческими причинами, ни даже тенденциями развития русского литературного языка. В. Л. Воронцова отмечала, что унификация ударения в формах прошедшего времени возможна не только за счет распространения в ср. р. нафлективного ударения, но и за счет распространения в ж. р. наосновного ударения: «Об этом свидетельствуют многочисленные колебания, с одной стороны, типа *спáла, бра́ла, ожи́ла, добы́ла, подáла* и под., с другой — *на́чала, дб́была, пóдала* и под.» [Воронцова 2000: 309]. Однако Р. Ф. Касаткина подчеркивает, что подобное произношение не характерно для узуса носителей русского литературного языка: «В наших материалах случаи наосновного³ ударения в формах женского рода в речи лиц, говорящих на литературном языке, не зафиксированы» [Касаткина 2008: 380].

Можно предположить, что перенос ударения на основу в ж. р. глаголов с подвижной акцентной парадигмой у некоторых информантов объясняется региональным влиянием, поскольку в западной диалектной зоне русского языка, а также в других восточнославянских языках части исследуемых глаголов свойственно неподвижное ударение на основе (*бра́ла, дра́ла, спáла* и др.). Появление предконечного ударения в этих формах связано с процессом дефинализации ударе-

³ В статье Р. Ф. Касаткиной написано «нафлективного», что в общем контексте рассуждений должно трактоваться как опечатка.

ния, развивавшимся в соответствующих диалектных системах начиная с XIV в. [Зализняк 1985: 182–188]. При этом акцентологические нормы русского литературного языка сложились на базе акцентной системы, свойственной восточной зоне, в которой дефинализации ударения не было.

Как показывают данные эксперимента, сегодня ударение на основе в форме ж. р. глаголов с подвижной парадигмой (кроме форм глаголов *пить*, *вить* и их производных) характеризует лишь некоторых носителей старшей и частично средней группы информантов, имевших среди предков выходцев с западных территорий. В младшей возрастной группе количество таких произнесений обычно минимально, что говорит о том, что в речи молодежи окончательно «побеждает» восточная система, для которой характерно в соответствующих формах нафлексивное ударение. Этот вывод подтверждают данные орфоэпического эксперимента, проведенного Е. Б. Куракиной: в среднем 85% респондентов — москвичей в возрасте от 16 до 25 лет — предпочли в форме ж. р. соответствующих глаголов ударение на флексии [Куракина 2011б: 26].

О региональном распределении форм типа *брáла*, *спáла* — *бралá*, *спалá* в русских говорах см. [Касаткин (ред.) 2013: 165–166]. Следует отметить, что акцентуация *брáла*, *спáла* обычно характеризует не только диалектный узус, но и речь местной интеллигенции, таким образом, наосновное ударение в форме ж. р. можно считать чертой, присущей западному региональному варианту русского литературного языка [Букринская, Кармакова 2012: 160]. Однако подобное произношение чуждо московскому варианту произносительной нормы русского литературного языка.

2. Возвратные глаголы

В формах ср. р. ед. ч. и мн. ч. с постфиксом типа *приняло́сь*, *приняли́сь* довольно рано произошла перемаркировка предпоследнего слога, который стал фонологически ударным [Зализняк 1985: 125], что и обусловило передвижку ударения с постфикса *-ся* на окончания *-о* и *-и* в соответствующих формах⁴. В результате у исследуемых возвратных глаголов в прошедшем времени сформировалась следующая акцентная система, просуществовавшая до XVIII — начала XIX в.:

---

⁴ По данным Л. А. Булаховского, изменение безударного «-ся в -сь после гласных, как результат редукции конечного гласного, не существенного для характеристики формы, датируется XIV веком» [Булаховский 1939: 164].

в форме м. р. ед. ч. ударение падало на постфикс *-ся*, а в остальных — на окончание: *дался́, далась́, далось́, дались́; поддался́, поддалась́, поддалось́, поддались́* и т. д.

Однако постепенно в языке стал развиваться процесс переноса ударения с постфикса на корень или глагольный суффикс. Так, по данным Л. А. Булаховского, уже в XIX в. в форме м. р. возвратных глаголов «намного чаще выступают формы с ударением на корне, отражающее влияние инфинитивов». Л. А. Булаховский пишет, что для середины XX в. «литературной нормой является только ударение — *нанялся́ (занялся́, принялся́), начался́*; при двух префиксах — *приподнялся́ и приподнялся́*» [Булаховский 1948: 39]. В современных орфоэпических источниках допустимыми (не устаревшими) вариантами обычно признаются формы: *занялся́, нанялся́, поднялся́, принялся́, обнялся́, отнялся́, отперся́, заперся́, начался́*, а также *родился́* [Касаткин 2014: 239; Штудинер 2016].

Наши наблюдения над речевым узусом носителей литературного языка свидетельствуют о том, что сегодня произошло завершение устаревания этого типа ударения. Так, по данным орфоэпического эксперимента, проведенного Е. Б. Куракиной, 92% респондентов — москвичей в возрасте 16–25 лет — «предпочли постфиксальному ударению наосновное в возвратных глаголах в форме мужского рода прошедшего времени, образованных от невозвратных глаголов с подвижным ударением, что указывает на ярко выраженную тенденцию завершения переноса ударения с постфикса *-ся* на основу (корень либо префикс в некоторых глаголах) <...>; ударение на постфиксе *-ся* в исследуемой глагольной группе может считаться окончательно устаревшим не только в глаголах *собрáлся* и *взя́лся*, но и в тех глаголах, единственным нормативным или предпочтительным ударением в которых является именно постфиксальное ударение: *заперся́, обнялся́, нанялся́, поднялся́*» [Куракина 2011а: 271].

Ударение на окончании у возвратных глаголов в ср. р. ед. ч. и мн. ч. стабильно сохранялось вплоть до конца XVIII в. Именно в это время в русском литературном языке наряду с формами, имеющими во мн. ч. нафлексивное ударение, появляются формы с ударением на основе. Зачастую у одного автора можно встретить соответствующие акцентные варианты: «*Я хочу, чтоб слезы ли́лись, Сам их чувствую урон!*» (М. Н. Муравьев, 1776) — «*Рассеивалась мгла, и чувствованья страстны Неволєю ли́лись в сердца их непричастны...*» (М. Н. Муравьев, 1784); «*В душе Нерона вспыхнула гроза. Он побледнел: виски нали́лись*

кровью...» (Л. А. Мей, 1855) — «...*Как сердечко в лебяжия груди толкнулося, Как зажглися глаза синим яхонтом, Молоком налилсь руки белые»* (Л. А. Мей, 1857); «*Долго дрáлись; Спиридон Вдвое больше был силен...*» (Н. А. Некрасов, 1840) — «*Со всею яростью врагов, Миримых лишь за дверью гроба, Дрáлись два витязя; их слов Постигнуть смысл могла лишь злоба»* (Н. А. Некрасов, 1840).

Примеры переноса ударения в формах ср. р. ед. ч. появляются несколько позднее — с начала XIX в., но подобных примеров немного, и все они отмечаются почти исключительно у поэтов — выходцев с западных русских территорий, тогда как нафлексивное ударение во мн. ч. встречается также у поэтов из центральных и восточных областей России. Приведем некоторые примеры: «*Мое веселие прерв́лось, И сына моего уж нет»* (В. В. Капнист, 1806); «*Всё это л́илось, кружи́лось, мелькало, Вон из размеров своих выступало...*» (К. К. Случевский, 1860–1878).

Результаты проведенного эксперимента показали, что носители современного русского литературного языка по-прежнему произносят формы ср. р. ед. ч. и мн. ч. преимущественно с ударением на окончании. Однако почти у всех исследованных глаголов процент произнесений с наосновным ударением в формах мн. ч. последовательно выше на 10–30% по сравнению с аналогичными формами ср. р.: *л́илось* (10% ст., 0% ср. и мл.) и *лилóсь* (90% ст., 100% ср. и мл.), *л́ились* (20% ст., 0% ср. и мл.) и *лил́сь* (80% ст., 100% ср. и мл.); *обл́илось* (10% ст. и ср., 0% мл.) и *облилóсь* (90% ст. и ср., 100% мл.), *обл́ились* (25% ст., 30% ср., 40% мл.) и *облил́сь* (75% ст., 70% ср., 60% мл.); *созд́алось* (20% ст., 0% ср. и мл.) и *создалóсь* (80% ст., 100% ср. и мл.), *созд́ались* (25% ст., 10% ср., 0% мл.) и *создал́сь* (75% ст., 90% ср., 100% мл.); *разд́алось* (0%) и *раздалóсь* (100%), *разд́ались* (20% ст., 10% ср. и мл.) и *раздал́сь* (80% ст., 90% ср. и мл.); *рв́алось* (0% ст. и ср., 10% мл.) и *рвалóсь* (100% ст. и ср., 90% мл.), *рв́ались* (20% ст., 40% ср., 10% мл.) и *рвал́сь* (80% ст., 60% ср., 90% мл.); *ворв́алось* (10% ст. и ср., 0% мл.) и *ворвалóсь* (90% ст. и ср., 100% мл.), *ворв́ались* (20% ст. и ср., 10% мл.) и *ворвал́сь* (80% ст. и ср., 90% мл.); *порв́алось* (20% ст. и ср., 0% мл.) и *порвалóсь* (80% ст. и ср., 100% мл.), *порв́ались* (50% ст. и ср., 30% мл.) и *порвал́сь* (50% ст. и ср., 70% мл.) и др.

Следует отметить, что в приставочных образованиях процент произнесений с наосновным ударением в этих формах обычно выше, чем в бесприставочных: приставка (особенно двусложная) способствует оттягиванию ударения на основу, что, видимо, связа-

но с тенденцией к ритмическому равновесию: *воссозда́лось* (0% ст., 30% ср. и мл.) и *воссоздало́сь* (100% ст., 70% ср. и мл.), *воссозда́лись* (60% ст., 70% ср., 60% мл.) и *воссоздали́сь* (40% ст., 30% ср., 40% мл.); *изорва́лось* (20% ст., 30% ср. и мл.) и *изорвало́сь* (80% ст., 70% ср. и мл.), *изорва́лись* (40% ст., 70% ср., 10% мл.) и *изорвали́сь* (60% ст., 30% ср., 90% мл.); *оторва́лось* (20% ст., 20% ср., 10% мл.) и *оторвало́сь* (80% ст., 80% ср., 90% мл.), *оторва́лись* (30% ст., 50% ср., 40% мл.) и *оторвали́сь* (70% ст., 50% ср., 60% мл.).

Глаголы со связанным корнем *приняться, наняться, заняться, запереться* в речи представителей старшего поколения довольно часто отмечаются с ударением на приставке, в средней и младшей возрастных группах количество подобных примеров, как правило, ниже; в форме мн. ч. этих глаголов у некоторых респондентов встречается также ударение на корне: *приня́лось* (50% ст., 20% ср., 10% мл.) и *приняло́сь* (50% ст., 80% ср., 90% мл.), *приня́лись* (50% ст., 20% ср., 10% мл.), *приняли́сь* (10% ст., 20% ср., 20% мл.) и *приняли́сь* (40% ст., 60% ср., 70% мл.); *на́нялось* (20% ст. и ср., 0% мл.) и *наняло́сь* (80% ст. и ср., 100% мл.); *на́нялись* (20% ст. и ср., 0% мл.), *наня́лись* (30% ст., 60% ср., 70% мл.) и *наняли́сь* (50% ст., 20% ср., 30% мл.); *за́нялось* (20% ст., 10% ср., 0% мл.) и *заняло́сь* (80% ст., 90% ср., 100% мл.), *за́нялись* (10% ст., 20% ср., 10% мл.) и *заны́лись* (90% ст., 80% ср., 90% мл.); *за́перлось* (30% ст., 20% ср. и мл.) и *заперло́сь* (70% ст., 80% ср. и мл.), *за́перлись* (40% ст., 50% ср., 20% мл.) и *заперли́сь* (60% ст., 50% ср., 80% мл.).

Практически все орфоэпические источники признают вариативность ударения в формах ср. р. ед. ч. и мн. ч. и для большинства исследуемых глаголов допускают ударение как на окончании, так и на корне/суффиксе: [ОС 1999; Резниченко 2015; БОС 2017; Касаткин 2014: 240], лишь в словаре М. А. Штудинера [2016] нормативными признаются только варианты с нафлексивным ударением. В соответствующих формах возвратных глаголов со связанным корнем *ня-*, а также глаголов *запереться* и *отпереться* единственно правильным считается нафлексивное ударение. Только «Большой орфоэпический словарь» признает равноправными формы *на́нялось* и *наняло́сь*, *на́нялись* и *наняли́сь*, при этом варианты *за́нялось* и *за́нялись* этот словарь квалифицирует как неправильные [БОС 2017]⁵.

Анализ поэтического подкорпуса НКРЯ свидетельствует о том, что формы ж. р. исследованных возвратных глаголов стабильно со-

⁵ Глагол *приняться* в «Большом орфоэпическом словаре» отсутствует.

храняют нафлексивное ударение. Примеры с ударением на основе в этой форме встречаются начиная с середины XIX в., однако они единичны и отмечаются почти исключительно у выходцев с западных русских территорий: «*В смертный мой час мне не лгать на духу: Вольной я волей **отдалась** греху...*» (К. К. Случевский, 1860–1878); «*Нет, он не выдержал!.. В сердце кипевшая **рв́алась** наружу гроза*» (Н. М. Минский, 1881).

О стабильном сохранении ударения на окончании в ж.р. возвратных глаголов свидетельствуют и данные Е. Б. Куракиной: «По результатам устного и письменного исследований удалось выявить высокую устойчивость нормативного флексивного ударения в постфиксальных глаголах в форме женского рода прошедшего времени: его предпочли 92% респондентов» [Куракина 2011б: 28].

Результаты проведенного нами орфоэпического эксперимента подтверждают выводы Е. Б. Куракиной: практически все исследованные возвратные глаголы в 90–100% случаев произносятся с нафлексивным ударением представителями всех возрастных групп. Безальтернативное ударение на окончании отмечено в формах *лилась, налилась, пролилась, слилась, далась, задалась, отдалась, подалась, предалась, продалась, сдалась, удалась, набралась, зажилась, нажилась, рвалась, занялась, нанялась, отнялась, принялась, снялась, сбывлась, залгалась*.

Исключение — глаголы с корнем *ви-*: *витьяся, завитьяся, обвитьяся, привитьяся*, у которых процент вариантов с ударением на основе может достигать 30–40%: *ви́лась* (10% ст. и ср., 20% мл.) и *ви́лась* (90% ст. и ср., 80% мл.), *зави́лась* (0% ст., 30% ср., 40% мл.) и *зави́лась* (100% ст., 70% ср., 60% мл.), *обви́лась* (10% ст., 0% ср., 30% мл.) и *обви́лась* (90% ст., 100% ср., 70% мл.), *приви́лась* (20% ст., ср. и мл.) и *приви́лась* (80% ст., ср. и мл.).

3. Заключение

Таким образом, для большинства невозвратных глаголов, исследованных в эксперименте, характерно формирование акцентного противопоставления единственного и множественного числа: в ж. и ср. р. ед. ч. ударение падает на флексию, во мн. ч. — на основу. В частности, наличие этой тенденции подтверждает полное отсутствие в формах мн. ч. исследованных глаголов смещения ударения на окончание — его нет не только в разговорном узусе носителей русского литературного языка, но и в московском просторечии,

тогда как формы с ударным окончанием в ед. ч. ср. р. широко распространены и постепенно становятся основными акцентными вариантами.

О реальности формирования подобной акцентной оппозиции единственного и множественного числа свидетельствует еще один факт. По данным А. С. Бабаниной, для регионального варианта современного русского языка на Нижнем Поднепровье (Днепропетровская, Запорожская и Херсонская области Украины) характерна следующая особенность: «Сохранение ударения на основе глагола в формах единственного числа женского и среднего рода прошедшего времени: *взял — взѣла, взѣло, дал — дѣла, дѣло, брал — бра́ла, бра́ло, по́нял — по́няла*; переход ударения на глагольную флексию в формах множественного числа: *взял — взяли́, дал — дали́, брал — брали́, по́нял — поняли́*»⁶ [Бабанина 2016: 49]. Иначе говоря, в местном региолекте в формах прошедшего времени сформировалась акцентная система, тождественная русской литературной по основной языковой тенденции (акцентное противопоставление единственного и множественного числа), но противоположная по конечному результату.

В возвратных глаголах в целом прослеживается та же тенденция к противопоставлению единственного и множественного числа: перенос ударения на основу чаще встречается в формах мн. ч., чем в формах ср. р. ед. ч. Отличия в последовательности проявления этой тенденции между невозвратными и возвратными глаголами связаны не собственно с хронологией развития этого процесса (сначала тенденция затронула невозвратные глаголы, а затем — возвратные), а с отличиями в исходном распределении акцентов в соответствующих формах. Исследованные невозвратные глаголы в ср. р. и мн. ч. исконно не имели нафлексивного ударения, поэтому тенденция противопоставления чисел обуславливала перенос акцента с основы на флексию только в ср. р. Возвратные глаголы, напротив, характеризовались нафлексивным ударением, и указанная тенденция проявлялась как сдвиг акцента с флексии на основу, что прежде всего происходило в формах мн. ч., однако затронула также и ср. р.

---

⁶ А. С. Бабанина пишет о «сохранении» наосновного ударения в формах ж. р. ед. ч. Для того чтобы эта формулировка была корректной, в статье необходимо было разъяснить, какую акцентную систему для местного региолекта автор считает исходной.

Асимметричность проявления тенденции к акцентному противопоставлению форм ед. ч. и мн. ч. обусловлена сущностью самой грамматикализации. Процесс перехода языковых единиц из разряда неграмматических в грамматические развивается постепенно: ударение, маркирующее определенные грамматические формы, никогда не распространяется механически и безальтернативно в акцентных парадигмах, но всегда реализуется на конкретных словах, постепенно распространяясь на всё большее количество слов.

Изменениям в акцентуации конкретных глаголов способствует и грамматическая аналогия со стороны глаголов того же класса: так, под влиянием акцентной парадигмы *a*, исконно свойственной глаголам *бить*, *шить* и *брить* в прошедшем времени, такая же неподвижная акцентная парадигма постепенно формируется у глаголов *вить* и *печь*, ранее характеризовавшихся подвижным ударением. Напротив, акцентная парадигма *c*, характеризующая в прошедшем времени ряд глаголов с суффиксом *-а* (*брать*, *звать*, *драть* и др.), обуславливает формирование подвижной акцентной парадигмы и в глаголах *ткать*, *слать*, *стлать*, *красть*, исконно имевших в соответствующих формах колонное ударение на основе.

Убыстрять или замедлять этот процесс могут и другие факторы, например прагматический: чем менее употребительна лексема или ее конкретная форма, тем более вероятно сохранение ударения или его перемещение на основу: корень или глагольный суффикс.

Влияние оказывают также общие акцентологические тенденции русского языка, например тенденция к ритмическому равновесию, которая заключается в смещении ударения к центру слова и особенно наглядно прослеживается в русском литературном языке в сложных словах [Горбачевич 1978: 64–68], а в нашем материале — в глаголах с двусложными приставками, которые способствуют оттягиванию ударения на основу в формах типа *недоу́дила*, *препоу́дала*, *переува́рала*, *переплу́рала*, *воссуоува́лись*, *изорува́лись*, *оторува́лись* и др.

Очевидно, что унификация ударения в описанных глаголах непродуктивных групп — длительный процесс, действие которого избирательно, но направление которого вполне очевидно: во всех формах ед. ч. ударение стремится закрепиться на флексии, а во множественном — на основе.

Необходимо подчеркнуть, что тенденция к акцентному противопоставлению чисел в прошедшем времени соответствующих глаголов характерна только для русской языковой системы. В украинском и бе-

лорусском литературных языках акцентная унификация произошла во всех формах прошедшего времени как производящих, так и производных глаголов: в исконно двухсложных глаголах ударение падает на основу (*брав, бра́ла, бра́ло, бра́ли, бра́вья, бра́лася, бра́лося, бра́лися; забра́в, забра́ла, забра́ло, забра́ли, забра́вья, забра́лася, забра́лося, забра́лися* или *браў, бра́ла, бра́лі, браўся, бра́лася, бра́ліся; забраў, забра́ла, забра́лі, забраўся, забра́лася, забра́ліся*), в исконно односложных — на окончание (*дав, да́ла, да́ло, да́лі, да́вья, да́лася, да́лося, да́ліся; пода́в, пода́ла, пода́ло, пода́ли; пода́вья, пода́лася, пода́лось, пода́ліся* или *даў, да́ла, да́ло, да́лі, даўся, да́лася, да́лося, да́ліся; падаў, пада́ла, пада́ло, пада́лі, падаўся, пада́лася, пада́лось, пада́ліся*) [Жовтобрюх (ред.) 1973; Русак (ред.) 2013].

На сегодняшний день одной из «напряженных» точек современной акцентологии является вопрос о месте ударения в глаголах на *-ить*.

Для глаголов, оканчивающихся на *-ить*, выделяется два основных типа ударения: неподвижное на окончании и подвижное. Наиболее активным процессом для данного класса глаголов является процесс постепенного уменьшения доли конечного ударения. Особенно интенсивной является замена его подвижным [Воронцова 1979: 226].

Обратившись к истории, можно обнаружить, что вопрос о месте ударения в глаголах на *-ить* возник еще несколько столетий назад.

В XVIII в. глаголы на *-ить* с неподвижным ударением на окончании были более распространены, чем глаголы с подвижным ударением, но уже в XIX в. степень употребительности глаголов с тем или иным ударением была различной для каждого из них. Сравните следующие примеры, представленные в таблице (Табл. 1).

Таблица 1

Слово	Сл. Акад. Рос., 1794	Сл. Акад. Рос., 1822	Сл., 1847	БОС 2012
валить	ва и шь	ва и шь	ва́ишь	ва́лит ¹
губить	гу б ишь	гу б ишь	гу́бишь	гу́бит
делить	де л ишь	де л ишь	де́лишь	де́лит <i>и допуст. устар.</i> де л и́т
кружить	кру ж ишь	кру ж ишь	кружишь	кру́жит <i>и кружи́т</i>
манить	ма н ишь	ма н ишь	ма́нишь	ма́нит <i>и допуст. старш.</i> ма н и́т

Некоторые глаголы, отмеченные с ударением на окончании (наконечным) в памятниках XVII в., в литературной традиции уже начиная с конца XVIII в. с таким ударением неизвестны. Например, глаголы *лечить*, *ломить* и производные; производные от *-ложить*, *-пустить* и др. В «Словаре русского языка XVIII века» [Словарь XVIII века 1984] отмечены глаголы, для некоторых форм которых

характерно наличие двух вариантов произношения: *бб́лит* и *бб́лит*, *ва́лит* и *валít*, *ва́рит* и *варít*, *во́пит* и *вопít*, *ду́шит* и *душít*, *ка́тит* и *катít*, *кру́тит* и *крутít* и др.

Также поэтический материал позволяет делать выводы о различной степени употребления глаголов с неподвижным ударением на окончании и с подвижным ударением. Например, для глаголов *гасить*, *губить*, *садить*, *светить*, *становить*, *тушить* окончное ударение было малоупотребительно для литературного языка XIX в. Подобные примеры отмечаются почти исключительно у поэтов XVIII в., например, у И. А. Крылова: *погасít*, *губít*, *садít*, *потуши́шь*. Такие глаголы, как *валить*, *делить*, *катить*, *кружить*, *манить*, *тащить*, *трубить*, *ценить* в поэтической речи XIX века могли употребляться как с неподвижным ударением, так и с подвижным. Об этом свидетельствует частое появление этих слов в разных формах с разным ударением у одного и того же поэта, например у Крылова *закатíтся* и *пока́тит*, *шевелíтся* и *шевёлится*, у Пушкина *заманít* и *замáнит*.

Но были и такие глаголы, которые продолжали употребляться исключительно с окончным ударением, например *варить*, *крутить*, *поить*, *чертить*, *трудиться* [Воронцова 1979: 207–208].

Также на основе поэтических текстов построен раздел фундаментального исследования Н. А. Еськовой о нормах русского литературного языка XVIII–XIX вв. [Еськова 2008]: произносительные и грамматические нормы глаголов на *-ить* представлены в сопоставлении с современными и включены в контексты:

ВАРИТЬ, вари́ю, вари́т

В те дни людского просвещения,
Как нет кикиморов явленья,
Как ты лишь всем чудотворишь:
Девиц и дам магнизируешь,
Из камней золото **вари́шь**...

Г. Р. Державин «На счастье», 1789

Ты пользы, пользы в нем не зришь,
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:

Ты пищу в нем себе **вари́шь**.

А. С. Пушкин «Поэт и толпа», 1828

ДАРИТЬ, дарю́, дарит

Охотно мы **дарим**,
Что нам не надобно самим.
И. А. Крылов «Волк и Лисица», 1816

Мартын Задека стал потом
Любимец Тани... Он отрады
Во всех печалях ей **дарит**
И безотлучно с нею спит.
А. С. Пушкин «Евгений Онегин», 1826

ВЗВАЛИТЬ, взвалю́, взвалит:

Коль на кого судьба оковы
Чугунные **взвалит**, тому везде
Златые правила готовы...
А. П. Бенитцкий «Бык и Овца», 1807

ИЗЪЯВИТЬ, изъявлю́, изъявит:

Когда обильными речами
Потом восторг свой **изъявишь**,
Бесценными побед венцами
Твою супругу удивишь...
Г. Р. Державин «Осень во время осады Очакова», 1788

КУТИТЬ, кучу́, кутит:

Он просто в Царском, пьет напропалую,
Кутит как черт, ведет игру большую.
А. Н. Майков «Машенька», 1845

Знать, ребята, вы **кутите**?
Вот и повар чуть живой...
М. А. Стахович «Праздник, или Горе от пляски», 1855

В «Русской грамматике» А. Х. Востокова [Востоков 1831] как подвижно-ударяемые представлены следующие глаголы: *бесить*, *валить* (с приставками *вз-*, *на-*, *по-*, *пере-*, *раз-*, *с-*), *варить*, *гасить*, *городить*, *делить*, *дразнить*, *клонить*, *крестить*, *крошить*, *рядить*, *ценить*, *чертить*, *явить* и др. Позже Я. К. Гротом круг глаголов, употребляемых с «двоаким» ударением, был значительно расширен и добавлены слова: *белишь*, *божиться*, *валить*, *вопить*, *косить*, *кружить*, *ленишь*, *трудиться*, *шевелить* и др. [Грот 1899].

Таким образом, случаи несовпадения с современным произношением в источниках XVIII–XIX вв. подтверждают, что изменения в ударении глаголов на *-ить* не хаотичны, а определенным образом направлены: в большинстве глаголов происходит переход от неподвижного ударения на окончаниях, к подвижному [Воронцова 1979: 205]. Стоит отметить, что подвижное ударение свойственно лексически ограниченной группе непроемных слов, и в процессе развития литературного языка группа глаголов с подвижным ударением расширяется в результате лексического перераспределения между этой группой и (преимущественно) группой глаголов с конечным ударением [Воронцова 1996: 311–312]. Этот процесс, начавшись в XVIII в., к XXI в. распространился на большое число слов, что свидетельствует о его продуктивности.

В связи с тем что процесс замены неподвижного ударения на подвижное начался для разных слов в разное время и проходил с разной скоростью, перед разработчиками орфоэпических рекомендаций стоит непростая задача квалификации существующих произносительных вариантов, которая не только должна опираться на понимание основных тенденций развития языка, но и быть адекватной их оценке в массовом языковом сознании носителей литературного произношения. Вопрос о выборе тех или иных оснований при принятии решения о нормативном статусе конкретного варианта решается кодификатором — автором словаря, поэтому зачастую в произносительных рекомендациях разных лексикографических источников наблюдается разнობой.

Сравнение кодификационных рекомендаций авторитетных словарей показывает, что между ними достаточно часто наблюдаются серьезные несоответствия. Проведение анализа данных разных современных орфоэпических словарей с точки зрения отражения в них постановки ударения в глаголах на *-ить* подтвердило разнობой в рекомендациях. Для анализа были отобраны следующие словари: «Словарь ударений русского языка» [Резниченко 2007], «Словарь образцового русского ударения» [Штудинер 2008], «Большой орфоэпический словарь русского языка» (БОС) [БОС 2012]. Ниже в таблице (Табл. 2) представлены примеры встречающихся несоответствий.

Преодоление разнობой в произносительных рекомендациях разных орфоэпических словарей возможно лишь при использовании методов социолингвистики и подхода, при котором одним из основных критериев правильности рекомендаций является узус тех людей, уровень образования которых дает возможность считать их говоря-

Таблица 2

«Словарь ударений русского языка» (И. Л. Резниченко, 2007)	«Словарь образцового русского ударения» (М. А. Штудинер, 2008)	БОС 2012
ВДОЛБИ́ТЬ В/А гл вдолблю́ вдолби́шь вдолбят	вдолбить(ся), -блю́, -би́шь, -би́т(ся)	ВДОЛБИ́ТЬ, вдолблю́, вдолби́т <i>и допуст.</i> <i>младш.</i> вдо́лбит
ВИНТИ́ТЬ В/А и С/А гл винчу́ винти́шь и винтишь винтят и винтят	винтить, -нчу́, -нти́шь (во всех знач.)	ВИНТИ́ТЬ ¹ , винчу́, винти́т <i>и допуст. младш.</i> ви́нтит
ВКЛЮЧИ́ТЬ(СЯ) В/А гл включу́(сь) включи́шь(ся) включа́т(ся)	включи́ть(ся), -чу́(сь), -чи́шь(ся) [не включишь(ся)]	ВКЛЮЧИ́ТЬ, включу́, включи́т <i>и допуст.</i> <i>младш.</i> вклучи́т
ДАРИ́ТЬ С/А гл дарю́ да́ришь да́рят	да́ри, дарю́, да́ришь, да́рит(ся)	ДАРИ́ТЬ, дарю́, да́рит <i>и допуст. устар.</i> да́рит
МАНИ́ТЬ С/А гл маню́ ма́нишь ма́нят	манить, маню́, ма́нишь и мани́шь	МАНИ́ТЬ, маню́, ма́нит <i>и допуст. старш.</i> ма́нит
НАСОРИ́ТЬ В/А гл насорю́ насори́шь насорят	насорить(ся), -рю́, -ри́шь, -ри́т(ся) [не насоришь]	НАСОРИ́ТЬ, насорю́, насори́т <i>и допуст.</i> насóрит
ОКРУЖИ́ТЬ В/А гл окружу́ окружи́шь окружа́т	окружить, -жу́, -жи́шь	ОКРУЖИ́ТЬ, окружу́, окружи́т <i>! не рек.</i> окрúжит
РАЗДРАЗНИ́ТЬ С/А гл раздразню́ раздра́нишь раздра́знят	раздразнить, -дразню́, -дра́знишь	РАЗДРАЗНИ́ТЬ, раздразню́, раздра́нит <i>и допуст. младш.</i> раздра́знит

щими на литературном языке. К сожалению, орфоэпические словари не всегда объективно отражают тенденции быстро развивающегося живого языка, а потому многие формы, существующие в речи его носителей, считаются нелитературными, несмотря на то что они являются проявлением акцентологической тенденции, которая действует в языке сегодня и, вероятно, затронет в будущем также другие

глаголы того же класса. Такое сосуществование двух типов норм — узуальных и кодифицированных, то есть функционирующих только в речевой практике образованных людей и рекомендованных словарями, — является не только лингвистической, но и социально-культурной проблемой.

Встречающиеся в орфоэпических словарях разночтения и многочисленные отступления от кодифицированной нормы в узуальном употреблении стали основанием для проведения социолингвистического эксперимента с целью установить основные закономерности постановки ударения в исследуемых формах глаголов на *-ить*.

Для изучения вопроса о выборе места ударения в глаголах на *-ить* было отобрано 100 глаголов, в которых авторитетные словари фиксируют варианты нормы или устанавливают запретительные пометы, что говорит о наличии частотных ошибок в живой речи. Для проведения эксперимента был составлен ряд контекстов, отвечающих определенным требованиям, и сформированы три возрастные группы испытуемых для прочтения ими составленных контекстов. Чтение сопровождалось записью на диктофон для дальнейшего анализа полученных данных. Таким образом, основным материалом для анализа результатов проведенного эксперимента явился набор аудиозаписей, содержащих запись чтения информантами контекстов. Средняя длина одной аудиозаписи равна 15 минутам.

Метод направленного наблюдения над звучащей речью был выбран в качестве основного для проведения эксперимента неслучайно. Несмотря на то что анализ спонтанной речи носителей языка остается самым эффективным способом сбора информации о произношении тех или иных слов, этот прием не всегда дает возможность получить необходимые сведения. В живой речи не так часто встречаются анализируемые глагольные формы, чтобы можно было делать выводы о закономерностях их акцентуации. Также на произношение в естественной речевой ситуации могут влиять различные факторы, которые сложно учесть (темп речи, эмоциональный фон, особенности ситуации общения и др.).

Для достижения наибольшей точности полученных в ходе эксперимента данных следует соблюсти ряд требований при составлении материалов, предназначенных для чтения информантами. Одним из важнейших условий проведения эксперимента является маскировка объекта исследования с целью его сокрытия от испытуемых. Благодаря тому, что информанты не знают, какие из слов являются предметом проверки, их произношение максимально естественно. Личные

формы настоящего (простого будущего времени) всех ста глаголов (за исключением формы 1-го лица ед. числа) были включены в экспериментальные материалы, разработанные с учетом языковых факторов, гипотетически способных влиять на место ударения (освоенность/неосвоенность слова, частотность употребления, выделение фразовым ударением). Составленные контексты представляли собой 25 небольших связных текстов на разные темы. Каждый из текстов — это отдельная история со своим сюжетом и действующими лицами. Такой формат контекстов оправдан: испытуемые при прочтении сосредотачиваются на смысле текста в целом, а не на отдельных лексических единицах. Для дополнительного отвлечения внимания респондентов от избытка глагольных форм были использованы редкие имена собственные (например, Олимпиада Андреевна, Марья Никандровна, Аскольд), разговорные слова и выражения (например, «Тоже мне надобность!», «Бестолочь!», «Ну, как знаешь!»).

Обратимся к примерам контекстов из экспериментальных материалов.

- Федор Никифорович, почему ж ты сад свой не обгородишь?
- Тоже мне надобность! Десять лет без забора жили — и ничего!
- Ну, как знаешь! Вот заселит Марья Никандровна нового жильца, тот поведится яблоки твои таскать, тогда и поймешь. Ленью своей не подкинешь, а облегчишь ему работу. Загрузит себе полную корзину — и был таков! Ни огрызочка не оставит!
- Не твоя забота, Ада Митрофановна, яблоки чужие считать. Шла мимо и иди!

В данном примере встречаются 4 исследуемых глагола на *-ить*: *обгородишь*, *заселит*, *облегчишь*, *загрузит*. Обилие восклицательных предложений, редких имен-обращений (Федор Никифорович, Марья Никандровна, Ада Митрофановна), выражений, характерных для разговорного стиля речи («и ничего», «ну, как знаешь», «и был таков», «не твоя забота», «шла... и иди»), призвано отвлечь внимание испытуемых от большого количества глагольных форм. Форма диалога также выбрана неслучайно: переключая внимание с реплики на реплику, читатель в меньшей степени концентрируется на отдельных словах, пытаясь уловить суть разговора героев.

- 2) Каждый Новый год мы готовим традиционный салат оливье. Пока моя тетя Декабрина Степановна крошит огурцы, а мама варит картошку в мундире и морковь, я режу кубиками колбасу, тайком угощая свою любимицу — кошку Арвену, — пусть уж за-

морит червячка! Атмосфера праздника делает готовку легкой, превращая в веселую игру. Я заранее знаю: салата выйдет так много, что он ни за что не уместится даже в самую большую тарелку!

В этом контексте так же, как и в предыдущем примере, встречаются редкие имена собственные (Декабрина Степановна, Арвена) и разговорное выражение («заморит червячка»). Тип данного текста — повествование. Как правило, в текстах такого типа описывается последовательность действий, событий, именно поэтому для них в принципе характерно обилие глагольных форм. Эта особенность позволяет в ряд глаголов, каких много в данном тексте, включить и исследуемые слова, которые успешно «затеряются». Всего в контексте 11 глаголов, среди которых 4 исследуемые словоформы (*крошит, варит, заморит, уместится*).

При формировании групп информантов необходимо помнить также о социолингвистических факторах. Все испытуемые должны быть носителями норм современного русского литературного языка, а именно быть москвичами минимум во втором поколении и иметь высшее образование (или находиться в процессе его получения). Требование обусловлено тем, что произносительная система, свойственная жителям Москвы, является основой орфоэпической нормы русского литературного языка. Участниками эксперимента стали люди разных профессий и студенты разных факультетов за исключением представителей специальностей и направлений обучения, связанных с лингвистикой. Это связано с тем, что специалисты в области языка могут догадаться о целях проводимого эксперимента, а потому их дикторские ответы нельзя будет считать достоверными. Не менее важным условием для проведения эксперимента является распределение информантов обоих полов по трем возрастным группам, поскольку речь представителей разных поколений может иметь различия. В связи с этим были сформированы три группы испытуемых — «младшая» (до 25 лет), «старшая» (от 56 лет) и «средняя» (от 26 до 55 лет) — по 20 человек в каждой (всего 60 человек). Это позволит проследить динамику анализируемой нормы.

Выборка глаголов для проведения эксперимента проходила с учетом анализа информации, представленной в следующих авторитетных орфоэпических словарях:

ОС 1988 — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы: около 65 500 слов, ред. Р. И. Аванесов. 4-е изд., М.: Русский язык, 1988.

Резниченко 2007 — Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

Штудинер 2008 — Словарь образцового русского ударения. 5-е изд., испр. и доп., М.: Айрис-пресс, 2008.

БОС 2012 — Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века. Норма и ее варианты. Более 80 000 слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.

Как источник, подробно описывающий современное произношение, был использован «Большой орфоэпический словарь русского языка» (БОС) (М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина, 2012). Выбор данного словаря в качестве опорного закономерен. Поскольку одной из задач авторского коллектива стала фиксация реального многообразия орфоэпических вариантов, функционирующих в пределах нормы, и указание наиболее типичных случаев отступления от нормы, в словаре содержится расширенная система помет, характеризующих все возможные варианты произношения. Наличие вариантов произношения для большого количества слов, в том числе и для тех, в которых ранее варианты не были отмечены, позволило выбрать группу глаголов для включения в экспериментальные материалы.

Отдельное внимание при формировании списка глаголов для проведения эксперимента было уделено двум группам слов, имеющих не только орфоэпические, но и грамматические особенности. Чтобы подтвердить или опровергнуть утверждение, что «большинство приставочных глаголов не отличается от бесприставочных в том смысле, что изменение ударения у них идет в том же направлении» [Воронцова 1979: 212], для анализа было выбрано пять бесприставочных глаголов (*винтить*, *городить*, *грузить*, *морить*, *селить*) и их возможные приставочные дериваты (например, для слова *городить*: *загородить*, *обгородить*, *огородить*, *отгородить*, *перегородить*, *разгородить*). Чтобы выяснить, сохраняют ли возвратные глаголы ударение глаголов, от которых они образованы, было выбрано 10 пар невозвратных глаголов и их возвратных дериватов. На этапе выборки возникло предположение, что различий в акцентуации слов не будет. Причинами для этого послужили данные БОСа, где 9 из 10 пар глаголов имеют одинаковые пометы (кроме пары *крошить* и *крошиться*), также о совпадении ударения в возвратных и невозвратных формах писала Н. А. Федянина [Федянина 1982: 189], а В. Л. Воронцова в мо-

нографии «Русское литературное ударение XVIII–XX вв.» анализирует наравне возвратные и невозвратные формы, не проводя между ними границы.

Полученные в результате проведения эксперимента дикторские ответы были прослушаны, зафиксированы и обработаны статистически. Подсчет результатов происходил как в рамках каждой возрастной группы отдельно (в таком случае за 100% взято число испытуемых одной возрастной группы — 20 человек), так и в отношении всех информантов в целом (в этом случае за 100% взято число всех испытуемых — 60 человек). Результаты такого подсчета показали, что отличия в постановке ударения между представителями разных возрастных групп минимальны и касаются исключительно отдельных слов, не являясь общей тенденцией. Отдельно стоит сказать о случаях, когда респондент вместо глагола на *-ить* ошибочно произносил другое слово: такие оговорки при подсчетах не учитывались. Напротив, случаи, когда информантом были произнесены две формы глагола на *-ить* подряд с разными вариантами постановки ударения, учитывались, суммируясь. Отсюда и возникли результаты, которые в сумме отличаются от показателя 100% — либо оказываются ниже него, либо выше.

Анализ результатов проведенного социолингвистического эксперимента показал, что исследуемый участок системы устроен крайне сложно. Выбор большинством респондентов независимо от их возраста в 64 случаях из 100 произносительного варианта с подвижным ударением подтверждает на практике, что больше половины из числа выбранных глаголов на *-ить* уже завершили переход от старой акцентологической нормы к новой. В 21 слове, где частотны колебания в выборе произносительного варианта, процесс перехода еще не завершен. Оставшиеся 15 глаголов на *-ить*, в формах которых респондентами независимо от их возраста чаще употребляется вариант с неподвижным окончательным ударением, в меньшей степени затронуты процессом замены варианта старшей нормы произношения на вариант младшей нормы.

Наибольший интерес для анализа и дальнейших исследований представляет группа слов, в которых частотны колебания в выборе между вариантом с подвижным ударением и вариантом с неподвижным окончательным ударением.

Всего лишь в 2 случаях из 21 среди представителей всех трех возрастных групп приблизительно поровну были употреблены варианты как старшей, так и младшей нормы: *перегородить* и *насорить*.

В оставшихся 19 словах результаты оказались очень противоречивыми. Это проявилось в отсутствии единодушия в выборе варианта ударения среди представителей разных возрастных категорий (в остальных случаях, кроме указанных выше двух, тот или иной вариант выбирался большинством независимо от принадлежности к той или иной возрастной категории).

В 6 случаях из 19 результаты опроса оказались близки между представителями «младшей» и «средней» возрастной группы. В двух случаях большинством выбирается форма старшей нормы (здесь и далее количество опрошенных, выбравших указанный вариант, приводится в скобках в процентах): *разгородить* (75% мл., 70% ср.) и *кутитъ* (90% мл., 70% ср.); в трех — младшей нормы *скрестить* (75% мл., 75% ср.), *винтить* (85% мл., 70% ср.), *развинтить* (70% мл., 75% ср.); в одном результаты среди опрошенных делятся примерно пополам — *загородить*.

В 6 случаях из 19 сближаются результаты респондентов «средней» и «старшей» групп: в двух словах большинство отдало предпочтение форме старшей нормы: *волочиться* (85% ср., 70% ст.) и *разморить* (100% ср., 85% ст.); в двух словах — форме младшей нормы: *обгородить* (65% ср., 95% ст.) и *белить* (80% ср., 90% ст.); в двух словах результаты приблизительно равны: *скрепить*, *уморить*.

В 4 случаях из 19 результаты представителей «младшей» и «старшей» возрастной группы схожи. В 2 случаях выбирается большинством вариант младшей нормы: *сморить* (75% мл., 70% ст.), *окружить* (85% мл., 65% ст.); в одном случае — старшей нормы: *вручить* (75% мл., 90% ст.) и в одном результаты распределились почти поровну между представителями этих возрастных групп: *огородить*.

В оставшихся 3 словах в каждой группе испытуемых результат оказался непохожим: *отгородить* (младшая/старшая норма: 25%/75% мл., 55%/45% ср., 85%/20% ст.), *облегчить* (младшая/старшая норма: 90%/10% мл., 50%/50% ср., 30%/70% ст.), *перенаселить* (младшая/старшая норма: 35%/70% мл., 60%/50% ср., 55%/35% ст.).

Отдельно стоит сказать о результатах, полученных в ходе анализа влияния грамматических особенностей слова на место постановки ударения. Как было сказано выше, в экспериментальные материалы были включены бесприставочные глаголы и их приставочные дериваты с целью проверки предположения о совпадении ударения бесприставочных производящих глаголов и их приставочных вариантов. Результаты эксперимента оказались неоднозначными.

Среди бесприставочных слов *винт́ить*, *груз́ить*, *сел́ить* и однокоренных приставочных глаголов неизменно большинством выбирался вариант младшей нормы: *винт́ит*, *винт́ит*, *взвинт́ят*, *завинт́ит* и др.; *груз́ит*, *догруз́ит*, *загруз́ит*, *недогруз́ит* и др.; *сел́ите*, *всел́ит*, *засел́ит*, *насел́ят* и др. Исключение составил лишь глагол *перенасел́ить*: произношение его формы вызвало много трудностей, поэтому многократно респонденты произносили два разных варианта: *перенасел́ит* и *перенасел́ит* — 68% и 50%. Вероятнее всего, это связано с влиянием общей акцентологической тенденции русского языка к ритмическому равновесию. В сложных словах ударение смещается к центру слова [Горбачевич 1978: 64–68], то же явление прослеживается и в глаголах с двусложными приставками.

В форме бесприставочного глагола *город́ить* большинством был выбран вариант младшей нормы — 75%. Но в приставочных вариантах *обгород́ить*, *перегород́ить* и других глаголах в большинстве случаев прослеживается приблизительно равное употребление как вариантов старшей, так и вариантов младшей нормы: *огород́им* и *огород́им* — 46,5% и 55%; *отгород́ит* и *отгород́ит* — 55% и 46,5%; *перегород́ит* и *перегород́ит* — 40% и 60%, *загород́ит* и *загород́ит* — 61,5% и 38%, *разгород́ят* и *разгород́ят* — 35% и 65%. В случае *обгород́ишь*, как и в бесприставочном варианте, большинством отдается предпочтение варианту младшей нормы — 71,5%.

Среди глаголов *мор́ить* и его приставочных дериватов нет единства в выборе варианта произношения. Большинство выбирается вариант младшей нормы в случаях: *мор́ит*, *измор́ит*, *намор́ит*, *умор́ит* и в случае *смор́ит*; в формах глаголов *перемор́ить* и *размор́ить* чаще был выбран вариант старшей нормы: *перемор́ите* — 85% и *размор́ит* — 76,5%. В употреблении форм глагола *замор́ить* установилось примерно равное соотношение: *замор́ит* и *замор́ит* — 48% и 53%.

Таким образом, нельзя в полной мере согласиться с тем, что в большинстве приставочных глаголов происходят изменения ударения, аналогичные изменениям, происходящим в бесприставочных глаголах.

Другое предположение, высказанное ранее, напротив, нашло подтверждение в ходе проведения эксперимента. Сравнение однокоренных возвратных и невозвратных глаголов показало, что в большинстве случаев возвратные глаголы сохраняют ударение глаголов, от которых они образованы. Единственным исключением из общей тенденции стала словоформа глагола *волоч́иться*: представители «младшей» возрастной группы одинаково часто выбирали как вариант *волоч́ится*, так

и вариант *волоч́ится*. В составленном контексте данное слово было употреблено в значении «ухаживать»: «за каждой юбкой *волочится*». В оставшихся 9 парах из 10 большинством опрошенных независимо от их возраста в возвратных формах выбирался тот же вариант ударения, что и в невозвратных.

Результаты эксперимента среди двух выделенных групп глаголов, имеющих грамматические особенности, подтверждают, что грамматическая аналогия всегда ограничена лексически (закрепляется только за некоторыми словами) и никогда не распространяется механически на весь класс слов.

Итак, анализ звучащей речи образованных людей показывает, что в глаголах на *-ить* с точки зрения постановки ударения возможны следующие ситуации: 1) продолжает быть обязательной старая акцентологическая парадигма с неподвижным ударением (например, *облегчить, разлучить*); 2) стала единственно возможной новая модель ударения (например, *катить, варить*); 3) сосуществуют два варианта нормы — старшая и младшая — с подвижным и неподвижным ударением (например, *перегородить, насорить*). В последнем случае соотношение между вариантами может быть различным — от равноправного до преобладания одного из вариантов, различного у разных слов.

На сегодняшний день вариант с подвижным ударением в глаголах на *-ить*, выбираемый большинством носителей современного русского литературного языка, часто трактуется орфоэпическими словарями как ошибочный, несмотря на то что в полной мере отражает активный процесс перехода слов из одной акцентной парадигмы в другую, начавшийся более двухсот лет назад. Подобный разрыв между речевой практикой и кодификационными рекомендациями требует проведения серьезных массовых социолингвистических исследований звучащей речи и разработки процедур перехода от дескриптивного этапа сбора материала к этапу принятия кодификационного решения.

Как известно, в русском языке есть небольшая группа глаголов, относящихся к непродуктивным классам, которая характеризуется высокой степенью вариативности ударения в формах прошедшего времени. От переходных глаголов этой группы образуются страдательные причастия, которые также отличаются особыми явлениями в области ударения. Рассматриваемые глаголы разделяются на две группы: глаголы с исконно односложной основой (*-бы-*, *-ви-*, *-да-*, *-жи-*, *-кля-*, *-ли-*, *-ни-*, *-плы-*, *-я-* (*-ня-*)) и глаголы, в которых ранее был редуцированный, т. е. исконно двусложные (*-бра-*, *-вра-*, *-гна-*, *-дра-*, *-жда-*, *-жра-*, *-зва-*, *-рва-*, *-сла-*, *-стла-*, *-тка-*). На различное поведение этих глаголов с точки зрения акцентуации указал еще Л. А. Булаховский [Булаховский 1948: 22–24].

Интересно отметить, что в отношении страдательных причастий отличие этих двух групп не ограничивается ударением: от глаголов первой группы причастия в основном образуются с помощью суффикса *-т-* (*завитый*, *проклятый*, *налитый* и т. п.), а от глаголов второй группы — с помощью суффикса *-нн-* (*собранный*, *загнанный*, *отозванный* и т. п.).

Работы, посвященные изучению памятников старорусского языка, свидетельствуют, что уже в XVI–XVII вв. в нечленных формах страдательных причастий в живом русском языке имелись диалектные акцентные различия [Зализняк 2010: 188–198, Колесов 2010: 107–112].

Об акцентологических вариантах полных и кратких страдательных причастий, существующих в современном разговорном узусе носителей русского литературного языка, лингвисты писали не раз, однако эти описания носят обычно констатирующий характер [Шапиро 1948: 101–129; Суханова 1980: 693–702]. Современные орфоэпические словари также фиксируют эту акцентную вариативность, но, во-первых, в различных изданиях нет единообразия кодификации, а во-вторых, зачастую рекомендации расходятся с узусом.

Чтобы определить основные закономерности постановки ударения в полных и кратких формах страдательных причастий, образо-

ванных от вышеперечисленных глаголов и их префиксальных производных, была проведена серия экспериментов: респондентам трех возрастных групп (младшая — до 29 лет, средняя — от 30 до 59 лет, старшая — 60 лет и старше), носителям литературной нормы русского языка, были предложены для чтения тексты, содержащие причастные формы, допускающие в разговорной речи варианты ударения. Были исследованы причастия, образованные от префиксальных производных следующих основ: *бы-, ви-, да-, жи-, кля-, ли-, пи-, -я- (ня-)* (исконно односложные) и *бра-, вра-, зва-, жда-, сла-* (исконно двусложные), а также причастия от глаголов с корнем *пер-* (*запереть, отпереть* и т. п.).

Глаголы с исконно односложной основой

Полная форма страдательных причастий прошедшего времени, краткие формы м. р. и ср. р. ед. ч. и мн. ч.

Глаголы с исконно односложной основой образуют причастия с суффиксом *-т-*: *сбитый, завитый, сжитый, проклятый, залитый, выпитый, поднятый* и т.д. Исключение составляют формы причастий, образованные от глагола *дать*, которые образуются с суффиксом *-нн-*: *отданный, заданный, проданный, розданный*. Тем не менее формы с суффиксом *-т-* от этого глагола существуют: во-первых, словари русского жаргона приводят прилагательные *дátый, поддátый* в значении «выпивший» [Елистратов 2000; Мокиенко, Никитина 2000], и, во-вторых, в диалектах есть причастие *датый* [СРНГ 1972]. По всей видимости, из-за конечного гласного корня *-а-*, сближающего этот глагол с исконно двусложными глаголами, причастия от глагола *дать* по аналогии стали образовываться с суффиксом *-нн-*. В связи с этим целесообразно рассматривать причастия от этого глагола в группе причастий, образованных от исконно двусложных глаголов.

Страдательные причастия от глаголов с корнем *-плы-* практически не употребляются, хотя теоретически возможны. Например, у Н. С. Лескова в романе «Некуда» встречается такое причастие: «*Казалось, что в такую пору ни один смертный не решился бы переплыть обыкновенно спокойное озеро Четырех Кантонов, но оно было переплыто*».

Отдельно современные словари русского литературного языка выделяют небольшую группу прилагательных, образованных от причастий с суффиксом *-т-*, с ударением на окончании: *вито́й, завито́й, развито́й, извито́й* (разг.); *нажито́й, обжито́й; лито́й, влито́й, налито́й; занято́й, понято́й, снято́й; пропито́й, испито́й, спито́й*; а так-

же прилагательные *проклятый*, *заклятый* с накоренным ударением. Однако в русской литературе XIX–XX вв. достаточно примеров, где многие из этих слов функционируют также как причастия. Примеры таких употреблений встречаются у русских поэтов: *Пускай от сердца, полного тоской И желчью тайных тщетных сожалений, Подобно чаше, ядом налитой*, *Следов не остается...* (М. Ю. Лермонтов, 1839); *Пою дремучий огород, Укроп и сельдерей, И завитой бобами вход, И ноготки-плебеи...* (Саша Черный, 1924); *Лес, белым светом залитой* (И. А. Бунин, 1900); *Да чтоб тот внучонок С меня был снятой* (М. И. Цветаева, 1920). Единичные примеры можно найти и в прозе, причем как в литературе XIX в., так и в современной: «капиталец, *нажитой* и сбереженный им» (А. Ф. Писемский, 1861), «*витой* золотыми нитями аксельбант» (С. Г. Бабаян, 1994); «*попяtilась в обжитой* бомжами угол» (А. М. Терехов, 1997).

В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова [ТСРЯ], отражающем нормы литературного языка первой трети XX века, слова *ввитой*, *извитой*, *обвитой*; *нажитой*, *обжитой*; *налитой*, *облитой*, *политой*, *пролитой*; *пропитой* даются как причастия, наряду с формами с безударным окончанием *-ый*. А слова *завитой* и *залитой* автор уже тогда считал прилагательными, несмотря на существование литературных примеров, где они функционируют как причастия.

Позднее А. Б. Шапиро также отмечал, что в полных формах страдательных причастий ударение изредка может падать на окончание, которое «в таких случаях звучит как *-ой* (*прожитой*)» [Шапиро 1948: 101].

Все это свидетельствует о том, что вышеперечисленные слова ранее функционировали как причастия, наряду с формами с безударным окончанием. В дальнейшем эти причастия с ударным окончанием *-ой* прошли процесс адъективизации. В. В. Колесов пишет, что архаическое ударение на флексии закрепляется за прилагательным [Колесов 2010: 111]. Встречающиеся в русской поэзии XIX–XX вв. краткие формы ед. ч. ср. р. и мн. ч. с ударением на окончании, по всей видимости, образованы именно от причастий с ударной флексией: *влиты*, *налиты*, *залиты*, *завиты*, *привиты*, *взяты*, *наняты*, *сняты* и т. д. Приведем некоторые примеры: *Я и забыл: день святочный был то. Зажгли огни; мы с Варенькой сидели; Большое блюдо было налиты...* (А. А. Фет, 1842); *Что огнем сожжено и свинцом залиты — Того разорвать не посмеет никто!* (А. А. Блок, 1906); *Сплетались травы, И медленно пели и млели цветы, Дыханьем отравы Зеленой, осенней светло залиты* (Н. С. Гумилев, 1905); *Нити длинные, свивавшиеся От Ивана Калиты, В тьме столетий*

затерявшиеся Были в узел *завиты́* (В. Я. Брюсов, 1920); ...Бесмысленно казалось чувство то, Чтоб жить преданьями и призывать обратно, Что в свой черед, как должно, *прожито́* (Н. Ф. Щербина, 1848); Все абрисы казались сходны; Лица размеры и черты Как будто с зеркала *сняты́*... (В. А. Жуковский, 1815).

В настоящее время орфоэпические словари такие формы дают с запретительной пометой или вовсе не упоминают об их существовании. Орфоэпический словарь фиксирует от префиксальных производных глаголов *вить*, *лить*, а также глаголов *занять* и *снять* с флективным ударением только формы мн. ч., которые даются с запретительной пометой: *завиты́*, *развиты́*, *залиты́*, *сняты́* и т. д.; форма ср. р. упоминается лишь от глагола *снять*: неправ. *снято́*. БОС формы мн. ч. от некоторых глаголов запрещает: *завиты́*, *развиты́*, *заняты́*; от некоторых не рекомендует: *влиты́*; от некоторых допускает: *извиты́* а иногда такие формы вовсе не упоминаются, например от глаголов *пролить*, *налить*, *полить*. Зато в этом словаре дважды упоминается форма ср. р.: *извито́* с пометой *неправ.* и *влито́* с пометой *не рек.* Словарь И. Л. Резниченко [Резниченко 2015], приводя единичные примеры подобных форм (*разлиты́*, *залито́*), указывает, что такое произношение является отступлением от литературной нормы.

Проведенный эксперимент показал, что в современном узусе краткие формы страдательных причастий ед. ч. ср. р. и мн. ч. с ударением на окончании встречаются крайне редко⁷. В каждой возрастной группе отмечены единичные произнесения таких словоформ: *излиты́* (мл.), *налито́* (ст.), *привиты́* (ср.). Словоформу *завиты́* с ударением на окончании произнесли 10% респондентов в каждой возрастной группе.

Такое произношение может свидетельствовать о том, что ранее в языке существовали параллельно две формы причастий: с ударением на основе и на окончании, и каждая из этих форм образовывала краткие формы, соответственно с ударением на основе или на окончании. Впоследствии причастия с ударным окончанием или были вытеснены формами с ударной основой, или прошли процесс адъективизации. Сохранение произнесения форм кратких причастий ср. р.

⁷ Проведенный эксперимент не дает возможности сделать вывод об употреблении в узусе полных форм страдательных причастий с ударным окончанием *-ой*, т. к. в предложенных для чтения текстах причастия И. п. ед. ч. м. р. писались с окончанием *-ый* и респонденты ориентировались на орфографию. В других формах полных причастий произнесений с ударным окончанием не зафиксировано.

и мн. ч. с ударным окончанием подтверждает существование ранее полной формы причастия с ударным окончанием *-ой*.

В настоящий момент в полной форме страдательных причастий, образованных от рассматриваемых глаголов, а также в краткой форме ед. ч. м. и ср. р. и мн. ч. ударение может падать на приставку или на корень: *до́битый* и *допи́тый*, *до́бит* и *допи́т*, *об́житый* и *обжи́тый*, *об́жит* и *обжи́т* и т. д.

По данным Национального корпуса русского языка, вариативность в постановке ударения в формах причастий с ударением на основе существовала как минимум с XVIII—XIX вв. Приведем некоторые примеры: «*На́лит* кубок: «*Будьте здоровы...*» (П. А. Катенин, 1814) — «*Уж на́лит. Шнуровку отпусти вольнее...*» (А. С. Грибоедов, 1824); «*А другой уже был стар, Помогал ему тот опыт, Что в сраженьях частых до́бит...*» (Н. А. Некрасов, 1840) — «*За что ж прелестницу злословью Ты предаешь, о злобный свет? Добы́т трудом и куплен кровью Венок нелегких ей побед*» (В. Г. Бенедиктов, 1842); «*Прыгнет тень и в травы ляжет, Новый будет ужас на́жит...*» (И. Ф. Анненский, 1880) — «*И живут хоть домком, да на́жит он трудом, А не так... но зачем посянать.*» (К. А. Бахтурин, 1838); «*...Но мне твой ус красноречивый, Возвращенный, за́витый в полях И дымом брани окуренный...*» (П. А. Вяземский, 1814) — «*А она, лахудрица, только знает — пудрится да сует за́витый локон под начальственное око*» (В. В. Маяковский, 1927).

Современные орфоэпические словари также фиксируют варианты произнесения в этих формах.

В причастиях, образованных от глаголов с корнем *-ви-* с различными приставками, ударение в основном зафиксировано на корне: *изви́тый*, *приви́тый*, *уви́тый* и т. д. Только в формах от глагола *развить* в значении ‘углубить содержание чего-л.’ признаются равноправными оба варианта. А при полной форме *зави́тый* даются равноправные варианты произнесения краткой формы: *за́вит* и *зави́т*, хотя *за́витый* не рекомендуется.

Полную форму причастий от глагола *добыть* ОС рекомендует произносить с ударением на корне, произнесение *до́битый* допускается. Для краткой формы рекомендации носят прямо противоположный характер: *до́бит* и допуст. *добы́т*. БОС дополнительно указывает, что *до́битый* устарелое, а *добы́т* младш. Между тем, данные эксперимента говорят о том, что краткая и полная форма причастий имеют одинаковую акцентуацию.

Формы, образованные от глаголов с корнем *-пер-*, рекомендовано произносить с накоренным ударением: *упе́ртый*, *подпе́ртый* и т. п.

Исключение составляют причастия от глаголов *отпереть* и *запереть*, имеющие ударение на приставке: *о́тпертый* и *за́пертый*.

В причастиях от производных глагола *жить* с приставками *до-*, *на-*, *про-* нормативный вариант ударения признается на приставке, а на корне допускается; с приставками *об-*, *от-*, *пере-* рекомендуются оба варианта. В причастии *изж́тый* ударение только на корне.

В причастиях от производных глагола *лить* с приставками *за-*, *на-*, *по-*, *про-* нормативный вариант ударения признается на приставке, а на корне допускается; с приставками *до-*, *об-*, *от-* рекомендуются оба варианта. В формах *перел́тый*, *подл́тый*, *разл́тый*, *изл́тый* ударение только на корне. Причастие *прóклятый* также имеет единственное нормативное произношение.

Причастия с элементом *-я-* (*-ня-*) словари рекомендуют произносить всегда с ударением на приставке, кроме форм *уня́тый* и *разня́тый*.

В формах, образованных от глаголов с корнем *-ни-*, нормативными признаются оба варианта, за исключением причастий *запу́тый*, *испу́тый* и *распу́тый* с исключительно накоренным ударением.

Анализ данных проведенного эксперимента показал четко проявляющуюся тенденцию к переходу ударения с префикса на корень.

Формы полных страдательных причастий и формы кратких страдательных причастий ед. ч. м. и ср. р. и мн. ч., образованных от глаголов с корнями *-бы-* и *-ви-*, 90–100% респондентов произносят с ударением на корне: *добы́тый*, *добы́т*, *зави́тый*, *зави́т*. Исключением являются причастия от глагола *развить* в значении ‘*постепенно совершенствуя, довести до высокого уровня, сделать сильнее, крепче*’, в которых ударение с высокой степенью вероятности падает на приставку: *не по годам ра́звитый мальчик*; *рынок в стране ра́звит*. По всей видимости, здесь мы можем наблюдать лексикализацию формы.

Произнесение форм, образованных от глаголов с корнем *-пер-*, не изменилось. По-прежнему с ударением на приставке произносятся две формы: *о́тпертый* и *за́пертый*. Все остальные причастия с этим корнем имеют накоренное ударение.

В причастиях с корнем *-ни-* ударение в основном падает на корень: *до́пнутый* (0% ст., 10% ср., 20% мл.) и *допу́тый*, (100% ст., 90% ср., 80% мл.), *о́тпнутый* (10% ст. и мл., 0% ср.) и *отпу́тый*, (90% ст. и мл., 100% мл.). Исключением являются причастия с приставкой *про-*, в которых процент произнесений с ударением на приставке доходит до 60%.

У причастий, образованных от глаголов с корнем *-ли-*, у всех возрастных групп четко прослеживается тенденция к увеличению количества произнесений с ударением на корне, причем даже с теми приставками, с которыми ранее такой вариант произношения лишь допускался: *за́литый* (80% ст., 70% ср., 50% мл.) и *за́литый* (20% ст., 30% ср., 50% мл.), *за́лит* (50% ст., 15% ср., 20% мл.) и *за́лит* (50% ст., 85% ср., 80% мл.), *на́литый* (60% ст., 40% ср. и мл.) и *на́литый* (40% ст., 60% ср. и мл.), *на́лит* (20% ст., 50% ср. и мл.) и *на́лит* (80% ст., 50% ср. и мл.), *по́литый* (40% ст., 25% ср., 20% мл.) и *по́литый* (60% ст., 75% ср., 80% мл.), *по́лит* (10% ст., 15% ср., 20% мл.) и *по́лит* (90% ст., 85% ср., 80% мл.). Дальше остальных приставок удерживает ударение приставка *про-*: *про́литый* (60% ст., 75% ср., 80% мл.) и *про́литый* (40% ст., 25% ср., 20% мл.), *про́лит* (80% ст., 40% ср., 60% мл.) и *про́лит* (20% ст., 60% ср., 40% мл.).

В причастиях от производных глагола *жить* с приставкой *об-* ударение в 90% случаев падает на корень. Формы с приставкой *от-* сохраняют ударение на приставке всего в 30% случаев, а с приставкой *пере-* — в 20%. В формах же с приставками *до-*, *на-*, *про-*, вариант с ударением на которых признавался основным, приставки продолжают удерживать позиции: *про́житый* (40% ст., 85% ср., 100% мл.) и *про́житый* (60% ст., 15% ср., 0% мл.), *на́житый* (60% ст., 75% ср., 90% мл.) и *на́житый* (40% ст., 25% ср., 10% мл.), *до́житый* (40% ст., 30% ср., 60% мл.) и *до́житый* (60% ст., 70% ср., 40% мл.), *до́жит* (50% ст. и ср., 80% мл.) и *до́жит* (50% ст. и ср., 20% мл.), причем процент с ударением на приставке, как видно, у младшей группы значительно выше, чем у старшей и средней.

Причастия с элементом *-я-* (*-ня-*) в речи литературно говорящих респондентов сохраняют ударение на приставке. Исключение составляет форма с приставкой *пере-*: *пе́ренятый* (40% ст. и ср., 70% мл.) и *пере́нятый* (60% ст. и ср., 30% мл.).

Итак, итоги эксперимента дают возможность констатировать, во-первых, полную утрату всех форм причастий с ударным окончанием *-ой*. В орфоэпических словарях больше практически нет необходимости давать запретительные пометы для форм ед. ч. ср. р. и мн. ч. с ударением на окончании, типа: *зави́тый*, *изви́тоб*. Во-вторых, из оставшихся вариантов места ударения (префикс или корень) корень получает все большее распространение как в полных формах причастий, так и в кратких формах м. р. и ср. р. ед. ч. и мн. ч., хотя акцентогенные приставки продолжают удерживать ударение.

Формы кратких страдательных причастий ж. р. ед. ч.

В поэзии XVIII–XIX вв. краткие причастия в форме ж. р. ед. ч., образованные от глаголов первой группы, в основном употребляются с ударением на окончании: *Я дважды чрез тебя лишилася покою: Тобой наш пал престол, тобой, жестокий, я **Взята́** в пленение из славы своея.* (А. П. Сумароков, 1768); *О путник, ты дочь его зришь пред собою: Во гробе лижет мой несчастный отец: Он встретил страданьям желанный конец, И смерти рука **поднята́** надо мною!* (А. А. Крылов, 1821); *Время пролетело, Слава **прожита́**, Вече онемело, Сила **отнята́**.* (Э. И. Губер, 1841); *И рукава вот порваны, И рожка не чиста, И силы понаторваны, И совесть **пропята́**...* (И. С. Никитин, 1861); *Когда от уз Москва и плена спасена, Так мне сестра моя с ней вместе **отдана́!*** (М. М. Херасков); *Смотри, как роща зеленеет, Палящим солнцем **облита́**, А в ней — какою негой веет От каждой ветки и листа!* (Ф. И. Тютчев, 1857)

В XIX–XX вв. начинают появляться редкие примеры с ударением на корне: *Вся **облита́** блеском злата, Мыслью вся озарена, Ты счастлива, ты богата, Ты роскошна, ты сильна* (А. С. Хомяков, 1836); *Жарко сватана, В жены не **взята́**, — Я дорога твоя Невозвратна* (М. И. Цветаева, 1922).

Орфоэпические словари формы кратких страдательных причастий ж. р. рекомендуют произносить с ударением на окончании. Ударения на приставке и на корне имеют различную степень допустимости или запрета. Так, в глаголах с корнями *-я-* (*-ня-*), *-ли-*, *-жи-*, *-кля-* произнесение с другим местом ударения не рекомендуется или признается неправильным: *поята́*, не рек. *пóнята*, грубо неправ. *пoнъята*; *полита́*, не рек. *пóлита*, *полита́*; *прожита́*, не рек. *прóжита*, *прожита́*; *проклята́*, не рек. *прóклята*, неправ. *прокля́та*. В формах с корнем *-ви-* произнесение с ударением не на окончании не рекомендуется только с приставкой *за-*: *завита́*, не рек. *зáвита*, *завита́*. В формах женского рода со всеми остальными приставками ударение на корне допускается: *привита́* и доп. *привита́*, *свита́* и доп. *свита́*, *перевита́* и доп. *перевита́*, *увита́* и доп. *увита́*, *извита́* и доп. *извита́*. Формы от глаголов с корнем *-ни-* с ударением на окончании и на корне признаются равноправными, а с произнесением на приставке не рекомендуются: *отпята́* и *отпята́*, не рек. *oтпята* и т. д.

В глаголах *запереть* и *отпереть* нормативным признано флексивное ударение, а ударение на префиксе дается как неправильное: *заперта́*, неправ. *зáперта*; *отперта́*, неправ. *oтперта*; ударение на корне в этих формах не упоминается. В глаголах *упереть* и *подпереть*

нормативным признано накоренное ударение, а флективное не рекомендовано: *упёрта*, не рек. *упертá*; *поднёрта*, не рек. *подпертá*.

Проведенный эксперимент выявил тенденцию перехода ударения в формах кратких страдательных причастий ж. р. ед. ч. от рассмотренных глаголов с флексии на префикс или корень.

Так, в формах причастий ед. ч. ж. р., образованных от префиксальных образований глагола *путь*, ударение падает в основном на корень; с ударением на окончание, как и на приставку, приходится 10–20% произнесений. Исключением является приставка *про-*, на которую приходится 60% ударных произнесений у представителей всех возрастных групп.

В формах от глаголов с корнем *-ви-* 70–100% произнесений зафиксировано с ударением на корне. Только в форме от глагола *развить* в значении ‘*сделать более зрелым*’ в младшей группе ударение на окончании доходит до 50%, однако случаев произнесения с ударением на корне этой формы нет вообще: варианты распределились между ударением на приставке и на окончании. Ударение на корне в форме ж. р. от глагола *развить* со значением ‘*распутать*’ — *разви́та* — связано с омонимичным отталкиванием.

В причастиях от префиксальных образований глагола *жить* место ударения во многом зависит от приставки. Максимальный процент произнесений с флективным ударением, рекомендованным орфоэпическими словарями, обнаруживается у представителей младшей группы в формах с приставками *из-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *с-*: *изжитá* (20% ст., 40% ср., 60% мл.), *обжитá* (50% ст., 70% ср. и мл.), *отжитá* (20% ст., 25% ср., 40% мл.), *перезжитá* (30% ст., 50% ср. и мл.), *сжитá* (40% ст., 50% ср., 60% мл.).

Процент произнесений с ударением на приставку в формах с этим корнем практически не зависит от возраста респондентов и обуславливается только определенными приставками. Максимальный процент ударного произношения приходится на приставки *до-*, *на-* и *про-*: *до́жита* (50% ст. и ср., 70% мл.), *на́жита* (80% ст. и мл., 85% ср.), *про́жита* (60% ст., 75% ср., 80% мл.). На приставках *пере-* и *от-* сделали ударение 15–30% респондентов, а произнесений с ударными приставками *из-* и *об-* не зафиксировано вообще.

Количество ударений на корне обратно пропорционально количеству ударений на приставке: в формах с акцентогенными приставками *до-*, *на-* и *про-* минимальный процент произнесений с ударением на корне, а в формах с остальными приставками максимальный. Однако во всех случаях, с любыми приставками, процент произнесе-

ний с накоренным ударением последовательно уменьшается от старшей группы к младшей: *дожѹта* (30% ст., 25% ср., 10% мл.), *изжѹта* (80% ст., 60% ср., 40% мл.), *нажѹта* (20% ст., 15% ср., 10% мл.), *обжѹта* (50% ст., 30% ср. и мл.), *отжѹта* (50% ст., 60% ср., 30% мл.), *пережѹта* (60% ст., 50% ср., 30% мл.), *прожѹта* (20% ст., 10% ср., 0% мл.).

В причастиях с корнем *-ли-* максимальное количество произнесений с ударением на окончании обнаруживается в формах с приставками, не образующими слога *в-* и *с-*, причем процент таких произнесений резко повышается у представителей младшей группы: *влитá* (40% ст. и ср., 80% мл.) и *слитá* (30% ст., 25% ср., 70% мл.). Минимальное количество случаев с ударным окончанием отмечается в формах с приставкой *про-*: *пролитá* (0% ст. и ср., 10% мл.). Формы с приставками *до-*, *из-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *раз-* имеют ударение на окончании в 10–20% случаев, а с приставками *за-* и *на-* — в 30–40%.

В причастиях с этим корнем приставка *про-* по-прежнему самая акцентогенная (50% ст., 60% ср. и мл.). Приставки *до-*, *за-*, *на-*, *по-* бывают ударными в 10–40% случаев, случаи префиксального ударения с остальными приставками не превышают 10%. Зато именно с этими приставками очень высокий процент произнесений с накоренным ударением: *излѹта* и *облѹта* (90% ст. и ср., 80% мл.), *отлѹта* (100% ст., 90% ср. и мл.), *перелѹта* (80% ст., 85% ср., 90% мл.), *подлѹта* (100% ст., 90% ср., 70% мл.), *полѹта* (90% ст. и ср., 50% мл.). В формах с остальными приставками случаи произнесения с ударением на корне колеблются от 30% до 70%.

Причастие от глагола *проклясть* с ударением на окончании не произнес никто; 100% респондентов из всех возрастных групп поставили ударение на префикс: *про́клята*.

В причастиях, образованных от префиксальных глаголов со связанным корнем *-я-* (*-ня-*), рекомендованное орфоэпическими словарями ударное окончание сохраняется в трех словоформах: *занятá* (80% ст., 75% ср., 90% мл.), *снятá* (60% ст., 90% ср., 70% мл.), *взятá* (70% ст. и ср., 50% мл.). В первой словоформе такое произнесение связано, по всей видимости, с традицией, одобряемой образованным сообществом, а во второй и третьей — с приставкой, не содержащей слога. В словоформах с приставками *раз-*, *при-* и *у-* ударное окончание сохраняется у представителей младшего поколения: *разнятá* (30% ст., 25% ср., 60% мл.), *принятá* (10% ст., 30% ср., 60% мл.) и *унятá* (20% ст., 15% ср., 50% мл.). С остальными приставками произнесение с флективным ударением, как правило, не превышает 10–30%.

В словоформах с приставками *на-*, *при-*, *по-*, *под-*, в которых не встречается ударение на корне, велик процент префиксальных ударений: *на́нята* (90% ст., 75% ср., 70% мл.), *при́нята* (90% ст., 70% ср., 40% мл.), *по́нята* (80% ст., 90% ср. и мл.), *под́нята* (80% ст., 65% ср., 60% мл.). В словоформах с приставками *об-*, *от-*, *пере-*, которые допускают ударение на корне, процент ударений на префиксе ниже: *о́бнята* (40% ст., 60% ср., 30% мл.), *о́тнята* (60% ст., 65% ср., 70% мл.), *пе́рнята* (30% ст., 25% ср., 50% мл.).

Следует отметить, что в младшей возрастной группе, как правило, процент произнесений с ударением на корне (*-ня-*) ниже, чем в старшей: *обня́та* (60% ст., 25% ср., 30% мл.), *отня́та* (30% ст., 10% ср., 30% мл.), *переня́та* (40% ст., 50% ср., 30% мл.), *разня́та* (60% ст., 75% ср., 30% мл.), *сня́та* (40% ст., 10% ср., 30% мл.), *уня́та* (80% ст., 85% ср., 40% мл.).

Формы от глаголов *запереть* и *отпереть* большинство респондентов произносят с ударением на окончании: *заперта́* (40% ст., 70% ср., 80% мл.) и *отперта́* (50% ст., 80% ср., 60% мл.), однако также отмечается и ударение на приставке: *за́перта* (60% ст., 30% ср., 20% мл.) и *о́тперта* (30% ст., 10% ср., 30% мл.). Произнесений с накоренным ударением в словоформе от глагола *запереть* не зафиксировано, а от глагола *отпереть* отмечается небольшой процент таких произнесений во всех возрастных группах: *отпёрта* (20% ст., 10% ср. и мл.).

Если в форме причастия ж. р. от глагола *упереть* наблюдается небольшой процент произнесений с флексивным ударением: *упертá* 10% ст. и мл., то процент произнесений словоформы *подперта́* с таким ударением значительно выше: 30% ст., 15% ср., 70% мл.

Словоформу *добыта* респонденты всех возрастных групп произносят с ударением на корне в соответствии с рекомендациями орфоэпических словарей.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что в современном узусе есть тенденция перехода ударения в формах кратких страдательных причастий ж. р. ед. ч., как и в формах ср. р. ед. ч. и мн. ч., от рассмотренных глаголов с флексии на префикс или корень, причем место ударения зачастую зависит от приставки: префиксы *про-*, *на-*, *до-* чаще других приставок оказываются под ударением, а *от-*, *из-*, *об-* — реже других. Следует отметить, что при общей тенденции перехода ударения на основу, свойственной всем возрастным группам, в отдельных глаголах флексивное окончание сохраняется у представителей молодого поколения чаще, чем у более старшего.

Глаголы с исконно двусложной основой

Полная форма страдательных причастий прошедшего времени,
краткие формы ед. ч. м. р. и ср. р. и мн. ч.

Известно, что в XVIII–XIX вв. страдательные причастия от глаголов с исконно двусложной основой *бра-*, *зва-*, *сла-* и др., а также от глагола с исконно односложной основой *да-* согласно норме литературного языка того времени произносились с ударением на корне: *забрáнный*, *собрáнный*, *назвáнный*, *призвáнный*, *послáнный*, *издáнный* и т. д. [Еськова 2008]. В современном русском литературном языке полная форма этих причастий, а также краткие формы ед. ч. м. и ср. р. и мн. ч. имеют нормативное ударение исключительно на префиксе и вариантов в произносительном узусе не имеют: *зábранный*, *зábран*, *зábрано*, *зábраны*; *прízванный*, *ízданный* и т. д.

Отдельно следует сказать о причастиях с приставками *пере-* от этой группы глаголов. Орфоэпические словари указывают единственно возможное ударение для полной формы, а также для кратких форм ед. ч. м. и ср. р. и мн. ч. на втором слоге приставки: *перéвранный*, *перéвран*, *перéврано*, *перéвраны*; *перéгну́нный*, *перéжда́нный*, *перéсла́нный* и т. д. Данные проведенного эксперимента говорят о том, что ударение в этой приставке переходит на первый слог, достигая у представителей младшего поколения максимума: *пéревранный* (40% ст., 65 ср., 100% мл.) и *пéревраннйй* (40% ст., 25 ср., 0% мл.); *пéрежда́нный* (40% ст., 40 ср., 90% мл.) и *пéрежда́нный* (20% ст., 25 ср., 0% мл.), *пéресла́нный* (60% ст. и ср., 90% мл.) и *пéресла́нный* (30% ст., 20 ср., 10% мл.). Интересно отметить, что только в словах с этой приставкой сохраняется устаревшее произнесение с ударением на корне: *переврáнный* (20% ст., 10 ср., 0% мл.), *пережда́нный* (40% ст., 35 ср., 10% мл.), *пересла́нный* (10% ст., 20 ср., 0% мл.).

Формы кратких страдательных причастий ж. р. ед. ч.

Формы кратких причастий ж. р. ед. ч., образованные от этих основ, в XVIII–XIX вв. произносились с ударением на окончании: *Искусной рукою Коса убранá*, *И ножка собою Прельщать созданá* (А. С. Пушкин, 1815); *Так, древле, жрица Аполлона, Доколе им не призванá*, *У мрачных капищ Геликона Нема, спокойна, холодна* (А. Н. Майков, 1842); *...в моем Головка та ничем не изгнанá...* (М. Ю. Лермонтов, 1830).

Современные орфоэпические словари рекомендуют произносить подобные формы с ударением на приставке: *прígнана*, *зáдрана*,

сб́жрана, об́лгана, изб́рвана, от́слана, по́слана, со́ткана. Исключением являются глаголы *звать* и *брать*, в которых ударение на окончании в формах ж. р. еще допускается как устаревшее: *от́звана* и доп. устар. *отозва́на*; *со́брана* и доп. устар. *собра́на*.

Причастия от префиксальных производных глагола *дать* по-прежнему рекомендуется произносить с ударением на флексии, префиксальное ударение со всеми приставками признается допустимым: *созда́на* и допуст. *созда́на, разда́на* и допуст. *ро́здана, прида́на* и допуст. *прида́на* и т. д.

Данные эксперимента говорят о том, что формы кратких причастий ж. р. с корнями *-бра-* и *-зва-* произносятся с ударением на окончании не более 10% респондентов, причем не обязательно старшей возрастной группы.

В причастиях с корнем *-да-* ударение в 90–100% падает на приставку: *за́дана, из́дана, пре́дана, про́дана.* В словоформах с приставками *по-*, *роз-*, *с-* процент произнесений с префиксальным ударением немного ниже: *по́дана* (90% ст., 75% ср., 80% мл.), *ро́здана* (90% ст. и ср., 80% мл.), *со́здана* (70% ст., 75% ср., 80% мл.). В формах с приставками *до-*, *от-* и *при-* произнесение с ударным окончанием сохраняется дольше и доходит до 50%: *дода́на* (10% ст., 25% ср., 50% мл.), *отда́на* (20% ст., 30% ср., 50% мл.), *прида́на* (20% ст., 50% ср. и мл.).

С приставкой *пере-* для форм ж. р. рекомендуется произнесение с ударением на втором слоге приставки: *пере́врана, пере́слана*; для формы от глагола *перебрать* указывается в качестве допустимого устарелого варианта произношение с ударением на окончании: *перебра́на*. Причастие от глагола *передать* рекомендуется произносить с ударением на окончании: *переда́на* и допускается произнесение *пéредана*.

Эксперимент показал, что формы кратких причастий ж. р. в основном произносятся с ударением на первом слоге приставки *пере-*: *пéребрана* (70% ст., 65% ср., 100% мл.), *пéреврана* (40% ст., 60% ср., 70% мл.). Незначительный процент респондентов произносит эти формы с ударением на втором слоге приставки и с устаревшим ударением на окончании: *перебра́на* (20% ст., 10% ср., 0% мл.) и *перебра́на* (10% ст., 20% ср., 0% мл.); *пере́врана* (0%) и *перевра́на* (10% ст., 25% ср., 30% мл.). Форму от глагола *передать* все респонденты произнесли с ударением на первом слоге приставки: *пéредана*.

Итак, подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что страдательные причастия прошедшего времени, образованные от двух групп глаголов, имеют противоположные акцентологические тенденции: формы ед. ч. м. и ср. р. и мн. ч. от некогда односложных глаголов

стремятся к переносу ударения с префикса на корень, в то время как в аналогичных формах от некогда двусложных глаголов ударение перешло с корня на префикс. В формах кратких причастий женского рода в обеих группах ударение стремится перейти с окончания: в первой группе на приставку или корень, а во второй — исключительно на приставку. Таким образом, если ранее у причастий, образованных от глаголов с особенностями в ударении, аналогично именам прилагательным [Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 9–28], наблюдалась тенденция к актуализации родового противопоставления в формах ед. ч., то на данный момент развития языка в этих формах действует прямо противоположная тенденция выравнивания акцентной парадигмы, что сближает их с причастиями, образованными от глаголов с регулярными акцентными типами.

*М. Л. Каленчук
Д. М. Савинов
Е. С. Скачедубова*

2.5. АКЦЕНТУАЦИИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

1. Известно, что акцентологические нормы современного русского литературного языка отличаются высокой степенью вариативности. Одним из наиболее лабильных участков системы является акцентология кратких прилагательных и простого компаратива. Дефицит массовых и корректно выполненных обследований закономерностей постановки ударения в указанных грамматических формах, противоречивость рекомендаций в различных словарях, отсутствие современных теоретических интерпретаций фактического материала — все это делает необходимым дальнейшее изучение вопроса об акцентных парадигмах имен прилагательных.

Традиционно авторы орфоэпических словарей и пособий стремились закрепить как нормативный один из сосуществующих произносительных вариантов. Подобный подход реализуется в словаре-справочнике «Русское литературное ударение и произношение», вышедшем в 1955 г. под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, а также в некоторых значительно более новых словарях, например в словаре М. В. Зарвы «Русское словесное ударение» 2001 г.

Иначе данная проблема решается в «Орфоэпическом словаре русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова, первое издание которого вышло в 1983 г. В этом источнике разработана система нормативных помет: существующие варианты могут признаваться равноправными или снабжаться пометами «допустимо», «допустимо устаревшее» и др. В результате орфоэпические правила становятся менее жесткими, допуская в ряде случаев вариативное произношение. Однако зачастую авторы этого словаря рекомендуют как основные не те варианты, которые распространены в речи литературно говорящей образованной части общества, а варианты, употребляемые носителями так называемого элитарного типа речевой культуры (идею противопоставления литературного, иначе среднелитературного, и элитарного типов речевой культуры развивают, в частности, О. Б. Сирогинина и И. А. Стернин). Подобный подход частично реализуется и в некоторых других словарях, например в «Словаре ударе-

ний русского языка» И. Л. Резниченко и в «Словаре трудностей русского языка для работников СМИ» М. А. Штудинера: «это делается для того, чтобы словарь способствовал сохранению еще живых традиционных образцов русского ударения, представленных в настоящее время в речи еще довольно большого числа культурных людей» [Штудинер 2016: 6].

Каковы основания для принятия кодификаторами решения о месте ударения в конкретном слове или словоформе? Как представляется, можно выделить четыре основных фактора, которыми обычно руководствуются авторы словарей для придания нормативного статуса какому-либо произносительному варианту: 1) соответствие культурно-исторической традиции; 2) общественное одобрение и признание образованной частью общества варианта нормативным; 3) соответствие внутреннему языковому закону или тенденции; 4) распространенность варианта в речи образованных людей [Каленчук 2016].

Большинство авторов словарей используют при кодификации первые два критерия. Однако, по нашему мнению, существуют только два основных фактора, которые необходимо принимать во внимание, кодифицируя нормы произношения: распространенность варианта в речи образованных людей и соответствие внутреннему языковому закону или тенденции. Второй критерий предполагает выход за рамки чисто синхронного описания произносительной системы. Именно поэтому в монографии предлагается новый подход к описанию и анализу акцентологических явлений, позволяющий взглянуть на синхронные данные о месте ударения в прилагательных под диахроническим углом зрения. Создание представительного корпуса экспериментальных данных, полученных с помощью социолингвистических методов, позволит не просто зафиксировать современную норму, но и даст возможность исследовать результаты проведенных экспериментов с диахронической точки зрения, что необходимо для определения основных тенденций развития акцентуации прилагательных и, в конечном итоге, будет способствовать выработке новых кодификационных рекомендаций.

2. Как известно, в русском языке полные формы прилагательных имеют только неподвижное ударение. Подвижное ударение, а соответственно, и акцентологическая вариативность свойственны только кратким прилагательным и простому компаративу. Для того чтобы выяснить реальные закономерности этой вариативности, а также

для уточнения акцентологических кодификационных рекомендаций были проведены несколько серий экспериментов, в которых исследовалось место ударения в односложных прилагательных, которые имеют акцентные варианты в кратких формах ж. и ср. родов ед. ч., во мн. ч., а также в форме простого компаратива.

В первой серии экспериментов приняли участие 106 информантов, москвичей во втором-третьем поколении, носителей нормативного произношения, которые читали специально составленные тексты. В контексты достаточно большой протяженности были включены 219 словоформ 55 односложных прилагательных, потенциально допускающих орфоэпические варианты в одной или нескольких словоформах: в кратких формах ж. и ср. р. ед. ч., в краткой форме мн.ч., а также в сравнительной степени. Некоторые словоформы были предложены для прочтения несколько раз в разных экспериментах с варьированием орфоэпических условий, например с учетом различной сочетаемости во фразе с другими прилагательными, разных значений многозначных слов и т. д. В общей сложности получено 5850 дикторских ответов. Информанты обоих полов в разных экспериментах были разделены либо на три возрастные группы: старшую — 60 лет и старше, среднюю — 30–59 лет и младшую — 16–29 лет, либо на две возрастные группы: старшую — 46–80 лет и младшую — 18–45 лет. Исследование полученного материала проводилось методом слухового анализа — аудитивно. Другим источником информации о месте ударения в кратких прилагательных и компаративе является Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) (далее НКРЯ); в первую очередь использовался его поэтический подкорпус.

Проведенное исследование показало очень высокую вариативность места ударения в рассматриваемых грамматических формах.

3. *Формы женского рода ед. ч. кратких прилагательных*

Как известно, в древнерусском языке у нечленных форм прилагательных существовало три акцентных парадигмы: *a* (неподвижное ударение на основе), *b* (неподвижное ударение на окончании) и *c* (подвижное ударение). Развитие морфологической системы имени в русском языке связано с грамматической категорией рода, что доказала в своих работах М. В. Шульга [2003]. С категорией рода оказывается связанным и развитие акцентной системы кратких форм прилагательных. Если сравнивать древнерусские и старорусские данные, представленные в работах В. А. Дыбо [1981], А. А. Зализняка

[2010] и В. В. Колесова [2010], с материалами, полученными в ходе эксперимента, то можно увидеть, что основные отличия заключаются в следующем: в современной системе практически все исследованные краткие прилагательные в форме ж. р. могут иметь ударение на флексии.

А. А. Зализняк связал колебания в месте ударения кратких прилагательных ж. р. с прагматическим фактором: освоенностью/неосвоенностью слова [Зализняк 2010 т. I: 25]. Как показал анализ, почти все употребительные прилагательные обычно имеют нафлексивное ударение независимо от исходной парадигмы. У некоторых слов такой вариант является единственным, у большинства сосуществует ударение на основе и ударение на флексии. При этом невозможно предсказать место ударения в конкретных словоформах.

Все прилагательные можно разделить на четыре группы¹. Первая группа: в форме ж. р. у представителей младшей возрастной группы процент произнесений с ударением на флексии увеличивается: *лестна́* (20% ст., 30% ср., 40% мл.), *страстна́* (60% ст., 60% ср., 90% мл.), *шумна́* (80% ст., 80% ср., 100% мл.), *серá* (45% ст., 80% ср., 80% мл.). Во второй группе этот процент уменьшается: *бурна́* (100% ст., 80% ср., 50% мл.), *знатна́* (80% ст., 80% ср., 60% мл.), *дымна́* (80% ст., 70% ср., 40% мл.), в третьей группе сохраняется неизменным независимо от возраста респондента: *буйна́* (50% ст., 50% ср., 60% мл.), *лютá* (60% ст., 70% ср., 60% мл.), *мрачна́* (100% ст., 90% ср., 90% мл.), в четвертой группе процент произнесений с тем или иным ударением меняется волнообразно: *бойка́* (70% ст., 90% ср., 60% мл.), *дробна́* (70% ст., 30% ср., 50% мл.), *дюжа́* (10% ст., 30% ср., 10% мл.), *свята́* (10% ст., 40% ср., 20% мл.).

Практически всегда ударение на окончании имеют словоформы *тиха́*, *быстра́*, *пестра́*, *остра́*, *смугла́*, *нежна́*, *черна́*, *бела́*, *желта́*. Большинство этих слов исконно относилось к парадигме *b*.

Ударение на основе как практически единственно возможное в этой форме зафиксировано только у малоупотребительных прилагательных: *áла*, *ни́ща*, *ру́са*, *си́ра*, *це́льна*, *я́ра*. Например, акцентная парадигма *a* для кратких форм прилагательного *нищий* не только реконструируется по древнерусским и старорусским памятникам, но и устойчиво сохраняется в XVIII–XIX вв., о чем свидетельствуют дан-

¹ Данные по результатам экспериментов приводятся отдельно по хронологическим вариантам нормы: «ст.» — старшая, «ср.» — средняя и «мл.» — младшая.

ные Национального корпуса русского языка. Проведенный эксперимент показал, что форма *ни́ща* с наосновным ударением характерна для речи 90% респондентов старшей и средней возрастных групп и 80% младшей группы. «Орфоэпический словарь русского языка» кодифицирует вариант *нищá* как основной [ОС 1999: 303], отказывая варианту с ударением на основе в нормативном статусе, что некорректно как с точки зрения синхронии, так и с точки зрения диахронии.

Существует мнение, что колебания «типа вла́сна // властна́ отражают переходное состояние с точки зрения освоенности слова» [Зализняк 2010 т. I: 25]. Однако с этим нельзя согласиться. Например, прилагательные *бойкий, буйный, властный, людной, мирный, святой* и многие другие, в которых наблюдается значительная акцентная вариативность в различных возрастных группах, относятся к исконной лексике и характеризуются высокой степенью освоенности, причем на протяжении достаточно длительного времени. Скорее здесь можно говорить о частотности употребления, причем не столько слова, лексемы, сколько о частотности употребления конкретной формы, в данном случае — краткой формы женского рода².

Вариант произнесения краткого прилагательного в женском роде с ударением на основе или на окончании может быть обусловлен фразовым контекстом. Эксперимент позволил выявить следующую закономерность: при постановке рядом двух прилагательных, у одного из которых есть потенциальная возможность ударения на окончании, а у другого безальтернативное нафлексивное ударение, выявляется тенденция к увеличению процента произнесений с флексивным ударением у прилагательного, допускающего акцентные варианты. Например, вариант *лестна́* в изолированной позиции вообще не отмечен у респондентов старшей и средней возрастных групп, в младшей возрастной группе так произнесли только 20%. Однако в сочетании *лестна и дорога* количество произнесений *лестна́* возрастает до 20% у респондентов старшей группы, 30% средней и 40% младшей. Таким образом, слово *дорога́*, не имеющее акцентных вариантов, провоцирует сдвиг на окончание у слова *лестна* даже в том случае, если находится в постпозиции по отношению к последнему слову.

---

² Интересно проверить это наблюдение на другом орфоэпическом материале, причем не обязательно связанном с местом ударения. Возможно, и в других ситуациях в качестве фактора влияния на выбор варианта произношения выступает не частотность слова (как это обычно описывается), а частотность конкретной словоформы.

Эту закономерность подтверждают и другие примеры. Так, форма *тиха* всегда имеет ударение на окончании. Слово *мирна* в изолированной позиции имеет вариативное произношение: *ми́рна* и *мирна́*. При сочетании этих форм количество произнесений *мирна́* увеличивается на 20% в средней и младшей возрастных группах и на 40% в старшей.

Однако описываемую закономерность нельзя рассматривать как тенденцию к выравниванию ударения в конструкциях с грамматическим параллелизмом. Прилагательное с неподвижным наосновным ударением не увеличивает количества произнесений с ударением на основу у соседнего прилагательного, допускающего акцентные варианты. Напротив, оно провоцирует увеличение процента произнесений с ударением на окончании. По всей видимости, даже слово, которое в краткой форме ж. р. употребляется редко и потому имеет большой процент произнесений с ударением на основе в изолированной позиции, при наличии второго прилагательного в такой же форме стремится к переносу ударения на окончание, что характерно для частотных форм типа *тиха́* или *нежна́*.

Например, в сочетании *мирна* и *покойна*, вариант *мирна́* предпочли 50% представителей старшей и средней возрастных групп и 60% младшей. В то время как с ударением на окончании словоформу *мирна́* в изолированной позиции произнесли всего 10% представителей старшей группы, 30% средней и 50% младшей. Приведем еще один пример: в сочетании *прекрасна* и *свята* вариант *свята́* предпочли 40% представителей старшей группы, 80% средней и 50% младшей. В то время как без второго прилагательного такой вариант произнесли соответственно 10%, 40% и 20%.

4. Формы среднего рода ед. ч. кратких прилагательных

подавляющее большинство кратких прилагательных в форме ср. р. имеют ударение на основе. По данным проведенного эксперимента, только наосновное ударение отмечается в прилагательных *близкий*, *бойкий*, *бурный*, *быстрый*, *ветхий*, *влажный*, *властный*, *гладкий*, *грозный*, *громкий*, *грустный*, *жалкий*, *жуткий*, *знатный*, *кислый*, *мутный*, *наглый*, *нервный*, *низкий*, *редкий*, *тихий*, *хрупкий*. Существует небольшое количество прилагательных, которые допускают в этой форме вариативность, то есть могут произноситься как с наосновным, так и с нафлексивным ударением: *бе́ло* (70% ст. и 70% мл.) и *белó* (30% ст. и 30% мл.), *вре́дно* (20% ст. и 20% мл.) и *вредно́* (80% ст. и 80% мл.), *гре́шно* (66% ст. и 86% мл.) и *грешно́* (34% ст. и 14% мл.),

жёлто (60% ст. и 80% мл.) и *желто́* (40% ст. и 20% мл.), *звóнко* (20% ст. и 20% мл.) и *звонко́* (80% ст. и 80% мл.), *не́жно* (66% ст. и 44% мл.) и *нежно́* (34% ст. и 56% мл.), *о́стро* (50% ст. и 50% мл.) и *остро́* (50% ст. и 50% мл.), *не́стро* (35% ст. и 50% мл.) и *нестро́* (65% ст. и 50% мл.), *се́ро* (90% ст. и 50%) и *серо́* (10% и 50%), *ста́ро* (20% ст. и 20% мл.) и *старо́* (80% ст. и 80% мл.), *у́зко* (50% ст. и 50% мл.) и *узко́* (50% ст. и 50% мл.). Прилагательное *чёрный* в этой форме имеет только нафлексивное ударение: *черно́*. В большинстве случаев эти прилагательные исконно относились к парадигме *b*.

Некоторые авторы пишут о семантических микрогруппах, которые регламентируют акцентное выравнивание в кратких формах прилагательных. Так, обычно выделяют прилагательные со значением цветообозначения в группу, для которой характерно в краткой форме ср. р. флексивное ударение: *белó*, *черно́*, *красно́*, *желто́*, *нестро́* (наряду с *бело́*, *чёрно*, *красно*, *жёлто*, *нестро*).

Как следует из приведенного выше материала эксперимента, слова со значением цветообозначения не представляют собой отдельной акцентологической группы. Возможное сохранение в этих формах ударения на окончании, так же как и у других прилагательных (*острый*, *добрый*, *узкий*), видимо, связано с тем, что они исконно относились к парадигме *b*. Более того, так же как и другие прилагательные из этой группы, слова со значением цветообозначения демонстрируют различную динамику: в одних увеличивается процент произнесений с флексивным ударением (*серо́*, *белó*, ср. *нежно́*), в других уменьшается (*желто́*, *нестро́*, ср. *грешно́*), в третьих остается неизменным (*черно́*, ср. *вредно́*, *остро́*).

Следует отметить, что инновации в исконной парадигме *b* (при стабильном сохранении парадигм *a* и *c*) фиксируются в ряде древнерусских и старорусских памятников, относящихся к восточной зоне (на этой основе сложилась акцентная система, характерная для русского литературного языка). Например, в одном из акцентуированных памятников XVII в. «у нечленных имен прилагательных наибольшее количество инноваций фиксируется у слов а. п. *b*» [Макеева 2010: 61]. О том, что варианты произношения в а. п. *b* существуют уже длительное время, свидетельствуют также материалы НКРЯ. По данным проведенного эксперимента, в современном русском литературном языке практически нет односложных прилагательных, сохраняющих эту парадигму в чистом виде. Есть лишь небольшая группа слов, сохраняющих следы исконной а. п. *b*.

Орфоэпический словарь кодифицирует для прилагательных *добрый, жёлтый, узкий* парадигму *с/с₁* (*добра́, добро́, добры́* и *добры́*) [ОС 1999: 124, 141, 585], а для прилагательного *серый* — парадигму *с* (*се́ра, се́ро, се́ры*) [ОС 1999: 515], что противоречит как языковой тенденции, так и распространенности соответствующих вариантов в речи современных носителей. Формы с ударением на флексии в форме ср.р. этих прилагательных необходимо допускать.

5. Формы мн. ч. кратких прилагательных

По данным эксперимента, для форм мн.ч. характерно широкое акцентное варьирование. Данные НКРЯ свидетельствуют о том, что в ряде случаев эта вариативность существовала уже в XVIII—XIX вв. Например:

Рассмотрим свойство мы и силу эпитграмм:
Они тогда живут красой своей богаты,
Когда сочинены **остры́** и узловаты...
(А. П. Сумароков)

Вот брату и сестре законный аттестат:
Их проза тяжела, их остроты не **остры́**;
А вот и авторам: им Аполлон не брат,
И музы им не сестры.
(М. А. Дмитриев)

Вариативность в XVIII—XIX вв. в форме мн. ч., по данным Национального корпуса, отмечена в следующих прилагательных: *бедный, властный, вредный, гордый, грешный, добрый, круглый, мертвый, мокрый, немой, нежный, острый, тёплый, толстый, хитрый, храбрый*. Из 16 приведенных слов более половины относились к парадигме *b*, еще в нескольких случаях парадигма не определена, но можно предполагать, что они также относились к парадигме *b*.

Возможно, появление акцентных вариантов в форме мн. ч. связано с актуализацией в старорусском языке противопоставления атрибутивной и предикативной функций кратких форм прилагательных: накоренное ударение было характерно для предикативных сочетаний, флекссионное — для атрибутивных. По данным В. В. Колесова, в «прилагательных, обозначающих название цвета, накоренное ударение в атрибутивном значении противопоставляется наконечному ударению в предикативном сочетании уже в очень ранних памятниках» [Колесов 2010: 356]. В дальнейшем краткие прилагательные утратили синтаксическую функцию определения, однако вариативность

в формах мн. ч. сохранилась. Так, для прилагательных со значением цвета варианты отмечаются и в НКРЯ, и по данным проведенного эксперимента. Возможно, такая устойчивость вариативности связана с тем, что в отличие от форм в ед. ч., где существует тенденция к родовому закреплению места ударения, формы мн. ч. не имеют определенной тенденции к унификации акцента на гласном основы или флексии.

Однако данные эксперимента показывают, что в целом количество употреблений форм с ударением на окончании увеличивается, хотя зачастую и незначительно: *бедны́* (76% ст. и 86% мл.), *бурны́* (80% ст. и 84% мл.), *быстры́* (50% ст. и 54% мл.), *властны́* (52% ст. и 68% мл.), *горды́* (50% ст. и 64% мл.), *жалки́* (50% ст. и 56% мл.), *звонки́* (8% ст. и 20% мл.), *знатны́* (50% ст. и 66% мл.) и т. д.

Предпринимались попытки найти факторы, объясняющие появление в краткой форме мн. ч. различных прилагательных того или иного акцентного варианта. Например, М. С. Суханова пишет: «В языке возможно сосуществование нормативных вариантов одного и того же слова при отсутствии смысловой и стилистической дифференциации между ними (*гóрды* — *горды́*), однако чаще при наличии такой дифференциации» [Суханова 1981: 5]. При этом автор не уточняет, чем обусловлена эта дифференциация. Иногда вариативность в формах мн. ч. объясняют грамматическими или семантическими факторами, пишут о степени освоенности и употребительности. Однако, как показывают данные проведенного эксперимента, в большинстве случаев предлагаемые факторы либо не работают вообще, либо могут быть применимы только к ограниченному числу примеров. Так, Н. А. Еськова пишет: «На противоположных “полюсах” находятся прилагательные с суффиксом *-н-*, среди которых колебание ударения в кратких формах множественного числа получило распространение (*вкусны* и *вкусны́*, *грустны* и *грустны́*, *грязны* и *грязны́* и мн. др.), и прилагательные с суффиксом *-к-*, которые в значительной степени сохраняют первоначальный тип подвижности (нормой является ударение *га́дки*, *ги́бки*, *ре́дки* и мн. др.)» [Еськова 2014: 467].

Но эксперимент показал, что этот фактор в настоящий момент не работает. Действительно, по данным НКРЯ, в XVIII–XIX вв. прилагательные с суффиксом *-к-* в форме мн.ч. употреблялись исключительно с ударением на основе, за исключением прилагательного *ловкий*. Однако в настоящий момент количество формоупотреблений с ударением на окончании довольно велико: *близки́* (52% ст. и 48% мл.), *бойки́* (50% ст. и 76% мл.), *жалки́* (50% ст. и 56% мл.), *низки́* (54% ст.

и 56% мл.), *редкі* (10% ст. и 58% мл.), *хрупкі* (40% ст. и 68% мл.). В связи с этим возникает вопрос о корректности кодификационного решения о нормативности только вариантов с ударением на основе типа *редки* и подобных, кодифицируемых Орфоэпическим словарем [ОС 1999].

Что касается остальных прилагательных, то вариативность ударения в них никак не связана с наличием или отсутствием суффикса. Это подтверждают данные НКРЯ и проведенного эксперимента.

6. Мест ударения в разных значениях полисемичных слов

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что разные значения одного и того же многозначного прилагательного могут иметь в кратких формах различные варианты акцентных типов. Фиксируют такие факты и некоторые словари [БОС 2012; Еськова 2014; Зализняк 2008; Кузнецов 1998; ОС 2014; Резниченко 2008; Шведова 2007 и др.]. Подобного рода акцентологические явления связывают с разными типами значения полисемичных прилагательных. Известно, что у качественных прилагательных, способных к семантической градуированности признака, выделяется особая модификация значения, которую «можно условно передать с помощью смысла ‘слишком’»: значение параметра не просто превышает норму, а не подходит для данной ситуации, не соответствует ей (с точки зрения заинтересованного лица) [Кустова 2005]. Подобные «слишком»-значения (термин Г. И. Кустовой) могут быть выражены как самостоятельно и эксплицитно (*Я уже слишком стар, чтобы бегать за автобусом*), так и имплицитно, встраиваясь в значение многозначного слова (*Тебе эта юбка узка*).

Ранее в работах по русской акцентологии указывалось, что особую акцентуацию кратких форм демонстрируют так называемые параметрические прилагательные — качественные прилагательные с номинативным размерным значением, отображающие признаки, которые устанавливаются по отношению к точке отсчета. Принадлежность лексического значения прилагательного к параметрическому типу проявляется в том, что в его словесное определение включается сема, указывающая на меру признака³. Как представляется, параме-

³ Нельзя не отметить, что практически все авторы, говоря о семантике параметрических прилагательных, указывают на наличие семы «чрезмерная степень выраженности признака», но ведь существует и сема «недостаточная степень выраженности признака» — *брюки слишком длинные для такой обуви* и *брюки недостаточно длинные для такой обуви*, помимо «слишком»-значения имеется и «недостаточно»-значение.

трические прилагательные являются разновидностью качественных прилагательных с оценочной семантикой, способных к градуированности признака, что позволяет предположить, что особая акцентуация кратких форм, приписываемая параметрическим прилагательным, на самом деле относится ко всем случаям, когда признаковое слово содержит сему чрезмерной выраженности признака.

В некоторых работах параметрические значения прилагательных считаются одним из значений многозначного слова, при этом в параметрическом значении выступают только краткие формы, другие — отдельными словами, не имеющими полных форм и омонимичными кратким формам прилагательных не в параметрических значениях. Ср. в словаре [Шведова 2007] у слова *длинный* выделяются значения 1) имеющий большúю длину, протяжение; 2) бóльший по длине, чем нужно; а в словарях [Еськова 2014; Резниченко 2008] одна словарная статья на слово *длинный*, а другая с заголовочным словом *линен*.

По поводу наличия специфической акцентуации у параметрических прилагательных нет единого мнения. Так, например, К. С. Горбачевич писал: «...в значении ‘большого размера, чем нужно’, акцентная вариативность отсутствует» [Горбачевич 1978: 118].

Но большинство авторов, обсуждающих закономерности постановки ударения в кратких формах прилагательных, придерживаются другого мнения. А. А. Зализняк писал: «Имеется, однако, ряд случаев, где во всех кратких формах, включая ед. сред., представлено флексийное ударение. Таковы <...> краткие формы, в значение которых входит семантический элемент “слишком”, отсутствующий у соответствующих полных форм. Примеры: *это платье вам малó (узкó, длиннó)* <...> Круг прилагательных, систематически обнаруживающих этот эффект, невелик (он практически исчерпан в наших примерах); но окказионально эта модель может выступать и в других случаях» [Зализняк 2010 т. 1: 26].

По мнению А. А. Зализняка, список подобных прилагательных, проявляющих стремление к ударению на флексии во всех формах, невелик и почти конечен. При этом указанные краткие прилагательные демонстрируют иную акцентуацию, когда они не имеют в своем значении сему «слишком» или «недостаточно», в первую очередь это касается форм ср. р. Согласно «Грамматическому словарю русского языка» А. А. Зализняка, например, прилагательное *узкий* имеет «в обычном значении» следующий акцентный тип — *у́зок*,

узкá, узко, узки и узкí, но узок, узкá, узко и узкó, узки и узкí в значении «уже, чем нужно».

Р. Ф. Касаткина, устанавливая для параметрических прилагательных ту же тенденцию — стремление к переносу ударения на флексию во всех кратких формах, в частности и в среднем роде, — расширяет список слов с подобной акцентологической особенностью [Касаткина 2000], включая в него и слова, не имеющие размерного значения, в случае актуализации в них семы чрезмерного или недостаточного проявления признака, например, в контексте *платье слишком яркó* (ср. с примером *это уже старó* [Зализняк 2010 т. 1: 26]).

Н. Юкайя, проведя масштабный социолингвистический эксперимент, показал, что у кратких прилагательных, имеющих значение чрезмерной выраженности признака, удалось обнаружить весьма слабо выраженную акцентную специфику по сравнению с обычными значениями этих же слов — в формах среднего рода акцентная дифференциация носила противоречивый характер, но немного проявлялась в формах мн. ч. Эксперименты, проведенные Н. Юкайя, свидетельствуют о том, что для форм среднего рода норма в значительной мере лексикализована и выявить общую тенденцию невозможно. А для форм мн. ч. в значениях чрезмерной выраженности признака количество ударений на флексии увеличивалось, но незначительно [Ukiah 2000: 140].

Для изучения этого вопроса была проведена вторая серия экспериментов для выявления закономерностей постановки ударения в кратких формах прилагательных, обладающих «слишком»-значением по сравнению со значением, не включающим сему чрезмерной выраженности признака. Были составлены контексты, позволяющие сопоставить закономерности постановки ударения у одних и тех же слов в разных значениях в речи одних и тех же дикторов: *бедный, близкий, бойкий, бурный, быстрый, важный, ветхий, вкусный, влажный, властный, вредный, гладкий, гордый, грешный, громкий, грубый, грустный, едкий, жалкий, жуткий, звонкий, знатный, маленький, мутный, наглый, нежный, нервный, низкий, острый, редкий, тихий, толстый, узкий, хрупкий*⁴. Было изучено место ударения в звучащей речи 46 информантов двух возрастных групп: носители старшей нормы (46–80 лет) и носители младшей нормы (18–45 лет). В контексты

⁴ В случаях, когда у прилагательного имелось несколько значений, в этой серии эксперимента учитывалось только его первичное прямое значение.

достаточно большой длины были включены 108 словоформ указанных 34 прилагательных в форме ср. р. ед. ч. и мн. ч., предложенных информантам для прочтения в произвольном порядке. При этом место ударения в каждой форме проверялось трижды — в значении, не включающем сему чрезмерной степени выраженности признака, в «слишком»-значении, выраженном эксплицитно, и «слишком»-значении, выраженном неявно, без участия слов *слишком*, *недостаточно* и пр.

Так, например, для слова *узкий* предлагались для прочтения следующие тексты:

1. Раскинувшееся перед нами ущелье вытянуто с севера на юг, оно узко и живописно.

2. Игольное ушко — проблема для стариков, слишком уж оно узко.

3. Платье узко, немодно и явно старит её.

4. В Крепости мало садов, дома лепятся один к другому; улочки замысловаты и узки, с непредсказуемыми тупиками, проходными дворами и парадными; входя в любую, не знаешь, удастся ли выбраться.

5. Эти сосуды слишком узки, эритроциты движутся по ним гуськом, один за другим, поэтому каждый из них получает возможность насытиться кислородом, который содержится в альвеолах.

6. Китайские историки пришли к выводу, что наши представления о мире были узки и примитивны.

Анализ полученного материала позволил прийти к нижеследующим выводам.

Не удалось выявить достоверных различий в акцентуации между прилагательными в параметрическом, размерном значении и более общей группой прилагательных с оценочным градуированным значением, что подтверждает высказанное выше предположение о том, что первые являются частным проявлением вторых. Говоря иначе, противопоставить слова типа *узкий*, *низкий*, *тонкий*, *толстый* (размерное значение) словам типа *мягкий*, *нежный*, *добрый*, *старый* (оценочное градуированное значение) по их акцентному оформлению невозможно.

Для кратких форм ср. р. обычным является ударение на основе как в основном значении, так и в «слишком»-значении, причем эта тенденция сохраняется для большинства слов и в старшей, и в младшей норме — *близко*, *бойко*, *влажно*, *властно*, *громко*, *жёлко*, *жёлто* и т. д. В отдельных словах имеются варианты места ударе-

ния на основе и окончании как в старшей, так и в младшей норме при некотором увеличении флективных ударений в «слишком»-значениях, например, в значении, не содержащем сему чрезмерной выраженности признака — *édко* (50% ст. и 64% мл.) и *едко́* (50% ст. и 36% мл.), в «слишком»-значении *édко* (50% ст. и 42% мл.) и *едко́* (50% ст. и 58% мл.).

В некоторых словах в форме ср. р., демонстрирующих небольшое увеличение числа ударений на флексии в «слишком»-значениях, эта акцентологическая особенность не нарастает от поколения к поколению, а наоборот, падает, например, *не́жно* (34% ст. и 56 мл.) и *нежно́* (66% ст. и 44% мл.) в основном значении, а в «слишком»-значении — *не́жно* (40% ст. и 88 % мл.) и *нежно́* (60% ст. и 12% мл.). Только слово *узкий* проявляет явную акцентную дифференциацию в зависимости от семантики: в значении, не содержащем сему чрезмерной степени выраженности признака — *у́зко* (50% ст. и 42% мл.) и *узко́* (50% ст. и 58% мл.), но в «слишком»-значениях только *узко́* для обеих возрастных групп.

Большинство проанализированных кратких прилагательных в форме мн. ч. допускают вариантность в месте ударения, при этом в них незначительно увеличивается число ударений на флексии в «слишком»-значении по сравнению со значением, не включающим эту сему, например, *без семы «слишком» бедны́* (76% ст. и 86% мл.), *жалки́* (50% ст. и 56% мл.), *важны́* (72% ст. и 48%), *вредны́* (66% ст. и 80% мл.); *со «слишком»-значением бедны́* (70% ст. и 92% мл.), *жалки́* (78% ст. и 90% мл.), *важны́* (68% ст. и 92%), *вредны́* (60% ст. и 100% мл.) и т. д. Но указанная закономерность действует не для всех слов, например, она не прослеживается в прилагательных *тихий*, *гордый*, *грешный* и некоторых др.

Как видно из приведенных выше примеров, в звучащей речи молодого поколения тенденция к постановке ударения на окончании в «слишком»-значениях выражена немного сильнее, чем в речи предшествующего поколения. В случаях, когда сема чрезмерной степени выраженности признака включалась в значение прилагательного неявно, без слов *слишком*, *чрезмерно*, *недостаточно* и пр. отличия в акцентуации по сравнению с основным значением слова были менее выражены, чем в случаях эксплицитного выражения «слишком»-значения. Эта закономерность прослеживается в основном у параметрических прилагательных с размерным значением: вероятность появления ударения на флексии зависит от наличия/отсутствия

«слишком»-значения и от способа выражения этой семы — эксплицитно или имплицитно, например:

1) *Надо было быть очень внимательным, улицы были тесны́ (52%) от экипажей; при обгоне умело лавировать, а обогнать обязательно (без «слишком»-значения).*

2) *Ботинки мне тесны́ (84%), носить их я все равно не смогу, отдам брату (имплицитно выраженное «слишком»-значение).*

3) *После родов брюки стали слишком тесны́ (100%), но признавать это не хотелось (эксплицитно выраженное «слишком»-значение).*

Другой ситуацией, при которой разным значениям многозначных прилагательных приписываются в кратких формах разные акцентные типы, являются слова, в семантической структуре которых существуют прямые и переносные значения. Так, многие современные лексикографы указывают на возможность противопоставления разных значений полисемичных слов с помощью разных акцентных вариантов, в первую очередь в форме мн. ч., реже в форме ср. р., например, глухой¹ (*лишенный слуха; равнодушный, неотзывчивый*) глуха́, глúхо, глúхи, но глухой² (*приглушенный, неясный; сплошь заросший, дикий и др.*) глуха́, глúхо, глúхи и допуст. глухí; немой¹ (*лишенный способности говорить*) нема́, нéмо, нéмы, но немой² (*безмолвный, исполненный тишины*) нема́, нéмо, нéмы и допуст. немý; острый¹ (*свойство колющего, режущего предмета и (перен.) форма предмета*) остра́, острó, острý и допуст. óстро, óстры, но острый² (*об уме, взгляде и др.; тонкий, проницательный, остроумный, язвительный; о вкусе, запахе*) остра́, острó, острý и мн. др. [Еськова 2014].

Нельзя не отметить, что информация подобного рода, встречающаяся в различных словарях, во многих случаях приводится непоследовательно, при этом возникают два вопроса: во-первых, на каких основаниях определяется круг прилагательных, допускающих варианты ударения в зависимости от значения, и, во-вторых, как разные акцентные типы ударения кратких прилагательных распределяются по разным значениям полисемичных слов. Постановка этих вопросов обусловлена, в частности, тем, что разные авторы для конкретных слов предлагают разные решения.

Интересно, что в словарях, описывающих произносительную норму на предыдущих орфоэпических срезах, для всех типов значения многозначных прилагательных указываются одинаковые акцентные варианты: *глуха́, глúхо, глúхи; нема́, нéмо, нéмы; остра́, острó, острý; полна́, полно́, полны́* и т. д. [ТС]. Это можно объяснить двумя

причинами: либо наличие вариантов, привязанных к тому или иному значению слова, просто не попадало в фокус внимания лингвистов, либо норма изменилась.

Для изучения этого вопроса была проведена третья серия экспериментов для исследования закономерностей постановки ударения в кратких формах 20 многозначных прилагательных, в структуре которых имеются первичное прямое значение и вторичные, возникшие на основе метафорического переноса (*близкий, важный, великий, верный, высокий, глухой, мелкий, мертвый, мягкий, неверный, неважный, недалекий, нежный, немой, низкий, общий, острый, полный, простой, широкий*). Тридцать четыре информанта двух возрастных групп — старшей и младшей, начитали на магнитофон тексты, включающие анализируемые слова в разных значениях. Тексты предлагались для чтения в произвольном порядке. Например, для проверки места ударения в форме мн. ч.

Глухой

1. Старики часто бывают глухи, это не должно раздражать окружающих, надо просто приспособиться и говорить громче (*лишенный слуха*).

2. Многие дети глухи к чужому несчастью и боли, иногда это проходит под воздействием воспитания, иногда остается грустной чертой характера на всю жизнь (*равнодушный, неотзывчивый*).

3. Звуки рояля были глухи и ненавязчивы, приходилось напряженно вслушиваться, и почему-то это доставляло Наде особое удовольствие (*неясный, незвонкий*).

Близкий

1. Удивительно, что в этих деревушках, которые территориально близки друг к другу — всего-то пять километров, можно обнаружить столько различий в произношении согласных (*находящийся на небольшом расстоянии*).

2. Братья всегда были очень близки друг другу; соперничество и ревность не были свойственны им с самого детства (*связанный общением, дружбой, любовью*).

3. Эти две теории очень близки друг другу, разница между ними скорее терминологическая, чем содержательная (*сходный, похожий по содержанию*).

Результаты исследования показали, что в форме мн. ч. в большинстве проанализированных слов фиксируются акцентные варианты при преобладании ударения на флексии, но вероятность флекси-

онного ударения достоверно выше в переносных значениях слов по сравнению с прямыми. Приведем несколько примеров:

глухой

1. (*лишенный слуха*) — *глу́хи* (96% ст.; 88% мл.) и *глухи́* (4% ст.; 12% мл.);
2. (*неясный, незвонкий*) *глу́хи* (90% ст.; 88% мл.) и *глухи́* (10% ст.; 12% мл.);
3. (*равнодушный, неотзывчивый*) *глу́хи* (50% ст.; 12% мл.) и *глухи́* (50% ст.; 88% мл.);

близкий

1. (*находящийся на небольшом расстоянии*) *блѐзки* (ст. 52 %, мл. 38%) — *близкі* (48% ст., 62% мл.);
2. (*связанный общением, дружбой, любовью*) *блѐзки* (22% ст., 8% мл.) — *близкі* (78% ст., 92% мл.).

мягкий

1. (*легко поддающийся давлению, сжатию, малоупругий*) *мя́жки* (64% ст.; 60% мл.) — *мягкі* (36% ст.; 40% мл.);
2. (*плавный, размеренный*) *мя́жки* (72% ст.; 44% мл.) — *мягкі* (28% ст.; 56% мл.);
3. (*не очень строгий, снисходительный*) *мя́жки* (34% ст., 12% мл.) — *мягкі* (66% ст., 88% мл.).

Таким образом, можно констатировать, что у кратких прилагательных в форме мн. ч. незначительно увеличивается количество ударений на флексии при наличии переносного метафорического значения. Но необходимо заметить, что эта тенденция проявляется не одинаково ярко у разных слов, а у некоторых изученных в эксперименте прилагательных не удалось установить достоверного различия в акцентных вариантах при первичном и переносных значениях (*мёртвый, немой* и др.). Все значения этих прилагательных демонстрируют увеличение ударений на флексии от поколения к поколению.

Эксперимент показал, что в формах ж. р. и ср. р. ед. ч. вообще не выявлены различия в акцентных типах между прямыми и переносными значениями многозначных прилагательных.

7. Формы простого компаратива

В систему подвижного ударения прилагательного традиционно включаются и формы сравнительной степени с суффиксом *-ее*, поэтому они также стали объектом настоящего исследования. В исконной системе такие компаративы имели ударение на корне, если были образованы от прилагательных, относящихся к парадигме *а*, и на

суффиксе — если были образованы от прилагательных парадигм *b* и *c* (подобно тому, как в нечленной форме ж. р. ед. ч. в парадигме *a* — ударение падало на основу, а в парадигмах *b* и *c* — на окончание). С. В. Бромлей писала: «Процесс унификации места ударения в формах сравнительной степени несомненно следует рассматривать в связи с параллельным процессом в нечленных формах женского рода, тем более, что причины того и другого были, по существу, общие» [Бромлей 1955: 32].

Данные Национального корпуса показывают, что уже в XVIII в. соответствие места ударения в кратких формах ж. р. и сравнительной степени не было стопроцентным. Например, у прилагательных *бурный*, *нужный*, *старый* сравнительная степень как минимум до XIX в. сохраняла следы исконной акцентной парадигмы *a*: *бу́рнее*, *ну́жнее*, *ста́рее*, тогда как в формах женского рода в то время уже было широко распространено флективное ударение. Например:

Нет-с, **ста́рее** меня по корпусу найдутся,
Я с восьмьсот девятого служу...
(А. С. Грибоедов)

Перед далью молодою
Развернется предо мною
Небо выше и лазурней,
Сердце радостнее, **бу́рней**
Вспыхнет в трепетной груди,
Наше счастье впереди...
(А. Н. Поморский)

Однако до сих пор при формулировке правила ударения в компаративе большинство словарей и грамматик ориентируется на краткую форму ж. р.: либо ударение в обеих формах на корне: *зло́бна* — *зло́бнее*, либо на окончании и суффиксе: *ми́лá* — *ми́лее*). Указывают и «исключения, связанные с проявляющейся в формах сравнительной степени тенденцией иметь ударение на суффиксе *-ее*, независимое от ударения краткой формы женского рода, иначе говоря, осуществлять подвижность ударения “с опережением” по отношению к кратким формам» [Еськова 2014: 467]; см. также [ОС 1999: 673]. Между тем, наблюдения над литературным языком показывают, что в современном произношении несовпадение акцентуации компаративов и соотносительных кратких форм ж. р. ед. ч. перестает быть исключением.

Данные проведенного эксперимента показали, что даже в речи респондентов старшего поколения зависимость между местом ударения в формах сравнительной степени и ж. р. во многих случаях оказывается нарушена. Например, представители старшей группы произнесли: *буйна* (50%) и *буйна́* (50%), но только *буйне́е*; *дымна* (20%) и *дымна́* (80%), но *дымне́е* (60%) и *дымне́е* (40%); *свята* (90%) и *свята́* (10%), но только *святе́е* и др. Число таких несоответствий увеличивается от поколения к поколению. Так, из 27 прилагательных, у которых была исследована форма простого компаратива с суффиксом *-ее*, зависимость между местом ударения в формах сравнительной степени и ж. р. отсутствует у 10 прилагательных в старшей группе, у 11 — в средней, у 14 — в младшей.

В целом следует отметить, что, так же как и краткие формы ж. р., компаративы характеризуются высокой степенью вариативности. Безысключительно на суффиксе отмечено ударение только у шести словоформ: *буйне́е*, *мрачне́е*, *мутне́е*, *нагле́е*, *святе́е*, *смугле́е*. Практически равноправны следующие акцентные варианты: *бу́рнее* и *бурне́е*, *дро́бнее* и *дробне́е*, *ды́мнее* и *дымне́е*, *ла́днее* и *ладне́е*, *ле́стнее* и *лестне́е*, *лю́днее* и *людне́е*, *ми́рнее* и *мирне́е*, *не́рвнее* и *нервне́е*, *сы́тее* и *сыте́е*, *це́льнее* и *цельне́е*. Орфоэпический словарь кодифицирует только один из вариантов, в подавляющем большинстве случаев — с ударением на суффиксе: *бурне́е*, *дробне́е*, *ды́мнее*, *ладне́е*, *лестне́е*, *людне́е*, *мирне́е*, *нервне́е*, *сыте́е*, *цельне́е*, что, по данным эксперимента, не соответствует речевому узусу.

Необходимо учитывать и тот факт, что форма простого компаратива в принципе выпадает из парадигмы имени прилагательного, что ограничивает возможности грамматической аналогии с другими формами. Неслучайно компаратив зачастую выводится за рамки словоизменения. Традицию рассмотрения простых сравнительных степеней как качественно специфических образований, не сводимых ни к прилагательным, ни к наречиям, заложил еще А. М. Пешковский; положительную и сравнительную степени прилагательных рассматривают как разные лексемы и многие другие лингвисты, подробнее см. [Качура 1991: 5; Князев 2007: 249–251].

8. Приведенный выше материал свидетельствует о том, что основным источником акцентного варьирования в синхронной языковой системе служат различные видоизменения старых парадигматических различий, формирование на их основе новых закономерностей. Однако этот процесс не приводит к глобальному

изменению всей системы: по сути, материал, полученный в ходе проведенного эксперимента, по выражению Ю. А. Клейнера, «не создает нового синхронного среза, характеризующегося специфическими для него чертами», а сам процесс модификации акцентной системы кратких прилагательных не является собственно «языковым изменением» [Клейнер 2006: 134]. При этом очевидно, что существующую вариативность нельзя объяснить только действием актуальных тенденций развития грамматической системы русского языка, описываемых грамматистами: для кратких прилагательных это актуализация противопоставления формы ж. р. всем остальным формам кратких прилагательных, акцентная дифференциация полных и кратких форм, а также возможное противопоставление формы мн. ч. формам ед. ч. Языковой материал обязательно нужно рассматривать и в диахроническом ключе, что позволит при выработке нормативных рекомендаций по-новому взглянуть на существующие языковые факты.

Анализ экспериментальных данных позволил сделать помимо интересных теоретических выводов выводы прикладного характера, касающиеся, в первую очередь, рекомендаций в орфоэпических словарях. Оказывается, серьезный разрыв между словарными рекомендациями и узуальными нормами постановки ударения в звучащей речи образованных людей обусловлен не только и не столько изменениями, происходящими в языке, сколько устаревшим подходом к кодификации акцентологических норм. Как было показано в данном параграфе, ряд акцентных вариантов, рекомендованных словарями, не устарел, а попросту никогда не существовал, при этом другие варианты существуют уже не одно столетие, однако почему-то так и не были признаны нормативными. Проникновению таких несуществующих вариантов в словари, на наш взгляд, способствуют два фактора: во-первых, отсутствие масштабных социолингвистических исследований и, во-вторых, игнорирование диахронических данных, которые, как было показано, помогают понять суть синхронических языковых явлений. Один раз попав в авторитетное издание, несуществующий акцентный вариант начинает свое шествие из одного словаря в другой, пополняя и без того немалый список словоформ, которые необходимо заучивать.

Все это говорит о том, что сам подход к принятию словарных рекомендаций в области акцентных норм требует серьезного пересмотра.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. — Очерк грамматики русского литературного языка. Часть 1. Фонетика и морфология / Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. М.: Учпедгиз, 1945.
- Аванесов, Ожегов 1955 — Русское литературное ударение и произношение: Опыт словаря-справочника / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1955.
- АГ 80 — Русская грамматика: [В 2-х тт. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980.
- Антонова, Савинов 2009 — Незабываемые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. I / Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. М., 2009.
- Бабанина 2016 — *Бабанина А. С.* Лингвистические особенности нижнеднепровского региолекта современного русского языка // Перспективы интеграции науки и практики. 2016. № 3. С. 43–49.
- Борунова, Плотникова-Робинсон 2004 — Отцы и дети московской лингвистической школы: Памяти В. Н. Сидорова / Под ред. С. Н. Боруновой, В. А. Плотниковой-Робинсон. М., 2004.
- БОС 2012 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2012.
- БОС 2017 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М., 2017.
- БОС 2018 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты / М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина; Под ред. Л.Л. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М., 2018.
- Бромлей 1955 — *Бромлей С. В.* К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. № 8. М.—Л., 1955. С. 24–41.
- Букринская, Кармакова 2012 — *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15: Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2012, С. 153–164.
- Булаховский 1939 — *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к литературному русскому языку. 2-е изд., исправ. и доп. Киев, 1939.

- Булаховский 1948 — *Булаховский Л. А.* Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы // Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 1. М.—Л., 1948. С. 18–48.
- Булаховский 1958 — *Булаховский Л. А.* Сравнительно-исторический комментарий к восточнославянскому ударению. Ударение множественного числа имен существительных // Труды филолог. фак. Харьковск. ун-та. 1958. Т. 6.
- Воронцова 1959 — *Воронцова В. Л.* О нормах ударения в глаголах на -ить в современном русском литературном языке // Вопросы культуры речи. Т. 2. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
- Воронцова 1979 — *Воронцова В. Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.
- Воронцова 1996 — *Воронцова В. Л.* Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996.
- Воронцова 2000 — *Воронцова В. Л.* Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. 2-е изд. М., 2000. С. 305–325.
- Востоков 1831 — *Востоков А. Х.* Русская грамматика. СПб., 1831.
- Горбачевич 1978 — *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
- Грот 1899 — *Грот Я. К.* О глаголах с подвижным ударением // Труды. Т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899.
- Грот 1899 — *Грот Я. К.* О русском ударении вообще и об ударении имен существительных // Труды. Т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1912. Т. I–IV.
- Дурново 1971 — *Дурново Н.Н.* О склонении в современном великорусском литературном языке // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 90–103.
- Дыбо 1981 — *Дыбо В. А.* Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Елистратов 2000 — *Елистратов В. С.* Словарь русского арго. М., 2000.
- Еськова 2008 — *Еськова Н. А.* Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М., 2008.
- Еськова 2014 — *Еськова Н. А.* Словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. М., 2014.
- Жовтобрюх (ред.) 1973 — *Українська літературна вимова і наголос* / Відп. ред. М. А. Жовтобрюх. Київ, 1973.

- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 2002 — *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 2002.
- Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 2008.
- Зализняк 2010 — *Зализняк А. А.* Труды по акцентологии. В 2-х тт. М., 2010.
- Зарва 2001 — *Зарва М. В.* Русское словесное ударение. Словарь. М., 2001.
- Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Каленчук 2016 — *Каленчук М. Л.* Нормы произношения в живой речи и в словарях // Труды Отделения Историко-филологических наук РАН / Отв. ред. В. А. Тишков. М., 2016. С. 262–270.
- Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017 — *Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С.* Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 9–28.
- Касаткин 2006 — *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006.
- Касаткин (ред.) 2013 — Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. 3-е изд., исправ. и доп. М., 2013.
- Касаткин 2014 — *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика. 3-е изд., испр. М., 2014.
- Касаткина 2000 — *Касаткина Р. Ф.* Об изменениях в просодической системе русского литературного языка в последние десятилетия // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М., 2000. С. 289–294.
- Касаткина 2008 — *Касаткина Р. Ф.* Изменения в просодической системе русского литературного языка // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2008. С. 375–398.
- Качура 1991 — *Качура А. В.* Семантика степеней сравнения прилагательных в русском языке (семиологический аспект). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1991.
- Клейнер 2006 — *Клейнер Ю. А.* Языковые изменения и динамика языка // Филология. Русский язык. Образование: Сборник статей, посвященных юбилею профессора Л. А. Вербицкой. СПб., 2006. С. 126–136.

- Князев 2007 — *Князев Ю. П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Колесов 1969 — *Колесов В. В.* Именная акцентуация в древнерусском языке. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1969.
- Колесов 1972 — *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.
- Колесов 2010 — *Колесов В. В.* Русская акцентология. Т. 1. СПб., 2010.
- Кривоносов 1989 — *Кривоносов А. Д.* К акцентной характеристике глагольных морфем в севернорусской рукописи XVI в. // Севернорусские говоры. Вып. 5 / Отв. ред. А. С. Герд. Л., 1989. С. 14–23.
- Кузнецов 1998 — *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь. СПб., 1998.
- Куракина 2011a — *Куракина Е. Б.* Колебание места ударения в постфиксальных глаголах прошедшего времени мужского рода единственного числа в речи современных молодых москвичей // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1 (31). С. 267–272.
- Куракина 2011b — *Куракина Е. Б.* Тенденции развития акцентологических норм в речи современных молодых москвичей. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Кустова 2005 — *Кустова Г. И.* Ситуативная норма в значении прилагательных, наречий, предикативов: семантика и конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2005». М., 2005. С. 316–320.
- Макеева 2010 — *Макеева И. И.* Акцентная микросистема русского иноческого сборника XVII века // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 18–62.
- Мокиенко, Никитина 2000 — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://guscorpora.ru>
- ОС 1983 — *Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А.* Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.
- ОС 1999 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. 6-е изд. М., 1999.
- ОС 2014 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / Под ред. Н. А. Есковой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2014.
- ОС 2015 — *Еськова Н. А., Борунова С. Н., Воронцова В. Л.* Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, граммати-

- ческие формы / Под ред. Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Lingua, 2015.
- Пеньковский 2004 — *Пеньковский А. Б.* Наследие, завещанное ученикам // Отцы и дети московской лингвистической школы: Памяти В. Н. Сидорова / Под ред. С. Н. Боруновой, В. А. Плотниковой-Робинсон. М., 2004. С. 11–121.
- Резниченко 2007 — *Резниченко И. Л.* Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
- Резниченко 2008 — *Резниченко И. Л.* Словарь ударений русского языка. М., 2008.
- Резниченко 2015 — *Резниченко И. Л.* Словарь ударений русского языка. М., 2015.
- Русак (рэд.) 2013 — Граматычны слоўнік дзеяслова / Навук. рэд. В. П. Русак. 2-е выд., дапрац. Мінск, 2013.
- Скачедубова 2020 — *Скачедубова Е. С.* Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация страдательных причастий прошедшего времени // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1. С. 178–191.
- Словарь XVIII века 1984 — Словарь русского языка XVIII века / Под ред. С. Г. Бархударова. Л.: Наука, 1984.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 7. Л., 1972.
- Суханова 1980 — *Суханова М. С.* Ударение глаголов // Русская грамматика. Т. 1 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. С. 681–702.
- Суханова 1981 — *Суханова М. С.* Ударение прилагательных в акцентной системе современного русского словоизменения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х тт. М., 1935–1940.
- Федянина 1982 — *Федянина Н. А.* Ударение в современном русском языке. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1982.
- Хазагеров 1973 — *Хазагеров Т. Г.* Ударение как средство грамматической дифференциации форм // Вопросы языкознания. 1973. № 4. С. 98–108.
- Шапиро 1948 — *Шапиро А. Б.* Об ударении в страдательных причастиях // Доклады и сообщения института русского языка. Вып. 2. М.—Л., 1948. С. 101–129.
- Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- Штудинер 2008 — *Штудинер М. А.* Словарь образцового русского ударения. 5-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2008.

Штудинер 2016 — *Штудинер М. А.* Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М., 2016.

Шульга 2003 — *Шульга М. В.* Развитие морфологической системы имени в русском языке. М., 2003.

Ukiah 2000 — Ukiah N. Mobile stress in the four-part paradigms of modern Russian verbs and adjectives // *Russian Linguistics*. 2000. Vol. 24. P. 117–147.

ГЛАВА III. УЗУАЛЬНЫЕ И КОДИФИЦИРОВАННЫЕ СЕГМЕНТНЫЕ НОРМЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

М. Л. Каленчук

3.1. ВАРИАНТЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ ГЛАСНЫХ В 1-М ПРЕДУДАРНОМ СЛОГЕ ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ ШИПЯЩИХ И Ц

1. В конце XIX — начале XX в. гласные фонемы /э, о, а/ в первом предударном слоге после /ш, ж, ц/ в соответствии с действующей в то время экающей нормой реализовались звуком [э^{бл}]: *ш[э]ст* — *ш[э^{бл}]сты́*, *ж[ó]ны* — *ж[э^{бл}]на́*, *ш[а]г* — *ш[э^{бл}]га́ть*. «Позиция после [ж, ш, ц] была внутренне противоречивой: согласные [ж, ш, ц] — твердые, но гласные «вели себя» после них не так, как после твердых согласных, а так, как после парных мягких (В этом сказывалась былая мягкость всех шипящих и ц)» [Касаткин 1989: 47]. После того как на смену эканью пришло иканье, вместо предударного [э^{бл}] в положении после мягких стали произносить [и^э], а после [ж, ш, ц] звук [э^{бл}] закономерно заменился на звук [ы^э]: *ш[ы^э]сты́*, *ж[ы^э]на́*. Необходимо отметить, что точнее обозначать звук, произносимый в этой позиции не как [ы^э], а как [ы^э], т. е. гласный среднего ряда, верхне-среднего подъема. Именно это обозначение используется в дальнейшем.

Можно было бы ожидать подобной замены и на месте фонемы /а/ в рассматриваемой позиции, в этом случае в звуке [ы^э] стали бы нейтрализоваться фонемы /и, э, о, а/. Но этого не произошло — реализация /а/ в этой позиции совпала с реализацией этой фонемы в позиции после парных твердых фонем, стали произносить *ш[а^э]га́ть*, *ш[а^э]га́* так же, как *д[а^э]ва́ть*, *тр[а^э]ва́* и т. д. При существовании двух сильных тенденций развития — стремления к усилению нейтрализации и стремления к равновесности системы, к действию общего правила, «подстройкой» исключений под единую закономерность —

язык выбрал в данном случае второе направление, что, как полагают, могло произойти под воздействием письма. Подробный анализ причин и характера проявления этого фонетического изменения см. [Панов 1967: 308–315; РЯиСО: 105–110; Аванесов 1984: 92–94; Касаткин 1989: 48 и др.].

Итак, в подавляющем большинстве случаев в позиции 1-го предударного слога после [ж, ш, ц] в соответствии с ударным [о] произносится [ы^о], а в соответствии с ударным [а] — [а^о]. Но в современной произносительной норме есть немногочисленные отступления от этого позиционного правила, требующие отдельного рассмотрения для формулирования кодификационных рекомендаций. Для достижения этой цели был проведен эксперимент, в ходе которого 100 дикторов, носителей «младшей» произносительной литературной нормы начитали специально составленные фразы достаточно большой длины, в которые были включены слова, анализ произношения которых представлен ниже.

2. Варианты произношения на месте буквы о в 1-м предударном после ж, ш

В экспериментальные тексты было включено 9 слов, с каждым из которых было составлено по два предложения, в одном из которых слово с анализируемым произносительным вариантом стояло в позиции просодического выделения, а во второй — в просодически слабой позиции. Всего было получено 1800 дикторских ответов. Результаты распределения вариантов произношения по данным аудирования приведены в следующей таблице.

Таблица 1

Слово	[ы ^о]	[э]	[а ^о]	[о]
жокей	16%	10%	64%	10%
жонглер	0%	0%	100%	0%
креп-жоржет	24%	9%	27%	40%
шокировать	0%	0%	60%	40%
жонкиль	0%	0%	38%	62%
шортгорн	0%	0%	20%	80%
шоссе	30%	12%	38%	20%
шотландка	0%	0%	100%	0%
шофер	0%	0%	100%	0%

Полученные в ходе исследования данные во многом противоречат лексикографическим рекомендациям. Так, например, в [ОС 1989] слова *жокей* и *креп-жоржет*, *шокировать* приводятся без произносительной пометы, что по логике этого словаря означает, что их надо произносить по общим правилам чтения — со звуком [а^о]. В слове *шоссе*, согласно рекомендациям ОС, допускаются варианты [а^о] и [о], что не полностью соответствует полученным экспериментальным данным и т. д.

Анализ результатов показал различия в распределении орфоэпических вариантов по отдельным словам при тождестве фонетических и графических условий. Является ли это случайностью или нет?

В словах *жокей*, *креп-жоржет* и *шоссе* в отличие от всех остальных слов фиксируется большой процент произнесений с [э] и [ы^о]. Эти варианты появляются только в тех случаях, где есть условия для проявления межслоговой ассимиляции гласных [Пауфошима 1980], то есть гласные первого предударного слова «подстраиваются» под качество ударного звука.

Появление безударного качественно нередуцированного [о] объясняется разными причинами.

В одних случаях этот орфоэпический вариант является маркером заимствованного и ощущаемого носителями языка происхождения слова: произношение *креп-ж[о]ржёт* или *ш[о]кíровать* позволяет подчеркнуть «чуждость» слова (аналогично произношениям б[о]н^тон или р[о]к[о]кó);

В других словах безударный вариант [о] типичен для нечастотных мало освоенных слов — *ж[о]нкиль* (62%), *ш[о]ртгорн* (80%). При чтении малознакомых слов возрастает число побуквенных произношений, реализуется так называемый сверхполный тип произношения. А поскольку в этих двух словах сочетаются два орфоэпических фактора — заимствованный характер слова и его недостаточная освоенность — частотность варианта [о] резко возрастает.

Кроме того, распределение рассматриваемых вариантов произношения может зависеть и от просодической позиции слова во фразе — позиция просодической выделенности, маркированности часто отмечается появлением звука [о], ср.:

1. Чтобы достичь предмета своих мечтаний, мы делаем невозможное; мы готовы преодолеть любую преграду, рисковать жизнью и положением, мы, как *жокей* на скачках, программируем себя во что бы то ни стало дойти до желанного финиша; нет ничего другого, что

так бы воодушевляло человека и мобилизовывало все его силы, как неосуществленная мечта.

2. Для него слово *жокей* было оскорбительным, так называли профессионалов, скакавших за деньги, себя же он называл только наездником.

В первом предложении слово *жокей* стоит в семантической тени, не выделяется просодическими средствами, а во втором — в сильной позиции. И это сразу проявляется в распределении вариантов: в первом предложении вариант [o] зафиксирован в 7% случаев, а во втором — в 58%.

3. *Варианты произношения на месте буквы а в 1-м предударном слоге после ш, ж, ц*

В экспериментальные тексты было включено 16 слов, с каждым из которых было составлено по два предложения. Было получено 3200 дикторских ответов. Результаты аудирования представлены в следующей таблице.

Таблица 2

Словоформа	[ы ^а]	[а ^а]
вожака	0%	100%
двадцати	98%	2%
жавель	70%	30%
жакет	59%	41%
жалеть	56%	44%
жасмин	51%	49%
жара	0%	100%
кашалот	12%	88%
лошадей	94%	6%
пожалей	74%	26%
ржаной	43%	57%
к сожалению	90%	10%
тридцати	94%	6%
шалить	0%	100%
шаблон	0%	100%
шалаш	0%	100%

Если сравнивать реализацию рассматриваемой нормы, описанную в [РЯиСО] и [РЯДМО], а также кодификационные рекоменда-

ции, представленные в различных орфоэпических словарях, с результатами проведенного эксперимента, то можно сделать следующие выводы.

Круг слов, в которых возможно произношение [ы^э], сужается с каждым новым поколением носителей литературного произношения. Если раньше, хоть и достаточно редко, этот вариант встречался в словах и словоформах *жара, возжака, шалаш, шаблон*, то в системе современной «младшей» нормы он полностью изжит; произносится только *ж[а^э]ра́, возж[а^э]ка́, ш[а^э]ла́ш, ш[а^э]бло́н*.

Сравнение частоты появления орфоэпических вариантов [ы^э] и [а^э] по данным социолингвистических опросов 60-х гг. XX в. [РЯДМО]; [РЯиСО] показало, что резких изменений рассматриваемой нормы за прошедшие полвека не произошло.

Лингвисты, изучавшие эволюцию этой произносительной закономерности на протяжении XX в., пришли к выводу, что «процесс у каждого слова направлен в одну сторону: у слов *жара, возжака* от поколения к поколению [э^л]-произношение убывает, у ... остальных слов — становится все более распространенным» [Фонетика 1968: 36]. Но по материалам проведенного исследования можно констатировать, что слова первой группы уже «пережили» стадию орфоэпической вариантности, а в словах второй группы «законсервировалось» соотношение вариантов, присущее предыдущему орфоэпическому срезу, и нет на данный момент примет того, что процесс вытеснения варианта [ы^э] вариантом [а^э] в этих словах продолжается.

Можно было бы предположить, что вариант [ы^э] в большинстве случаев задерживается в тех корнях, где имеются условия для проявления межслоговой ассимиляции гласных, то есть там, где в ударном слоге произносятся гласные [э] или [и]. Но эта тенденция подтверждается для одних слов и словоформ (*двадцати, тридцати, жакет, жасмин, жалеть, к сожалению, пожалеть, жавель*) и не подтверждается для других (например, в слове *ржаной*, в котором нет условий для проявления межслоговой ассимиляции, «упорно» задерживается вариант [ы^э]). Нельзя не отметить, что, например, в слове *шалить*, в котором под ударением произносится звук [и], давно победил орфоэпический вариант [а^э].

Л. Л. Касаткин считал, что фактором, поддерживающим сохранение старого произношения с [ы^э], является позиция перед мягким [Касаткин 2014: 201]. Но и эта закономерность действует только как тенденция, нарушаясь в отдельных словах.

Различные лексикографические источники допускают три разных способа произношения слов с рассматриваемой орфоэпической особенностью — только с [a^э] (абсолютное большинство слов, в которых имеется анализируемая позиция), только с [ы^э] (косвенные падежи числительных *двадцать* и *тридцать*, *жавель*, *жалеть*, косвенные падежи слова *лошадь* во мн. ч. и производные от этого слова, *пожалеть*, *ржаной*) и с сосуществующими вариантами (*жакет*, *жасмин*) [БОС 2012; Еськова 2014; ОС 1989]. Но результаты проведенного исследования позволяют пересмотреть и уточнить произносительные рекомендации к некоторым словам, сохранив общую картину описания этого участка произносительной системы.

3.2. БЕЗУДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ: РЕАЛИЗАЦИИ ФОНЕМ /И/, /О/, /А/ В ПОЗИЦИИ 2-ГО ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА

Традиционно орфоэпические словари, подробно описывая в словарных статьях особенности произношения согласных звуков, гласным уделяли гораздо меньше внимания, считая, что их произнесение «вытекает из их написания и из свойственных русскому языку правил чтения, основанных на закономерных отношениях между звуками русского языка и буквами русского письма» [ОС 1999: 10]. Однако в конце XX — начале XXI в. произношению гласных начинают уделять все больше внимания. Так, в «Словаре трудностей русского произношения» приводятся примеры нарушения законов фонетической реализации гласных как в словах иноязычного, так и русского происхождения [Каленчук, Касаткина 1997].

Впервые подробное описание существующих вариантов произношения гласных и система нормативных помет разработана в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» [БОС 2017]. Однако постоянно меняющийся язык требует внесения уточнений в зафиксированную норму произнесения гласных звуков, что делает необходимым дальнейшее изучение функционирования гласных фонем. В настоящем разделе приводится описание исследования двух элементов системы произнесения гласных: 1) закономерности распределения гласных звуков в приставке *вы-* во 2-м предударном слоге в словах с одним корнем и 2) процесс нейтрализации фонем /и/, /о/ и /а/ в позиции второго предударного слога после твердого согласного.

Особенности реализации гласной фонемы в приставке *вы-* в современном русском литературном языке

Известно, что развитие вокализма русского литературного языка направлено в сторону системного упрощения, что приводит к усилению нейтрализационных процессов, в частности безударный [ы] начал вовлекаться в «водоворот нейтрализации» (М. В. Панов). В работах по фонетике современного русского литературного языка в последние десятилетия отмечаются факты редукции гласного [ы]

не только в заударных слогах, но и во 2-м и 3-м предупредных. Об этом писали Р. И. Аванесов [Аванесов 1956: 117–118, 120–121; 1984: 58–59], А. Н. Гвоздев [Гвоздев 1967: 32], Л. Л. Буланин [Буланин 1970: 107], Л. Л. Касаткин [Касаткин 1971: 257; 1982: 123; 2001: 129; 2001а: 395; 2003: 171–172; 2006: 188; 2007: 357–358]. Однако фонемы, входящие в состав приставок, зачастую реализуются не так, как те же фонемы в других частях слова. Звуки в приставках в силу грамматических и семантических особенностей этой морфемы, стремления ее к самостоятельности обычно «сопротивляются» нейтрализации. С этой точки зрения позиция в приставке зачастую увеличивает вероятность произнесения качественно нередуцированных безударных гласных. По словам М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной, приставки стремятся к приобретению относительного грамматического «суверенитета» [Каленчук, Касаткина 1999]. Именно по причине особой структурной самостоятельности приставки эта позиция и была выбрана, для того чтобы проверить, насколько далеко продвинулся процесс редуции [ы]. Если он захватил не только предупредные слоги в корне, но даже и в приставке, значит, нейтрализация гласных фонем в современном русском языке действительно усиливается.

В настоящей работе исследуются закономерности распределения гласных звуков в приставке *вы-* во 2-м предупредном слоге в словах с одним корнем. Наблюдения над речью показывают, что при преобладании варианта [ы] в современном произношении возможен и [э]: *в[ы]ходить* и *в[э]ходить*. Для выявления факторов, влияющих на произношение гласного в приставке *вы-*, был проведен эксперимент, в ходе которого 45 информантов, москвичей во втором-третьем поколении, носителей нормативного произношения, читали стихотворные и прозаические отрывки художественных произведений, содержащие 46 слов с приставкой *вы-* во 2-м предупредном слоге. Отрывки были подобраны таким образом, чтобы одно и то же слово стояло во фразе то в позиции просодической выделенности (далее ПВ), то в просодически нейтральной позиции (далее ПН). Так, позиция в конце фразы провоцирует просодическое выделение слова:

Но десять бьет; он *выезжает*,
Он полетел, он у крыльца...

В нижеследующем примере для просодического выделения слова с приставкой нет никаких оснований:

Вот *выезжает* он в долину;
Какую ж видит он картину?

Прочитанные тексты были записаны на диктофон. В общей сложности получено 2340 дикторских прочтений. Информанты обоих полов были разделены на три возрастные группы: старшую — 60 лет и старше, среднюю — 30–59 лет и младшую — 16–29 лет. При совпадении результатов у всех трех возрастных групп указывается одна общая цифра. Исследование полученного материала проводилось как методом слухового анализа — аудитивно, так и инструментально с помощью компьютерной программы Praat¹. В ходе эксперимента рассмотрены следующие факторы, могущие влиять на произношение приставки:

1. Качество гласного в следующем за приставкой слоге

а) гласный верхнего подъема

Перед следующим слогом с [y] возрастает вероятность проявления регрессивной межслоговой ассимиляции и качество гласного в приставке обуславливается качеством гласного в следующем слоге. Однако этот фактор нельзя рассматривать изолированно, т. к. степень регрессивного влияния [y] на гласный приставки во многом зависит от согласного, следующего за вы-. Так, следующий за приставкой губной согласный особенно усиливает этот процесс:

Таблица 1

	Старшая			Средняя			Младшая		
	[y]	[ы]	[ə]	[y]	[ы]	[ə]	[y]	[ы]	[ə]
<i>выпускнiк</i> ПВ	30%	60%	10%	10%	80%	10%	30%	50%	20%
ПН	70%	30%	—	40%	50%	10%	80%	20%	—
<i>выпускáть</i> ПВ	50%	50%	—	30%	60%	10%	70%	20%	10%
ПН	60%	40%	—	30%	50%	20%	80%	10%	10%
<i>выпускáете</i> ПВ	70%	20%	10%	10%	50%	30%	70%	10%	20%
ПН	80%	20%	—	20%	50%	30%	40%	40%	10%

¹ Программа Praat, версия 4.3.16 [Boersma, Weenink 2005].

При следующем заднеязычном процент произнесений с [y] меньше:

Таблица 2

	Старшая			Средняя			Младшая		
	[y]	[ы]	[э]	[y]	[ы]	[э]	[y]	[ы]	[э]
<i>выкрутасы</i> ПВ	10%	70%	20%	—	100%	0%	20%	80%	—
ПН	10%	70%	20	10%	70%	20%	40%	30%	30%

Перед зубным звук [y] практически не произносится: в словоформах *выдувание, вынуждаете, выступаете, вынуждение* произнесений с [y] отмечено не было, *в[y]нуждать* (10% ст., 0% ср. и мл.) в ПН. Перед сочетанием заднеязычного с мягким согласным регрессивная ассимиляция скорее проявляет себя при наличии заударных слогов²:

Таблица 3

	Старшая			Средняя			Младшая		
	[y]	[ы]	[э]	[y]	[ы]	[э]	[y]	[ы]	[э]
<i>выключатель</i> ПВ	—	70%	30%	—	90%	10%	10%	80%	10%
ПН	10%	70%	10%	—	80%	20%	30%	70%	—
<i>выключатели</i> ПВ	10%	80%	—	—	70%	20%	50%	30%	20%
ПН	20%	70%	10%	—	80%	20%	40%	40%	20%

В приставке перед следующим слогом с [y] возможно и произнесение [э], причем как перед губными, так и перед зубными. Поскольку перед губными могут произноситься и [y], и [э], то процент произнесений с [ы] перед ними оказывается гораздо ниже, чем перед зубными³:

² В этой таблице и далее иногда возникает несущественное отличие суммы процентного содержания от ста в связи с появлением иных вариантов: [a³], отсутствие гласного звука в приставке и др. О них будет сказано ниже.

³ Необходимо отметить, что перед слогом с [y] гласный [ы] зачастую несколько отодвигается назад. На спектрограмме у такого звука сильно занижена вторая форманта.

Таблица 4

	Старшая			Средняя			Младшая		
	[y]	[ы]	[э]	[y]	[ы]	[э]	[y]	[ы]	[э]
<i>выпуска́ете</i> ПВ	70%	20%	10%	10%	50%	30%	70%	10%	20%
ПН	80%	20%	—	20%	50%	30%	40%	40%	10%
<i>вынужда́ете</i> ПН	—	90%	10%	—	70%	30%	—	90%	10%
<i>выдува́ние</i> ПВ	—	100%	—	90%	—	10%	—	80%	20%
ПН	—	90%	—	100%	—	—	—	80%	20%

Перед следующим слогом с [ы] вероятность появления в приставке редуцированного [э] невелика у всех возрастных групп: в[э]зывать (0% ст., 10% ср. и мл.) в ПВ и (0% ст., 20% ср., 0% мл.) в ПН; в[э]шивание (0% ст. и ср., 10% мл.) в ПВ и (10% ст. и ср., 0% мл.) в ПН.

б) гласный неверхнего подъема

Если в следующем за приставкой слогом находится гласный неверхнего подъема, то вероятность редукции в приставке сильно возрастает:

Таблица 5

	Старшая			Средняя			Младшая		
	[y]	[ы]	[э]	[y]	[ы]	[э]	[y]	[ы]	[э]
<i>выводи́ть</i> ПВ	10%	50%	40%	—	80%	20%	—	60%	40%
ПН	—	50%	50%	—	70%	30%	10%	40%	50%
<i>выдава́ть</i> ПВ	—	100%	—	—	80%	20%	—	80%	20%
ПН	—	100%	—	—	80%	20%	—	60%	40%
<i>выпада́ть</i> ПВ	—	60%	30%	—	60%	40%	10%	50%	40%
ПН	—	50%	50%	—	60%	40%	20%	30%	50%

Иногда наблюдается обратное явление: прогрессивная межслоговая ассимиляция, когда гласный приставки влияет на гласный корня: [вэ́нэ]жда́ет, [вы́к'л'иэ]ча́тель.

2. Качество ударного гласного

Как показал анализ материала, этот фактор практически не влияет на реализацию гласного в приставке *вы-*. Проценты произнесений с редуцированным в словах с ударным гласным верхнего подъема и в словах с ударным гласным нижнего подъема практически идентичны:

Таблица 6

	Старшая			Средняя			Младшая		
	[y]	[ы]	[ə]	[y]	[ы]	[ə]	[y]	[ы]	[ə]
<i>выно́сить</i> ПВ	—	70%	30%	—	40%	60%	—	40%	60%
ПН	—	70%	30%	—	80%	20%	—	50%	50%
<i>выпа́дать</i> ПВ	—	60%	30%	—	60%	40%	10%	50%	40%
ПН	—	50%	50%	—	60%	40%	20%	30%	50%

3. Качество согласных, следующих за приставкой

Поскольку при господствующем в литературном языке иканье после мягких согласных произносится гласный верхнего подъема, то качество гласного в приставке определяется именно этим фактором, описанным выше. Звук [ə] перед мягким согласным может встретиться только у представителей младшего или среднего возраста, причем преимущественно в слабой фразовой позиции:

Таблица 7

	Старшая		Средняя		Младшая	
	[ы]	[ə]	[ы]	[ə]	[ы]	[ə]
<i>выме́тать</i> ПН	100%	—	100%	—	90%	10%
<i>вычисле́ние</i> ПВ	100%	—	100%	—	100%	—
ПН	100%	—	100%	10%	100%	—
<i>вытесне́ние</i> ПН	100%	—	90%	10%	100%	—

Так как фонема /j/ в положении между гласными реализуется нулем звука, гласный приставки, оказавшийся рядом с [и], представлен только звуком [ы] у всех возрастных категорий во всех ак-

центных позициях: *в[ы]едать, в[ы]езжать, в[ы]явление, в[ы]яснение, в[ы]езжаете.*

Наличие в ударном или особенно в первом предупредном слоге звука [р] резко увеличивает процент произнесений с редуцированным:

Таблица 8

	Старшая		Средняя		Младшая	
	[ы]	[э]	[ы]	[э]	[ы]	[э]
<i>вырывать</i> ПН	90%	10%	70%	30%	50%	50%
<i>вырождение</i> ПВ	30%	70%	—	100%	70%	70%
ПН	30%	70%	30%	70%	20%	80%
<i>выражение</i> ПВ	20%	80%	10%	90%	30%	70%
ПН	30%	70%	10%	90%	10%	90%
<i>выпроявлять</i> ПВ	50%	50%	30%	70%	40%	60%
ПН	60%	40%	50%	50%	20%	80%

Л. В. Златоустова, исследовавшая длительность гласных в различных условиях, пишет, что долгота гласного звука возрастает до максимальной величины при последующем сонанте, особенно [р] [Златоустова 1962: 38–42]. В своем исследовании автор дает указания на различную длительность гласных разного качества при прочих равных условиях: [и] и [ы] оказываются значительно короче остальных гласных.

В свете приведенных данных можно рассматривать редукцию [ы] перед [р] как замену краткого звука более длительным. Действительно, по данным проведенного эксперимента, в каждом отдельно взятом слове время звучания [э] превышало время звучания [ы]. В зависимости от конкретной лексики эти показатели могут варьировать, превышение может быть более или менее значительным, но соотношение всегда остается неизменным:

Таблица 9

	[ы]	[э]
<i>вырывают</i>	38–47 мсек	58–73 мсек
<i>выкрутасы</i>	39–42 мсек	43–45 мсек

Очевидно, что [p] способствует произнесению гласного более низкого подъема, причем это может быть не только [ə], но даже еще более открытые гласные [ə^a] и [a^a]: *в[ə^a]ражéние* и *в[a^a]ражéние*, *в[ə^a]рождéние*, *в[ə^a]ворáчивать*. Влияние остальных переднеязычных на гласный приставки проверить нельзя, т. к. в примерах типа *выши-вáние*, *выживáние* после [ш] и [ж] идет гласный верхнего подъема и, как уже говорилось, редуцированный в приставке практически не произносится. Примеров же с гласным неверхнего подъема после переднеязычных найти не удалось.

Согласный [p] влияет не только на подъем гласного, но и на ряд. Зачастую [p] провоцирует произнесение [ы] с заниженной второй формантой. Это же явление наблюдается и после заднеязычных согласных. Возможно, это объясняется коартикуляцией гласного и согласного звуков.

Если сразу после приставки произносится губной согласный, то гласный в ней может стать огубленным: *в[ə^o]водíть*, *в[ə^o]ворáчивать*, *в[ə^o]падáть*; если носовой — приобрести назальность: *в[ə̃]носíть*, *в[ə̃]нуждáть*.

Гласный приставки иногда представлен нулем звука. Чаще это происходит перед губными, при этом обычно количество слогов не меняется, поскольку согласный приставки может становиться слоговым: [в]водíть, [в]ведéние, [в]ворáчивать, [в]провáживать, [в]нускаéте, [в]шивáние, [в]ступáете.

4. Количество заударных слогов

Зависимость от количества заударных слогов достоверно установить не удалось. В некоторых случаях при наличии заударных слогов процент произнесений приставки *вы-* с [ы] несколько повышается, а в некоторых, наоборот, понижается, причем могут произноситься как [ə], так и [y]. Но чаще всего цифры остаются в пределах одного диапазона:

Таблица 10

	Старшая			Средняя			Младшая		
	[y]	[ы]	[ə]	[y]	[ы]	[ə]	[y]	[ы]	[ə]
<i>выпускáть</i> ПВ	50%	50%	—	30%	60%	10%	70%	20%	10%
ПН	60%	40%	—	30%	50%	20%	80%	10%	10%

Таблица 10 (окончание)

	Старшая			Средняя			Младшая		
	[y]	[ы]	[э]	[y]	[ы]	[э]	[y]	[ы]	[э]
<i>выпуска́ете</i>									
ПВ	70%	20%	10%	10%	50%	30%	70%	10%	20%
ПН	80%	20%	—	20%	50%	30%	40%	40%	10%
<i>выключа́тель</i>									
ПВ	—	70%	30%	—	90%	10%	10%	80%	10%
ПН	10%	70%	10%	—	80%	20%	30%	70%	—
<i>выключа́тели</i>									
ПВ	10%	80%	—	—	70%	20%	50%	30%	20%
ПН	20%	70%	10%	—	80%	20%	40%	40%	20%
<i>вылива́ть</i>									
ПН	—	100%	—	—	80%	20%	—	100%	—
<i>вылива́ете</i>									
ПН	—	100%	—	—	100%	—	—	100%	—

5. Фразовая позиция

Как правило, за редким исключением, слабая фразовая позиция способствует появлению в приставке редуцированного гласного. Процент произнесений с [ы] в подавляющем большинстве случаев в ПН ниже на 10–50%:

Таблица 11

	Старшая			Средняя			Младшая		
	[y]	[ы]	[э]	[y]	[ы]	[э]	[y]	[ы]	[э]
<i>выпускни́к</i>									
ПВ	30%	60%	10%	10%	80%	10%	30%	50%	20%
ПН	70%	30%	—	40%	50%	10%	80%	20%	—
<i>выпуска́ть</i>									
ПВ	50%	50%	—	30%	60%	10%	70%	20%	10%
ПН	60%	40%	—	30%	50%	20%	80%	10%	10%
<i>выводи́ть</i>									
ПВ	10%	50%	40%	—	80%	20%	—	60%	40%
ПН	—	50%	50%	—	70%	30%	10%	40%	50%
<i>выпада́ть</i>									
ПВ	—	60%	30%	—	60%	40%	10%	50%	40%
ПН	—	50%	50%	—	60%	40%	20%	30%	50%

6. Возрастные различия

В младшей возрастной группе в подавляющем большинстве слов зафиксирован более высокий процент гласных с качественной редуkcией, чем в старшей; процент редуцированных в средней возрастной группе колеблется между старшей и младшей:

Таблица 12

	Старшая		Средняя		Младшая	
	[ы]	[э]	[ы]	[э]	[ы]	[э]
<i>выдавать</i> ПВ	100%	—	80%	20%	80%	20%
ПН	100%	—	80%	20%	60%	40%
<i>вытрезвление</i> ПВ и ПН	90%	10%	90%	10%	80%	20%
<i>в[ы]дающийся</i> ПВ	100%	0%	90%	10%	70%	30%
ПН	—	100%	0%	—	80%	20%

Таким образом, результаты эксперимента показали, что процесс редуkcии [ы] в современном русском языке усилился, захватив предударные слоги не только в корне слова, но и в приставке *вы-*. При этом можно выделить факторы, которые способствуют либо сохранению варианта [ы], либо появлению [э]. Суммируя наблюдения, можно назвать факторы как собственно фонетические, так и социолингвистические, влияющие на звуковое оформление приставки *вы-* во 2-м предударном слоге. Среди фонетических факторов выделяются сегментные: качество гласного в следующем за приставкой слоге и качество согласных, следующих за приставкой, и просодические: сильная или слабая фразовая позиция. К социолингвистическим факторам, влияющим на звуковое оформление приставки, можно отнести возрастные различия.

Возможность редуkcии гласного [ы] впервые была отмечена только в середине прошлого века. За 50–60 лет этот процесс настолько усилился, что распространился даже на приставку, часть слова, в которой гласные при определенных условиях могут нарушать законы качественной редуkcии. То, что процент таких нарушений нарастает от поколения к поколению, может свидетельствовать об усилении нейтрализационных процессов гласных фонем в современном русском языке.

Особенности нейтрализации гласных фонем /а/, /о/, /и/ в современном русском литературном языке

Известно, что фонемы /о/ и /а/ во втором предупредительном слоге после твердых согласных нейтрализуются, т. е. совпадают в звуке «шва» [э]: *в[б]ды — в[э]дяно́й, тр[á]вы — тр[э]вяно́й*. Традиционно считалось, что на месте фонемы /и/ в этой позиции после твердых согласных произносится звук [ы]: *д[ы]рка — д[ы]роко́л*. Однако многие лингвисты с середины XX в. отмечают, что вслед за неразличением в безударных слогах гласных /о/ и /а/ в нейтрализацию включается и гласная фонема /и/, т. е. становится возможным произнесение *д[э]роко́л*. Р. И. Аванесов такое произношение не рекомендовал [Аванесов 1956: 117–118, 120–121; 1984: 58–59], Л. Л. Буланин допускал его в разговорном стиле [Буланин 1970: 107], Л. Л. Касаткин считает, что оно возможно в беглой речи перед слогом с гласным неверхнего подъема, т. е. не перед [и], [ы], [у] [Касаткин 1999: 483–485; 2007: 357–358].

Последние наблюдения над спонтанной речью начала XXI в. позволяют предположить, что идет дальнейший процесс нейтрализации фонем /и/, /о/ и /а/ в позиции второго предупредительного слога после твердого согласного. Для изучения этого вопроса был проведен эксперимент, в котором участвовали двадцать информантов, москвичей во втором-третьем поколении, имеющих высшее образование, носителей нормативного произношения. Респондентам был предложен текст, содержащий пары слов, различающихся одной фонемой во втором предупредительном слоге.

Три пары слов различались фонемами /и/ и /о/:

былево́й (от *быль*, фонема /и/) — *болево́й* (от *боль*, фонема /о/),
дымово́й (от *дым*, фонема /и/) — *домово́й* (от *дом*, фонема /о/),
пылево́й (от *пыль*, фонема /и/) — *полево́й* (от *по́ле*, фонема /о/).

Две пары слов различались фонемами /и/ и /а/:

пыльцево́й (от *пыльца́*, фонема /и/) — *пальцево́й* (от *па́лец*, фонема /а/),

жирово́й (от *жир*, фонема /и/) — *жарово́й* (от *жар*, фонема /а/).

Фразы, предназначенные для прочтения, были составлены таким образом, чтобы каждое из вышеназванных слов стояло то в сильной, то в слабой фразовой позиции, (т. е. не под основным ударением во фразе). Например: *Я имею в виду разговор глухонемых, именно пальцевой разговор* (сильная фразовая позиция); *Кто-то знал пальцевой разговор глухонемых и показал остальным* (слабая фразовая позиция).

Информанты обоих полов были разделены на три возрастные группы: старшую — (60 лет и старше), среднюю (30–59 лет) и младшую (16–29 лет). Исследование проводилось как методом слухового анализа — аудитивно, так и инструментально с помощью компьютерной программы Praat⁴.

1. Реализация фонемы /и/

Выше отмечалось [Касаткин 1999: 483–485; 2007: 357–358], что произношение звука [э] на месте фонемы /и/ ранее было невозможно перед слогом с гласными верхнего подъема [и], [ы], [у]. Однако анализ экспериментальных данных показал, что не только *дымовой* может произноситься со [э]: *д[э]мовой*, но и слова, имеющие в первом предударном слоге гласный [и]: *был[и]вой*. В подобных словах есть условия для проявления межслоговой ассимиляции, т. е. уподобления по подъему гласного второго предударного слога гласному первого предударного слога, поэтому можно было бы ожидать произнесения *б[ы]л[и]вой*. Между тем, если в старшей возрастной группе слова *былевой*, *пылевой* в сильной фразовой позиции со [э] не произнес никто, то в средней и младшей возрастных группах такое произнесение выявлено.

Таблица 13. Произнесение слов *былевой* и *пылевой* в сильной фразовой позиции

	Старшая группа		Средняя группа		Младшая группа	
	[ы]	[э]	[ы]	[э]	[ы]	[э]
<i>былевой</i>	100%	0%	86%	14%	86%	14%
<i>пылевой</i>	100%	0%	86%	14%	86%	14%

В слабой фразовой позиции процент произнесений со [э] на месте фонемы /и/ за редким исключением возрастает.

Таблица 14. Произнесение слов *былевой* и *пылевой* в слабой фразовой позиции

	Старшая группа		Средняя группа		Младшая группа	
	[ы]	[э]	[ы]	[э]	[ы]	[э]
<i>былевой</i>	71%	29%	100%	0%	71%	29%
<i>пылевой</i>	57%	43%	71%	29%	71%	29%

⁴ Программа Praat, версия 4.3.16 [Boersma, Weenink 2005].

В слове же *дымовой*, перед слогом с гласным неверхнего подъема, процент произнесений со [э] практически не зависит ни от фразовой позиции, ни от возраста респондента: больше половины информантов произнесли это слово со шва. Интересно, что в слове *пальцевой* ни у кого из респондентов не зафиксировано ни одного случая произнесения со [э].

II. Реализация фонем /о/ и /а/

Обычно фонемы /о/ и /а/ во втором предударном слогe после твердых согласных реализуются в звуке [э]. Однако эксперимент позволил прийти к неожиданным выводам. Оказывается, на месте фонем /о/ и /а/ может произноситься звук [ы]. Он, естественно, чаще произносится перед слогом с гласными [и] или [ы]: в словах *болевой*, *полевой*, *пальцевой*. Так, в сильной фразовой позиции представители всех возрастных групп произнесли эти слова одинаково.

Таблица 15. Произнесение слов *болевой*, *полевой* и *пальцевой* в сильной фразовой позиции

	Старшая группа		Средняя группа		Младшая группа	
	[ы]	[э]	[ы]	[э]	[ы]	[э]
<i>болевой</i>	57%	43%	57%	43%	57%	43%
<i>полевой</i>	57%	43%	57%	43%	57%	43%
<i>пальцевой</i>	28%	72%	28%	72%	28%	72%

В слабой фразовой позиции результаты несколько отличаются.

Таблица 16. Произнесение слов *болевой*, *полевой* и *пальцевой* в слабой фразовой позиции

	Старшая группа		Средняя группа		Младшая группа	
	[ы]	[э]	[ы]	[э]	[ы]	[э]
<i>болевой</i>	28%	72%	43%	57%	28%	72%
<i>полевой</i>	57%	43%	43%	57%	28%	72%
<i>пальцевой</i>	28%	72%	57%	43%	43%	57%

Перед слогом с гласным неверхнего подъема процент таких произнесений ниже: в слове *домовой* в сильной позиции произнесли [ы] 14% респондентов всех возрастных групп. В слабой позиции произнесение *д[ы]мовой* (со звуком [ы] на месте фонемы /о/) зафиксиро-

вано у 14 % старшей группы, у 28 % средней. В младшей группе такое произношение не найдено.

Таким образом, данные проведенного эксперимента позволяют сделать выводы, что фонемы /а/, /о/ и /и/ во втором предударном слоге после твердых согласных могут нейтрализовываться не только в звуке [э], но, что явилось неожиданностью, и в звуке [ы]. Выбор конкретного звука зависит от ряда факторов:

1. Во-первых, представителем какой фонемы является звук второго предударного слога. При прочих равных условиях фонемы /о/ и /а/ поддерживают произнесение звука [э], а фонема /и/ — звука [ы].
2. Второй фактор — качество гласного в следующем слоге: наличие в первом предударном слоге гласных звуков [ы] или [и] способствует произнесению [ы].
3. Третий фактор — фразовая позиция. В слабой фразовой позиции возрастает процент произнесений [э] (наиболее нейтрального звука, образующегося в центральной части ротовой полости).
4. Достоверного влияния возраста респондента на выбор звука не установлено.

III. Реализация фонем /а/ и /и/ после твердого шипящего

Отдельно следует рассмотреть случаи, когда фонемы /а/ и /и/ находятся в позиции после твердого шипящего: слова *жаровой* и *жировой*.

В слове *жировой* на месте фонемы /и/ ожидалось произношение звуков [э] или [ы]: *ж[э]ровой* или *ж[ы]ровой*. Однако эксперимент показал, что возможны три варианта произношения: наряду с [ы] и [э] появляется звук [э], причем количество таких произнесений резко возрастает у младшего поколения.

Таблица 17. Произнесение слова *жировой* в сильной и слабой фразовых позициях

	Старшая группа			Средняя группа			Младшая группа		
	[ы]	[э]	[э]	[ы]	[э]	[э]	[ы]	[э]	[э]
<i>жировой</i>									
Сильная фразовая позиция	15%	57%	14%	—	57%	43%	28%	—	72%
Слабая фразовая позиция	15%	57%	14%	14%	72%	14%	14%	14%	57%

Здесь необходимо сказать о возможности четвертого варианта произношения: гласный звук может отсутствовать вовсе. При этом

функции слогообразующего элемента принимает на себя согласный: *ж[р]овой*. Такое произношение отмечено в 14% у старшей группы во всех фразовых позициях и в 15% у младшей группы в слабой фразовой позиции.

В слове *жаровой* фонема /а/ должна была бы реализовываться в звуке [э], как после любого другого твердого согласного звука. Однако и в этом случае мы находим три варианта произнесения: [э], [ы] и [э]: *ж[э]ровой*, *ж[ы]ровой* и *ж[э]ровой*. Правда, вариант *ж[э]ровой* встречается только у средней и младшей возрастных групп.

Таблица 18. Произнесение слова *жаровой* в сильной и слабой фразовых позициях

	Старшая группа			Средняя группа			Младшая группа		
	[ы]	[э]	[э]	[ы]	[э]	[э]	[ы]	[э]	[э]
<i>жаровой</i>									
Сильная фразовая позиция	14%	86%	—	—	72%	28%	—	43%	57%
Слабая фразовая позиция	28%	72%	—	—	72%	28%	—	43%	57%

Таким образом, фонемы /а/ и /и/ в словах *жаровой* и *жировой* по-разному нейтрализуются в речи респондентов разных возрастных групп: у старшего поколения в звуках [ы] и [э], а у среднего и младшего поколений — в [э] и [э]. Причем следует отметить резкое увеличение количества произнесений с [э] в речи молодежи. Появление [э] вместо [ы] и [э] может объясняться соседством со звуком [р], который, как известно, сильно увеличивает долготу предыдущего гласного. Л. В. Златоустова, исследовавшая длительность гласных в различных условиях, отмечала, что долгота гласного звука возрастает до максимальной величины при последующем сонанте, особенно [р], при этом, по ее данным, длительность гласных разного качества при прочих равных условиях неодинакова: [и] и [ы] оказываются значительно короче остальных гласных [Златоустова 1962: 38–42]. Л. В. Щерба звук [э] называл «неопределенным», «особо кратким», «стремящимся к абсолютному нулю гласным» [Щерба 1983: 99]. В свете приведенных данных можно рассматривать произнесение [э] перед [р] как замену краткого звука [э] более длительным [э]. Увеличение длительности гласного звука может вызывать прояснение его тембра при сохранении подъема.

Ниже приводится сравнительная таблица длительности гласных [э], [ы] и [э] второго предударного слога в позиции не перед звуком [р] и перед [р] у четырех респондентов младшей возрастной

группы. Данные, помещенные в таблице, позволяют увидеть, насколько гласный звук, находящийся перед [p], длительнее гласного звука, находящегося перед [m].

Таблица 19. Сравнительная таблица длительности гласных [э], [ы] и [э]

	Респ. № 1	Респ. № 2	Респ. № 3	Респ. № 4
<i>д[э]мовой</i>	25–33 м/с	25–38 м/с	21 м/с	27–39 м/с
<i>д[ы]мовой</i>	30 м/с	35–44 м/с	38–42 м/с	38 м/с
<i>ж[э]ровой</i>	55–62 м/с	—	—	—
<i>ж[ы]ровой</i>	42 м/с	53 м/с	—	—
<i>ж[э]ровой</i>	—	42–59 м/с	42–61 м/с	50–61 м/с

Таким образом, процесс дальнейшего углубления неразличения гласных фонем в современном литературном языке преподносит неожиданные, но закономерные сюрпризы. Оказывается, гласные фонемы идут на «взаимные уступки»: не только фонема /и/ может реализовываться звуком [э], но и фонемы /о/ и /а/ могут быть представлены звуком [ы].

3.3. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОИЗНОШЕНИИ ГРУПП СОГЛАСНЫХ (НА ПРИМЕРЕ СОЧЕТАНИЙ -НКТ-, -РКС-)

Введение

В современном русском литературном языке встречается немало количество сочетаний, состоящих из трех и более согласных звуков. Такие сочетания звуков предполагают несколько вариантов произнесения. Во-первых, обязательное произнесение всех согласных, как, например, в следующих словах с сочетанием -ств- — *естество, существо, царственный*; -ндр- — *кориандр, Андрей, палисандр*; -пст- — *обстоятельство, абстинентный, абстрактный, обстрел* и др. В русском языке существуют слова, в которых обязательными к произнесению являются четыре согласных подряд или даже пять, как в слове *бодрствовать*.

Второй вариант произношения группы согласных — обязательное выпадение одного из них. К таким сочетаниям относятся -лнц- — *солнце, солнцепек*; -рдц- — *сердце, сердцеед* и т. п.

Третья возможность — это произнесение сочетания как с упрощением группы согласных, так и с сохранением всех звуков. Именно эта группа характеризуется наличием орфоэпических вариантов, привлекает внимание лингвистов и требует кодификации. В русском литературном языке таких сочетаний множество. Так, в сочетании -стн- звук [т] может всегда утрачиваться (*честный, участник, шестнадцать*), а может иногда произноситься (*костный, челюстной*); в сочетаниях -stm- и -ктн- звук [т] может как произноситься, так и не произноситься (*астматический, пластмассовый, абстрактный, компактный*). Это лишь отдельные примеры, подробное описание вариантов упрощения групп согласных в разных сочетаниях содержится, например, в БОС [БОС 2012: 987–988]. Иногда орфоэпические рекомендации по произношению групп согласных снабжены описанием факторов, влияющих на выбор того или иного варианта. Так, Р. И. Авансов отмечал, что «книжность» слова предполагает полное произнесение сочетания согласных. Это характерно для со-

четания -здн-, которое произносится полно в словах *бездна*, *безмездный* и с утратой [д] в словах *поздно* и *звездный* [Аванесов 1984: 189]. Также, по мнению многих исследователей, произношение слов часто зависит от их лексического значения. Такое явление наблюдается в отношении слов *шотландка* и *голландка*. В значениях «тип ткани» и «печь» предлагается произносить звук [т], а в значении «национальность» — произносить без него. Очень подробно с точки зрения влияния различных факторов в БОСе описано сочетание -нтш-: в позиции после ударного гласного перед следующим гласным (перед которым может быть еще один согласный) [т] может произноситься и не произноситься (*адъютантша*, *комендантша*, *фабрикантша*), не произносится в слове *эндшпиль*; в позиции перед следующим ударным гласным не произносится в более частотных словах (*мундштук*), а в более редких словах может произноситься и не произноситься (*ландштурм*), не произносится между безударными гласными (*регентша*, *ландштурмист*).

Также попытка описания произношения трехбуквенных сочетаний -стк-, -здк-, -нтк-, -ндк- в зависимости от факторов фразового ударения и новизны слова для говорящего была предпринята Ж. В. Ганиевым, который на основе экспериментальных данных пришел к выводу о том, что слова, имеющие на себе фразовое ударение, чаще произносятся полно, как и слова редкие, книжные и официальные [Ганиев 1966: 95].

Такой подход, при котором не только обозначаются произносительные рекомендации, но и предпринимается попытка объяснения выбора того или иного орфоэпического варианта в зависимости от различных факторов, представляется современным и перспективным.

Важно отметить, что нормы литературного произношения имеют тенденцию к изменению, и «произношение групп согласных типа *стл*, *здн* не составляет исключения» [Терехова 1966: 79]. В работе 1966 года Т. Г. Терехова пишет, что за последние 40–50 лет наблюдается сдвиг в сторону побуквенного «книжного» произношения трехбуквенных сочетаний согласных, однако различные нормы подвергаются изменениям неодинаково [Терехова 1966: 80]. В данном разделе речь пойдет о современном произношении сочетаний -нкт- и -ркс-, которые мало описаны в лингвистической литературе, относятся к третьему из перечисленных выше типов сочетаний согласных и имеют произносительные варианты. Ниже будет представлено описание

данной нормы в научной литературе и орфоэпических словарях, проанализировано современное произношение сочетаний -нкт- и -ркс-носителями русского литературного языка с опорой на экспериментальные данные, обозначена зависимость выбора того или иного произносительного варианта от языковых (просодическая позиция, морфемный состав слова, длина слова, частотность употребления слова, отнесенность лексики к профессиональной или бытовой сфере употребления) и социолингвистических (возраст говорящего, ситуация общения) факторов.

Исследование вариантов произношения сочетаний -нкт- и -ркс-проводилось на расширенном языковом материале, изучалась не только тенденции произнесения имен нарицательных (*тинктура*, *конъюнктура*, *конъюнктивит*, *конъюнктива*, *сфинктер*, *адъюнкт-профессор*, *планктон*, *зоопланктон*; *марксист*, *марксизм*, *арксинус*, *оргсвязь*, *оргстекло*, *киборг-скорпион*) и частотных имен собственных с образованными от них прилагательными (*Санкт-Петербург*, *санкт-петербургский*, *петербургский*), но и некоторых достаточно редко употребляемых собственных имен (*Санкт-Мориц*, *Санкт-Антон-ам-Арльберг*, *Марк-Спенсер*).

Кодификация произношения сочетания -нкт- в научной литературе и орфоэпических словарях

В статье Т. Г. Тереховой «Произношение трех согласных в современном русском литературном языке» [Терехова 1966: 72] и в разделе книги Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» [Аванесов 1984: 189–194], посвященном сочетаниям с непроемными согласными, сочетание -нкт- не описано. Т. Г. Терехова лишь отмечает, что сочетание трехзначной группы сонорный + взрывной + взрывной является возможной в русском языке [Терехова 1966: 76]. Л. Л. Касаткин, говоря о произношении заднеязычного взрывного между согласными, отмечает, что слово *планктон* произносится только с [к], а в слове *Санкт-Петербург* может не произноситься [к] или сочетание -кт- [Касаткин 2006: 201].

В орфоэпическом словаре под редакцией Р. И. Аванесова в отношении сочетания -нкт- наблюдается следующая картина: слово *тинктура* не снабжено никакими пометами, кроме ударения [ОС 1989: 566], по поводу произношения группы согласных в словах *конъюнктура* и *конъюнктивит* ничего не сказано, следовательно, предполагается произношение, тождественное написанию, без упрощения группы согласных — таковы правила данного словаря. Аналогичная ситуация

с существительным *адъюнкт-профессор* и словами *планктон* [ОС 1989: 381] и *зоопланктон* [ОС 1989: 175], которые также даны без помет о возможном упрощении групп согласных.

В БОСе рекомендуется произносить слова с сочетаниями согласных -нкт- следующим образом: для прилагательного *санкт-петербургский* как равноправные даны следующие варианты: *са[нкт]-петербургский*, *са[нт]-петербургский*, *са[н]-петербургский* [БОС 2012: 718], сочетание -нкт- в слове *конъюнктура*, видимо, предлагается произносить без упрощения, хотя для слова *конъюнктуристик* предложен вариант *конъю[к]туристик* с пометой *в беглой речи возможно* [БОС 2012: 312]. Для существительного *конъюнктива* дается вариант *конъю[нк]тива*, с пометой *в беглой речи возможно конъю[н]тива*, а для слова *конъюнктивит* вариант *конъю[нк]тивит* с пометой *в беглой речи возможно конъю[к]тивит* [БОС 2012: 312]. Для произнесения слов *сфинктер* и *адъюнкт-профессор* проблема произнесения группы согласных специально не затронута [БОС 2012: 816, 13], следовательно, упрощения группы согласных не предполагается. Для слов *планктон* и *зоопланктон* дается полный вариант произнесения с пометами *в беглой речи возможно*, *пла[нт]он* и *зоопла[нт]он* соответственно [БОС 2012: 539, 250].

Редких имен собственных *Санкт-Мориц* и *Санкт-Антон-ам-Альберг* научная литература не описывает, и словари не содержат.

Кодификация произношения сочетания -ркс- в научной литературе и орфоэпических словарях

В книге Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение», как и в статье Т. Г. Тереховой [Терехова 1966: 72–85] сочетание согласных -ркс- не описано. Л. Л. Касаткин отмечает, что в слове *петербургский* [к] может как произноситься, так и не произноситься, в отличие, например, от прилагательного *марксистский*, в котором [к] всегда произносится [Касаткин 2006: 201].

В орфоэпическом словаре под редакцией Р. И. Аванесова для прилагательного *петербургский* норма обозначена как *петербу[рс]кий* [ОС 1989: 377]. В словах *марксизм* и *марксист*, согласно словарю, возможно только полное произношение группы согласных -ркс- [ОС 1989: 245].

Остальных слов, описываемых в данном разделе, словарь Р. И. Аванесова не содержит.

В БОСе рекомендуется произносить слова с сочетаниями согласных -ркс- следующим образом: для прилагательного *санкт-петер-*

бургский как равноправные даны следующие варианты: *са[н]-петербургский*; *санкт-петербу[рс]кий* и *санкт-петербу[ркс]кий* [БОС 2012: 718].

Для прилагательного *петербургский* норма обозначена как *петербу[рс]кий* и *допуст. петербу[ркс]кий* [БОС 2012: 532] в отличие от слова *санкт-петербургский*, в котором данные варианты признаются равноправными. Слова *марксизм* и *марксист* рекомендуется произносить без упрощения *ма[рк]сизм* и *ма[рк]сист* соответственно [БОС 2012: 364]. Существительное *оргстекло* также предполагается произносить полно [БОС 2012: 471].

Слова *арксинус*, *оргсвязь*, *киборг-скорпион*, *Марк-Спенсер* по разным причинам нигде не описаны.

Экспериментальное исследование произношения сочетаний -нкт- и -ркс-

Для изучения современного произношения сочетаний -нкт- и -ркс- был проведен эксперимент. Было опрошено по 20 человек, разделенных на две возрастные группы: младшую — до 45 лет включительно и старшую — от 46 лет и старше — с целью проследить динамику произносительной нормы. Респондентам — носителям русского литературного языка (жителям Московского региона во втором-третьем поколении с высшим образованием) предлагались к прочтению специально составленные тексты, в которых в разных контекстах были включены следующие слова: *Санкт-Петербург*, *санкт-петербургский*, *Санкт-Мориц*, *Санкт-Антон-ам-Арльберг*, *тинктура*, *конъюнктура*, *конъюнктивит*, *конъюнктива*, *сфинктер*, *адъюнкт-профессор*, *планктон*, *зоопланктон*, *петербургский*, *марксист*, *марксизм*, *арксинус*, *оргсвязь*, *оргстекло*, *киборг-скорпио*, *Марк-Спенсер*. Прочитанные респондентами тексты были записаны на диктофон, а звуковые файлы в дальнейшем прослушивались и параллельно анализировались при помощи программы Praat 6-0-33.

Данные, полученные в результате эксперимента, сопоставлялись с рекомендациями орфоэпических словарей, произнесением исследуемых сочетаний согласных в публичной речи.

Описание полученных результатов описывается ниже «пословно», поскольку норма произношения групп согласных имеет высокую степень лексикализованности. Например, Р. И. Аванесов отмечал, что в некоторых сочетаниях, в частности *стл*, полное или упрощенное произношение определяется в словарном порядке [Аванесов 1958: 119].

Сочетание -нкт-

В словах *Санкт-Петербург* и *санкт-петербургский* сочетание -нкт- чаще всего упрощается до одного звука [н], причем как в слабой просодической позиции, так и в сильной. Под сильной позицией понимается акцентное выделение слова, которое устанавливает в тексте определенные информационные маркеры, среди которых могут быть противопоставление, усиление отрицания, субъективная оценка и т. п. (ср. «Сегодня в Санкт-петербургской филармонии очень интересный концерт: исполняют сюиты Иоганна Себастьяна Баха и концерт Петра Ильича Чайковского» и «Я принципиально не покупаю московский шоколад — только **санкт-петербургский!**»). Следует заметить, что упрощение до одного звука [н] несколько чаще встречается у младшей возрастной группы — в слове *санкт-петербургский* в слабой просодической позиции 70% у младших против 50% у старших, в сильной — равенство (60%) в обеих возрастных группах; в слове *Санкт-Петербург* в слабой позиции у младших 70% против 30% у старших, в сильной — 80% у младших против 40% у старших.

Кроме того, в данных словах фиксируется немалое количество произнесений сочетания -нк-, не отраженного в орфоэпических словарях (для слова *санкт-петербургский* в младшей возрастной группе 10% и 30% в слабой и сильной позиции соответственно, в старшей — 40% и 30% соответственно; для слова *Санкт-Петербург* в младшей возрастной группе — идентичные результаты, как и в прилагательном, 10% и 30%, в старшей возрастной группе — 50% в слабой позиции и 40% в сильной), причем процент такого упрощения значительно выше, чем упрощения -нт- (в младшей возрастной группе такого произнесения в результате эксперимента не было зафиксировано вовсе, в старшей — только в слове *Санкт-Петербург*, 20% в слабой позиции и 10% в сильной), отраженного в БОСе. Тенденция к полному произнесению сочетания -нкт- чрезвычайно слаба: количество таких произнесений колеблется в пределах 10–20% вне зависимости от возраста респондентов и просодической позиции. Полученные результаты, заключающиеся в стремлении максимально упростить сочетание согласных, в данном случае можно объяснить большой частотностью употребления описанных слов.

Для имени собственного *Санкт-Мориц* наиболее явно прослеживается зависимость от позиции просодического выделения. Так, в ситуации акцентного выделения произнесение без упрощения группы согласных предпочли 70% респондентов младшей группы и 60%

старшей. Соответственно, в слабой позиции наблюдалось только 30 и 40% полных произнесений соответственно. Заметим, что в случае с Санкт-Морицем упрощенный вариант -нт- наблюдался несколько чаще (у младших — 60% в слабой позиции и 20% в сильной, у старших — 20% в слабой и 30% в сильной), чем в случае с Санкт-Петербургом, а -нк- — реже (у младших — 10% как в сильной, так и слабой позиции, у старших — 40% в слабой и 10% в сильной).

На произнесение топонима *Санкт-Антон-ам-Арльберг* фразовая позиция, как и в случае с Санкт-Петербургом, значительного влияния не оказала. Нужно отметить, что, несмотря на тот факт, что слово не только длинное и состоящее из нескольких частей, но и для абсолютного большинства респондентов — новое и неупотребительное, и ожидалось исключительно побуквенное произношение, число разных вариантов упрощения группы согласных также присутствовало, особенно в старшей возрастной группе (в слабой позиции 30% упростили до сочетания -нк-, и по 10% до сочетания -нт и звука [н], в сильной позиции 20% — -нк- и также по 10% -нт- и [н]). В младшей возрастной группе в слабой позиции упрощения до одного звука [н] не наблюдалось, до сочетания -нт- как в слабой позиции, так и в сильной упростили 20% респондентов, до сочетания -нк- — по 10% как в слабой позиции, так и в сильной. Присутствие упрощенных вариантов в столь неупотребительном слове можно объяснить его значительной длиной и «знакомой» первой частью, на произношение которой, возможно, в некоторой степени действует аналогия со словом *Санкт-Петербург*. Что касается полного произнесения -нкт-, то его в слабой позиции предпочли 70% респондентов младшего возраста и 50% старшего, а в сильной — 70% младших и 60% старших.

Слово *адъюнкт-профессор* предлагалось произнести респондентам не только в контекстах разного просодического выделения, но и повторно в рамках небольшого текста. И если процент полного произнесения в сильной и слабой позиции отличается не сильно (90% и 70%; в младшей возрастной группе и 90% и 80% в старшей), то при повторном употреблении слова случаев редукции становится значительно больше (-нкт- произносят уже только 50% младших и 40% старших).

В словах *тинктура*, *планктон* и *сфинктер*, согласно данным эксперимента, упрощения групп согласных не наблюдается, в слове *зоопланктон* — крайне редко: 20% опрошенных в старшей возрастной группе и 10% в младшей упрощают сочетание до -нт-.

В отдельную группу можно выделить слова *конъюнктура*, *конъюнктивит* и *конъюнктива*. Здесь имеем распределение полного и упрощенного произнесения группы согласных примерно 50% на 50% (в старшей группе слово *конъюнктура* полно произнесли 50% респондентов, *конъю*[кт]ура — 40%, *конъю*[нт]ура — 10%, в младшей — полно произнесли 50% респондентов, *конъю*[кт]ура — 50%; слово *конъюнктивит* полно произнесли 40% респондентов старшей группы, *конъю*[кт']ивит — 50%, *конъю*[нт']ивит — 10%, в младшей — полное произнесение предпочли 50% и 50% произнесли *конъю*[кт']ивит; при произношении слова *конъюнктива* 50% респондентов старшей возрастной группы отдали предпочтение полному произнесению и 50% упростили до варианта *конъю*[кт']ива, в младшей — идентично). Результаты показывают, что в данных словах преимущественно происходит выпадение сонорного [н], а не взрывного [к]. Невозможность выпадения [т] обусловлена тем, что за ним следует гласный звук.

Сочетание -ркс-

В сочетании -ркс- эксперимент показал меньшую значительно меньшую вариативность. В прилагательных *санкт-петербургский* и *петербургский* в большинстве случаев вне зависимости от фразовой позиции респонденты упрощали группу согласных до -рс-, наблюдался лишь один случай произнесения -ркс-. Заметим, что опрашиваемым предлагался к прочтению орфографический вариант *петербургский*, в связи с чем произношений *петербу*[ршс]кий зафиксировано не было.

В словах *оргсвязь*, *оргстекло* и *арксинус* упрощение групп согласных не происходит, 100% респондентов произнесли вариант -ркс- так же, как и в словах *марксист* и *марксизм*, в которых, за исключением одного случая, зафиксировано произнесение -ркс-.

Представляется, что такое отличие связано с морфемным составом слова. На стыке корня и суффикса, как в прилагательном *петербургский*, сочетание упрощается, а на стыке двух корней (*о*[ркс]в*язь*, *о*[ркс]т*екло*) и внутри одного корня (*ма*[ркс']*ист* и *ма*[ркс']*изм*) — нет. Еще одним фактором может являться длина слова: в более длинных словах с большей вероятностью можно ожидать упрощения группы согласных. В сложных словах *киборг-скорпион* и *Марк-Спенсер* сочетание не только не упрощается, но и часто произносится с паузой -ркс-.

Заключительные замечания

Проведенные эксперименты позволили обозначить некоторые современные тенденции в произношении групп согласных с упрощением в сочетаниях -нкт- и -ркс-. Заметим, что несмотря на некоторую «искусственность» условий эксперимента — респонденты читали написанные тексты, которые были специально составлены — их результаты не противоречат тем вариантам, которые удавалось отслеживать в быту и выступлениях на радио и телевидении. Так, например, в публичных речах президента РФ В. В. Путина в слове *Санкт-Петербург* неоднократно наблюдается упрощение до [н], а в слове *петербургский* — до -рс-).

Результаты эксперимента показали, какие факторы являются значимыми при выборе того или иного варианта произнесения сочетаний -нкт- и -ркс-, причем в разных словах основное влияние могут оказывать разные факторы. Таким образом, при принятии кодификационных решений в области произношения групп согласных необходимо точно изучать каждый отдельный случай, а не стремиться создать общее правило для всех слов с одинаковой группой согласных.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1956 — *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов 1958 — *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М.: Учпедгиз, 1958.
- Аванесов 1984 — *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1984.
- БОС 2012 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.
- БОС 2017 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М., 2017.
- Буланин 1970 — *Буланин Л. Л.* Фонетика современного русского языка. М., 1970.
- Ганиев 1966 — *Ганиев Ж. В.* О произношении сочетаний -стк-, -зdk-, -нтк-, -ндк- // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 85–96.

- Гвоздев 1967 — *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. Ч. I. 3-е изд. М., 1967.
- Еськова 2014 — *Еськова Н. А.* Словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. М., 2014.
- Златоустова 1962 — *Златоустова Л. В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
- Каленчук, Касаткина 1997 — *Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф.* Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.
- Каленчук, Касаткина 1999 — *Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф.* Особенности звукового оформления русских приставок // *Russian Linguistics*. 1999. Vol. 23. P. 1–9.
- Касаткин 1971 — *Касаткин Л. Л.* Новая ступень в развитии системы гласных русского языка // Развитие фонетики современного русского языка (фонологические подсистемы). М., 1971.
- Касаткин 1982 — *Касаткин Л. Л.* Фонетика // Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. М., 1982.
- Касаткин 1989 — *Касаткин Л. Л.* Чередование гласных после [ш, ж, ц] в русском литературном языке // Вопросы фонологии в аспекте русского языка как иностранного: Доклады. Материалы I Международного симпозиума МАПРЯЛ. М.: Наука, 1989. С. 39–45.
- Касаткин 1999 — *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 2001a — *Касаткин Л. Л.* Фонетика и орфоэпия // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. / Под ред. Е.И. Дибровой. Ч. 1. М., 2001.
- Касаткин 2001б — *Касаткин Л. Л.* Фонетика. Орфоэпия // Русский язык / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2001.
- Касаткин 2003 — *Касаткин Л. Л.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003.
- Касаткин 2006 — *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика. М., 2003.
- Касаткин 2007 — *Касаткин Л. Л.* Заметки по русской орфоэпии // Проблемы фонетики V / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2007. С. 344–365.
- Касаткин 2014 — *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык: Фонетика. М.: Академия, 2014.
- ОС 1989 — Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под ред. Р. И. Аванесова. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Рус. яз., 1989.
- ОС 1999 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. 6-е изд. М., 1999.

- Панов 1967 — *Панов М. В.* Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967.
- РЯДМО — *Русский язык по данным массового обследования* / Под ред. Л. П. Крысина. М., 1974.
- РЯиСО — *Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование*. Кн. 1–4 / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.
- Пауфошима 1980 — *Пауфошима Р. Ф.* Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные процессы безударных гласных) // Известия ОЛЯ Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1980. Т. 39. № 1. С. 61–69.
- Терехова 1966 — *Терехова Т. Г.* Произношение сочетаний трех согласных в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 72–85.
- Щерба 1983 — *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983.

ГЛАВА IV. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ *УЗУС — НОРМА — СИСТЕМА* В ДИАЛЕКТНОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Т. Н. Коробейникова

Е. В. Корпечкова

Д. М. Савинов

I. О терминах «норма», «узус», «система» в диалектной речи

1. Как известно, помимо русского литературного языка, единого для всех говорящих по-русски, существуют и другие разновидности русского языка, ограниченные определенной социальной средой (профессиональная речь, жаргон) или территорией (диалекты). Диалекты наряду с литературным языком являются основными разновидностями русского национального языка, но во многом они противопоставлены друг другу. Различия между диалектами и литературным языком заключаются не только в надтерриториальном характере последнего, но и в том, что «литературный язык имеет строго обязательные нормы, которые отражены в учебниках по русскому языку, поддерживаются словарями и другими справочными изданиями <...> Нормы диалектов не отличаются такой строгостью и поддерживаются только традицией» [Касаткин (ред.) 2012: 6].

Соотношение нормы и речевого узуса в русском языке не раз становилось объектом рассмотрения лингвистов: эту проблему поднимали многие ученые начиная с первой половины XX в. (см. подробнее главу 1, а также [Горбачевич 1971]). Однако само понятие «норма» трактовалось учеными неоднозначно. Существует узкое и широкое понимание этого термина. Большинство авторов трактуют норму как «совокупность явлений, разрешенных системой языка, отраженных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени» [Вербицкая 2001: 15]. При таком подходе понятие «норма» обычно «неразрывно связано с понятием литературного языка. Литературный язык и называют часто языком нормированным» [Беликов, Крысин 2001: 24]. Именно поэтому многие отечественные лингвисты

(Л. А. Вербицкая, К. С. Горбачевич, Л. К. Граудина, Л. И. Скворцов, Е. Н. Ширяев и мн. др.) при определении языковой нормы предпочитают говорить именно о литературном языке, то есть используют этот термин в узком смысле. И это неслучайно: только в литературном языке «норма является категорией осознанной и фиксированной в общеобязательных правилах» [Граудина 1998: 32].

Кодификация для литературного языка чрезвычайно важна, потому что, имея, как правило, императивный характер, она обеспечивает большую устойчивость нормы, предотвращает ее стихийное изменение. «Территориальные диалекты, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации, поэтому к ним не применимо понятие нормы в узком смысле этого термина» [Крысин 2017: 22].

Однако существует и другой подход к определению термина «норма»: в широком смысле норма — «это стихийно сложившиеся в узусе способы речи, характеризующие данную разновидность языка» [Шмелев 2020: 398]. В этом случае термин «норма» может быть применен и к другим разновидностям национального языка, в частности к диалектам. Подобный подход к понятию «норма» восходит к идеям Пражского лингвистического кружка. Так, Б. Гавранек рассматривал норму как явление, присущее абсолютно любой языковой системе: «Народный язык определенного географического или классового целого (местные и социальные диалекты) также имеет свою собственную норму, то есть комплекс грамматических и лексических регулярно употребляемых средств (структурных и неструктурных)». При этом отклонения от этого комплекса воспринимаются носителями конкретной языковой подсистемы «как нечто ненормальное, как отступление от нормы» [Гавранек 1960: 339–440].

Таким образом, в диалектных подсистемах национального языка функционируют узуальные нормы: эти «нелитературные» нормы состоят из общепринятых, устоявшихся способов использования местной языковой системы, они не фиксируются письменно и не кодифицируются. В диалектах узус, представляющий собой совокупность реальных употреблений языка, по сути равен норме: «Получается, что применительно к некодифицированным сферам языка мы можем употреблять термины “узус” и “норма” безразлично: то, как принято говорить, скажем, на данном диалекте, это языковой обычай, узус, но это и диалектная норма, отличающая его от других диалектов» [Крысин 2017: 22]. В литературном языке узус и норма в разные периоды времени могут соотноситься по-разному, но обычно

полностью никогда не совпадают: узус практически всегда оказывается шире нормы.

Нормы, принятые в конкретной диалектной системе, могут по-разному соотноситься с соответствующим литературным стандартом. Во многих случаях в диалектной речи можно обнаружить такие языковые нормы, которые уже вышли из употребления в литературной системе: «Отдельные частные диалектные системы, равно как соотносительные, территориально варьирующиеся элементы их структуры <...>, выстроенные в один ряд, сосуществуя на территории, в то же время представляют собой именно историю языка в ее пространственной проекции» [Аванесов (ред.) 1964: 24]. В качестве примеров подобных отличий можно привести сохранение в части диалектных систем особой формы /ѣ/, противопоставленной /е/; отсутствие в севернорусских говорах нейтрализации фонем /о/ и /а/ в безударных слогах; наличие в части говоров еканья (эканья), которое исчезло в литературном языке еще в середине XX в., и др. (см. подробнее [Касаткин 1999: 21–24]).

Однако далеко не всегда диалекты «сохраняют устаревшие языковые особенности, характеризующие период, предшествующий созданию литературного общенационального языка» [Вербицкая 2001: 9]. Иногда диалектная норма является инновацией по отношению к соответствующему явлению литературного идиома, сохраняющего более архаическое языковое состояние. Это происходит потому, что диалекты некодифицированы, и их развитие не сдерживается рамками правил и предписаний, как в литературном языке.

Например, во многих русских акающих говорах наблюдается системное включение в структуру неразличения безударных гласных фонем /у/ и /и/, находящихся в безударных слогах (кроме 1-го предударного) после твердых согласных: *кэкуру́за, сэндук'и́, мэжык'и́, хва́ртэ́к* (фартук), *за́мэш, о́тпэ́ск; сэнави́я, рэ́бак'и́, вэ́сакó, у н'эхтэ́рэх* (у некоторых), *с кра́сна́м'и, вырэ́л* и т. д. [Касаткин 1999: 483–484]. В литературном языке также отмечается качественная редукция фонем /у/ и /и/ в этой позиции, подробнее см. параграф 3.2, а также [Лихтман 1999; Касаткин 2014: 201–203; Скачедубова 2014], однако редуцированный гласный фиксируется здесь только в отдельных словах, а его появление зависит от определенных сегментных или просодических факторов (положение по отношению к ударению, качество гласного в следующем/предыдущем слоге, сильная-слабая просодическая позиция и др.). В некоторых орфоэпических источниках подобное произношение не признается нормативным (напри-

мер, Р. И. Аванесов не рекомендует произношение [ъ] на месте /и/ и /у/ типа «[пѣл'цы^эвѣ] (*пальцевой* и *пыльцевой*) [бѣрлѣвѣ] (*боровой* и *буровой*), [ф-стѣрѣи] и [к-стѣрѣм] (*к старым*)» [Аванесов 1984: 59]]. Кроме того, сами качественные изменения гласных, реализующих фонемы /и/ и /у/ в безударных слогах, в русском литературном языке «нерегулярны и слабо выражены» [Вербицкая 2001: 73].

2. Такой подход, при котором норма рассматривается как категория собственно лингвистическая, свойственная любой языковой системе (в том числе и диалектам), имеет в настоящее время достаточно широкое распространение, см. [Загоровская 2011: 99–101]. При этом диалектная норма, в отличие от литературного стандарта, не культивируется, она развивается стихийно, характеризуется широтой и большей динамичностью. Она представляет собой «единство реализованных возможностей системы», формирующих ее в «нечто единое и самодовлеющее» [Оссовецкий 1982: 65–66].

Диалектная норма в изложенном выше понимании является важным фактором, определяющим целостность территориального диалекта и его системность: тот или иной языковой элемент может быть определен как часть системы только в контексте его узального применения, с учетом статистики его конкретных употреблений в речи диалектоносителей. Таким образом, при описании диалектных систем на первый план выходит не соотношение «норма — узус» (как в литературном языке), а соотношение «узус (= норма) — система».

Впрочем, приведенные во второй главе многочисленные примеры несовпадения системных возможностей литературного языка, нормативных предписаний и речевой практики (узуса) убеждают в том, что и для русского литературного языка «полезно различать <...> три сущности: систему, норму и узус» [Крысин 2017: 22–23]. Узус здесь предстает своеобразным ограничителем употребления тех или иных языковых единиц и не может претендовать на полную реализацию потенциала языковой системы (антиномия узуса и возможностей языковой системы впервые сформулирована М. В. Пановым в коллективной монографии «Русский язык и советское общество» [РЯиСО, кн. 1: 25]). В литературном языке не только понятие «узус» всегда шире понятия «норма», но и возможности языковой системы всегда шире речевого узуса. Таким образом, система воздействует на узус, а норма уже обновляется через узальные инновации.

Для диалекта проблема соотношения узуса и языковой системы имеет важное значение: определение параметров конкретной частной диалектной системы обязательно предполагает адекватную

структурную интерпретацию конкретных речевых фактов, определение внутренней обусловленности и взаимосвязанности всех языковых элементов. Причем подобный анализ должен учитывать все элементы соответствующей системы (или подсистемы). Отсутствие комплексного исследования, описание лишь отдельных звеньев системы значительно снижают надежность полученных выводов, а полученный результат (описание гипотетической частной диалектной системы или ее части) может не соответствовать реальной картине, представленной в конкретном диалектном узусе.

Особенно остро проблема соотношения узуса и системы стоит при исследовании и описании систем ударного вокализма в архаических русских говорах, где сохраняется различие семи гласных фонем: отмечается четыре фонемы некрайних подъемов /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/.

Сегодня семифонемный вокализм — реликтовая диалектная черта. Усиливающееся влияние литературной нормы, а также продуктивные тенденции языкового развития (упрощение системы гласных) приводят к утверждению во многих локальных системах пятифонемного состава вокализма. Ареал говоров, сохраняющих наследие древнерусского вокализма — противопоставление /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/ не имеет достаточно четких очертаний [ДАРЯ 1986: карты 40, 42], а сами архаические системы ударного вокализма обычно «встречаются только на разных ступенях деградации, в смешении с такими системами, где шестая и седьмая фонемы отсутствуют» [Высотский 1967: 14].

Однако памятники письменности свидетельствуют о том, что многие русские диалектные системы имели в прошлом семифонемную модель вокализма; она отмечена в некоторых рукописях XVII в., имеющих различное территориальное происхождение [Котков 1963: 28–52; Сидоров 1969: 24–32; Галинская 2002]. На это же указывают и материалы современных говоров: так, более чем в половине текстов, приведенных в севернорусской и южнорусской звучащих хрестоматиях [Касаткина (ред.) 1991; Касаткина (ред.) 1999], представлен семифонемный вокализм или следы его бывшего существования.

Широкое распространение в южнорусском наречии /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/ подтверждается также косвенными данными. Некоторые системы яканья, сочетающиеся с пятифонемным вокализмом, могут сохранять в 1-м предударном слого противопоставление [и] ~ [а] перед ударными [о] и [е] в зависимости от их этимологии. И хотя появление в этой позиции определенного звукотипа уже не обусловлено качеством гласного под ударением, эта зависимость реализуется

опосредованно, как модель произношения определенных слов или грамматических категорий, что характерно для некоторых типов диссимилиативного, умеренно-диссимилиативного, ассимилятивно-диссимилиативного и диссимилиативно-умеренного яканья (подробнее см. [Савинов 2013: главы 4, 5, 6]).

Структурная интерпретация конкретной архаической системы вокализма зачастую оказывается осложнена тем фактом, что в современных русских диалектах, даже в наиболее архаичных, семифонемная система вокализма никогда не бывает представлена в «идеальном» виде, с последовательным распределением отличающихся друг от друга звукотипов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов. «Характерной особенностью современного состояния говоров русского языка является почти полное отсутствие так называемых “чистых” систем, таких, в которых не проявлялись бы одновременно элементы какой-то другой системы <...>. Иными словами, на современном этапе развития говоров мы имеем дело с различными формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора» [РЯиСО, кн. 4: 189]; они функционируют в одном языковом пространстве и образуют в совокупности «одну сложную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов» [Касаткин 2017: 14].

Очевидно, что узус (норма) в этом случае конкретизируется в комплексе относительно равноправных вариантов. Соотношение между частотностью и дистрибуцией этих вариантов может быть различным, а их появление зависит как от экстралингвистических факторов, так и от факторов собственно языковых. Далеко не всегда один из членов соотносительной пары соответствует литературной норме: существование звуковых вариантов, которые воплощают одну и ту же языковую единицу, в ряде случаев обусловлено общим вектором языкового развития, имеющего диалектную специфику.

Так, не всегда можно однозначно интерпретировать разнообразие гласных образований на месте этимологических /ѣ/ и /ѡ/, /е/ и /о/, фиксируемых в различных диалектных системах. **Во-первых**, звуки [ӣе], [е], [е] и [ѡ̄], [q], [o] в соответствии с фонемами верхне-среднего подъема «могут быть соотнесены и с одной фонологической системой, где вокалическая вариативность может быть объяснена различиями во фразовых позициях, и с различными фонологическими системами — архаической и новой», где реализации /ѣ/ и /ѡ/ как [е] и [o] представляют новую систему, в то время как [ӣе], [е], [ѡ̄], [q] — «остатки архаических отношений, и должны быть рас-

смотрены в рамках более сложной, чем новая, системы вокализма» [Касаткина (ред.) 1991: 19–20].

В этом случае выявление звукотипов на месте фонем некрайних подъемов и их адекватная интерпретация могут производиться только на статистически значимом материале, собранном в разных возрастных группах, и учитывать качество реализаций всех фонем некрайних подъемов: не только /ъ/ и /ω/, но также и /е/ и /о/. Однако в большинстве диалектологических работ, включая исследования фонетической тематики, авторы, фиксируя особые реализации фонем верхне-среднего подъема, не обращают внимания на аллофоны /о/ и /е/. Подобный подход снижает достоверность общих фонологических построений авторов, приводит к ошибочным выводам относительно устройства вокалической системы в целом.

Например, в звучащей хрестоматии «Вятские говоры» утверждается, что говору д. Южаки Верхнекамского р-на Кировской обл. «присущ семифонемный состав гласных». Фонема /ъ/ перед твердыми согласными реализуется в гласном верхне-среднего подъема [e] [Мошкина 1999: 92]. Однако комплексный анализ, проведенный Т. Н. Коробейниковой и основанный на статистически значимом материале, показал, что в местном говоре отсутствует противопоставление /ъ/ и /е/, а различные звукотипы, ранее представлявшие одну из этих фонем, в синхронной системе вокализма стали аллофонами новой «обобщенной» фонемы /е/ [Коробейникова 2015: 310], подробнее см. параграф III настоящей главы.

Во-вторых, широкое распространение в каком-либо говоре звукотипов [ɔ], [e] или [ɔ], [e] вовсе не доказывает наличия в нем семи гласных фонем: известны такие пятифонемные системы вокализма, для которых характерна локализация гласных, реализующих фонемы /о/ и /е/, в зонах верхне-среднего или средне-нижнего подъемов [Высотский 1967: 72–74]. Подобная особенность отмечается в различных диалектных группах северного [Касаткина (ред.) 1991: 174] и южного [Касаткина (ред.) 1999: 137] наречий и нередко также становится «источником неверной интерпретации фонологических отношений в звуковом строе говора» [Высотский 1978: 94].

В-третьих, иногда варианты, образующиеся на разных уровнях подъема, могут находиться в отношении свободного варьирования, что также препятствует трактовке подобной вокалической системы как семифонемной. Указанная особенность отмечена, например, в одном северо-западном говоре, где фонема /о/ может реализоваться целой гаммой различных гласных: [ɔ], [o], [ɔ] (значение F₁ у ал-

лофонов /o/ варьирует от 390 до 700 Гц): *мол[ɔ̣]денька, помол[ɔ̣]же, поб[ɔ̣]льше, в восьм[ɔ̣]м, ф[ɔ̣]кин, больш[ɔ̣]й* (м. р.), *выс[ɔ̣]кая, б[ɔ̣]льше, друг[ɔ̣]го, дом[ɔ̣]в, на Гд[ɔ̣]в, зав[ɔ̣]т, хорош[ɔ̣]; больш[ɔ̣]й* (м. р.), *гр[ɔ̣]б, э[ɔ̣]да, пятис[ɔ̣]тки, городск[ɔ̣]й* (м. р.), *круг[ɔ̣]м, друг[ɔ̣]й д[ɔ̣]м, как[ɔ̣]й э[ɔ̣]ть, в кард[ɔ̣]не, ваг[ɔ̣]н, телеф[ɔ̣]нка* ‘телефонный завод’, подробнее см. [Савинов 2013: 78–79].

Выбор конкретного звукотипа в описанной системе не обусловлен ни языковыми, ни социолингвистическими факторами, а использование вариантов невозможно каким-либо образом предсказать при тех или иных обстоятельствах. Только комплексный анализ дистрибуции элементов языковой структуры способен определить взаимосвязь между качеством «некрайних» гласных и их функциональной значимостью в вокалической системе конкретного идиома.

3. Противопоставление /ɤ/ ~ /e/, /ω/ ~ /o/ — оппозиция фонологическая, а потому оно должно обязательно *восприниматься* и достаточно последовательно *воспроизводиться*. В реестр фонем может быть включен только стабильный элемент языковой системы, когда «предполагаемая фонема, будучи в составе определенных словоформ, в своей сильной позиции представлена звуком особого тембрального качества, отличного от реализации всех остальных фонем в тождественных позиционных условиях» [Высотский 1977б: 38]. Антропофоническое проявление тенденции к максимальной дифференциации фонем «заключается в требовании более четкого произношения, воспроизведения именно тех физических характеристик, с помощью которых дифференцируются, различаются данные фонемы» [Журавлев 1986: 155–156].

Следует отметить, что утрата противопоставления /ɤ/ ~ /e/, /ω/ ~ /o/ обычно происходит за счет постепенного распространения открывающихся дифтонгических образований на месте фонем /e/ и /o/, схожих с аллофонами фонем /ɤ/ и /ω/. Развитие этих процессов приводит к становлению пятифонемной системы вокализма, сохраняющей лишь отдельные следы противопоставления /ɤ/ ~ /e/ и /ω/ ~ /o/. Непоследовательность в реализации этого противопоставления, а также слабый контраст между соответствующими звуко-типами на разных ступенях утраты этого противопоставления делает проблематичным выделение в подобной системе фонематической оппозиции /ɤ/ ~ /e/ и /ω/ ~ /o/.

Например, по данным М. А. Родиной [2012], в говоре с. Апухтино Одоевского р-на Тульской обл. фонема /e/ в речи старшего поколения «стабильно представлена восходящим дифтонгом [iɛ]» со второй

частью, локализующейся в области передне-среднего ряда средне-нижнего подъема ($F_1 = 580\text{--}640$ Гц, $F_2 = 1800\text{--}2100$ Гц): *ов[’иѐ]ц*, *ср[’иѐ]дня*, *дер[’иѐ]вни*, *бер[’иѐ]зник*, *в[’иѐ]рх*, *м[’иѐ]лка*, *сос[’иѐ]дка*, тогда как в соответствии с фонемой /ѣ/ обычно произносится восходящий дифтонг [иѐ] со второй частью, локализующейся в области переднего ряда среднего подъема ($F_1 = 500\text{--}580$ Гц, $F_2 = 2200\text{--}2700$ Гц): *за д[’иѐ]дой*, *закуп[’иѐ]ла*, *куп[’иѐ]ла*, *на сторон[’иѐ]*, *хл[’иѐ]б*, *б[’иѐ]лой*, *на л[’иѐ]то*, *с[’иѐ]мь*, *вс[’иѐ]*, *забол[’иѐ]ла* и др.

Подобное соотношение характерно (менее последовательно) и для этимологических /о/ и /ω/: «при сознательном акцентировании, а также в сильной фразовой позиции» в речи некоторых информантов на месте фонемы /о/ зафиксирован восходящий дифтонг [ӯо]¹: *с[ӯо]чные*, *пос[ӯо]хла*, при этом фонема /ω/ «стабильно представлена восходящим дифтонгом [ӯо]»: *заб[ӯо]ты*, *выс[ӯо]ко*, *дом[ӯо]в*, *за дор[ӯо]гой*, *кор[ӯо]ва*, *мн[ӯо]го*, *нар[ӯо]ду*, *хор[ӯо]ш*, *через дор[ӯо]гу*, *бык[ӯо]в*.

В результате проведенного исследования М. А. Родина приходит к выводу: «Итак, в системе ударного вокализма апухтинского говора в речи большинства диалектоносителей представлено семь фонем: <a>, <e>, <ѣ>, <o>, <ѵ>, <y>, <i>» [Родина 2012: 35–48]. Очевидно, что слабый контраст между звукотипами [иѐ] и [иѐ], [ӯо] и [ӯо], а также крайняя непоследовательность их употребления противоречит этому категоричному утверждению: подобную систему уже нельзя интерпретировать как семифонемную.

4. На четкость различения фонем /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/ может указывать доступность их восприятия не только для собирателей, но и для отдельных диалектоносителей, которые способны заметить особенности фонологической системы своего говора, а также говоров окрестных деревень и выявлять значимые структурные различия между ними. Иначе говоря, способны верно оценить соотношение узуса и системы. В качестве примера можно привести одного из наших информантов, родившегося в с. Крутое Старооскольского р-на Белгородской обл., но многие годы прожившего в с. Солдатское, расположенном всего в нескольких километрах от Крутого. Он обратил наше внимание на основное отличие между этими диалектными системами. По его словам, «в Солдатском говорят “мягко”: [к^оуот], а в Крутом — “твёрдо”: [кот]». Дифтонгичность реализаций

¹ Наряду с [ӯу]. В целом различие между реализациями этимологических /ω/ и /о/ менее контрастно, чем между /ѣ/ и /е/.

фонемы /ω/ в сочетании со значительной лабиализацией согласных перед ними, замеченные информантом в говоре Солдатского, прямо указывают на хорошо сохранившуюся архаическую систему ударного вокализма, которая отсутствует в говоре с. Крутое. Подобные примеры «имеют прямое отношение к восприятию носителями говоров языковых фактов на фонологическом уровне», а слова, иллюстрирующие характерные черты «своего» и «чужого» говоров, «приобретают вид как бы фонологических формул» [Высотский 1977: 14].

Об информантах «с тонким фонологическим слухом» уже не раз писали диалектологи. Так, в одном из говоров, где фонема /ʁ/ реализуется монофтонгом верхне-среднего подъема [e], противопоставленным другим монофтонгам переднего ряда, реализующим фонемы /и/ и /е/, С. В. Бромлей записала следующий разговор с информантом — хозяйкой дома, где остановилась экспедиционная группа: «На ее замечание о том, что раньше труднее было учиться, что нужно было, например, знать, где писать **ѣ** и где **е**, я сказала, что ей было, вероятно, это не так трудно, так как в их деревне **ѣ** произносят не так как **е**, а по-особому. “Вот, например, вы ведь скажете не “веник”, а “виник”” (это слово было несколько раз записано у нас с гласным *и*). — “*Штой-то вы как плóхо гъвор’йт’е*, — услышали мы в ответ, — *мы скáжем в’йн’ик, а не в’йн’ик*». На наш слух оба раза было воспроизведено почти одинаковое звучание *и*, однако для нее эти звуки (*ê* в первом случае и *и* — во втором) четко противопоставлялись» [Бромлей 1949: 29–30].

5. В приведенной цитате из работы С. В. Бромлей затронута еще одна важная проблема, связанная с изучением диалектного узуса и системы: проблема адекватного соотношения перцептивной базы собирателя, с одной стороны, и перцептивной базы диалектной системы — с другой. Под перцептивной базой обычно понимается языковая система средств восприятия звучания речи и единства «хранящихся в памяти человека эталонов фонетических единиц и правил сравнения с ними» [Джапаридзе 1985: 13]. Большое значение в понимании перцептивной базы языковой системы имеет определение набора ее перцептивных эталонов, а также правил сличения с ними эталонов другой языковой системы. При расхождении базовых перцептивных эталонов в родной и неродной языковых системах может происходить их неверное отождествление, что искажает восприятие звуковой организации изучаемого конкретного языкового идиома.

Очевидно, что описанный выше говор, где фонема /ɤ/ реализуется монофтонгом верхне-среднего подъема [e], характеризуется более напряженной (чем в литературном языке) артикуляционной базой, что обуславливает сокращение зоны рассеивания между гласными: в подобной системе может различаться три монофтонга переднего ряда [и], [ɤ] и [e], представляющих отдельные языковые единицы. В литературной системе с менее напряженной артикуляционной базой нет места третьей фонеме переднего ряда: именно поэтому для носителя русского литературного языка гласный верхне-среднего подъема [ɤ] не является самостоятельным звукотипом, а входит в зону рассеивания фонемы /и/ и отождествляется со звукотипом [и], что приводит к ошибке при анализе фонетической диалектной системы.

Приведем другой пример. Инструментально-фонетическое изучение специфики диалектных различий в структуре «трапецидов» гласных при семифонемной системе вокализма приводит к выводу, что основным типом семифонемного состава гласных в русских говорах должна быть признана система, для которой характерны, с одной стороны, симметричность реализаций гласных 3-й ступени подъема (то есть фонем /ɤ/ и /ω/), с другой — асимметричность гласных 2-й ступени подъема: аллофоны /e/ локализируются в зоне среднего уровня, аллофоны /o/ — в зоне средне-нижнего уровня [Высотский 1967: 77–78; Савинов 2013: 105–108].

Фонемы /ɤ/ и /ω/ могут параллельно реализоваться гласными верхне-среднего подъема [e], [o] (и восходящими дифтонгами [ie] и [yo]), однако большее артикуляционное пространство между основными аллофонами /ω/ и /o/ обуславливает возможность появления в соответствии с фонемой /ω/ звука [o], в этом случае асимметричность отношений распространяется на все «некрайние» гласные (см. схемы 1 и 2, знак в скобках на схеме 2 обозначает наличие в подобной системе факультативного варианта у фонемы /ω/).

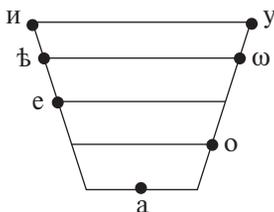

Схема 1

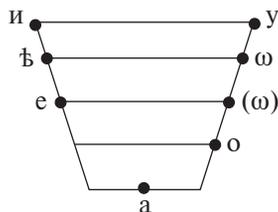

Схема 2

Данные говоров различной локализации свидетельствуют о том, что звукотип [ɔ] на месте /o/ широко распространен во всех архаических диалектных системах, различающих под ударением семь гласных фонем (по всей видимости, это обусловлено особенностями исторического развития); однако гласный средне-нижнего подъема [ɛ] в соответствии с фонемой /e/ — довольно редкая диалектная черта. Система с гласными 2-й ступени подъема, локализованными в средне-нижней зоне, встречается «как малоустойчивый тип вокализма <...> обычно при наличии в других слоях говора еще иных, менее сложных типов вокализма» [Высотский 1967: 79].

Семифонемные системы вокализма с несимметричной по высоте парой [e] и [ɔ] отмечены в говорах Вологодской, Воронежской, Белгородской, Калужской, Кировской, Костромской, Липецкой, Тамбовской обл. [Касаткин 1999: 366–370; Касаткина (ред.) 1991: 178–180, 193–194; 210–211; Касаткина (ред.) 1999: 45, 113, 126, 165; Пауфошима 1965: 6–7; Фомина 1980: 6–7].

Можно предположить, что прежде описанный тип семифонемного вокализма был широко распространен во многих других архаических южнорусских системах, в частности — на территории липецко-воронежского ареала, в бывших Задонском и Землянском уездах Воронежской губернии. По данным В. И. Тростянского, в начале XX в. в местных говорах дифтонгическое произношение /ѣ/ и /ѡ/ прослеживалось как определенный закон и четко противопоставляло эти гласные недифтонгическим реализациям фонем /e/ и /o/: *хлѣн, діѣла, вяслѣд, вяснѣдѣй*, но *тѡнь, нѡчь, ѣчмѣнь, ѣвѣсь* и др. [Тростянский 1916: 7–11]. Однако уже в 1920-е гг. Н. П. Гринкова фиксировала здесь лишь единичные случаи дифтонгизации, спорадически встречавшиеся в речи отдельных информантов на месте /ѣ/, /ѡ/ и /o/: *лѣс, кѡсы, пѡскон', тѡ же* [Гринкова 1929: 89–90].

Позднее, в начале 1950-х гг., З. В. Жуковская обнаружила в говорах соседнего Нижнедевицкого р-на Воронежской обл. пятифонемную систему вокализма, где в качестве факультативных вариантов фонемы /o/ выступали дифтонги [y̯o], [o̯y] и монофтонг [ɔ]. Эти звуки «употребляются только носителями традиционного говора, причем они не всегда верно отражают первоначальные этимологические условия их существования»: в соответствии с *o и *ъ: *тѡук, кѡусы, рѡуш; тѡк, кѡсы, рѡш; тѡук, нѡу'и*; в соответствии с *o: *нѡужык, кѡужын, на слѡум; нѡш, карѡва, на слѡм; нѡбѡжык, слѡум*. Наличие в говоре дифтонгических образований [y̯o], [o̯y], а также отсут-

ствие отступлений от архаического типа диссимилятивного яканья, по мнению автора, указывают «на сравнительно недавнюю утрату различия между *o* и *ô*» [Жуковская 1954: 65–71].

Приблизительно тогда же Ю. Т. Листрова отметила в говоре села Отскочное Хлевенского р-на Липецкой обл. «остатки старых, некогда присущих говору фонем *ô* и *ê*»: *варбона, сарбика, кôт, гн'êзды, с'н'êх, с'êнь, с'êрвј, т'ал'êга, н'êл'у* (дифтонги в соответствии с *ô* и *ê* не зафиксированы). По данным Ю. Т. Листровой, подобная система характерна для сел Манино и Воробьёвка того же района (в Воробьёвке «было отмечено даже дифтонгическое произношение *e* в слове *н'иêл'у*». [Листрова 1953: 48, 60, 64].

Е. И. Кирсанова, обследовавшая говор села Долгуша Долгоруковского р-на Липецкой обл.², сообщила «о наличии там, помимо *E*, *E* закрытого, причем в отличии от показаний В. И. Тростянского не нашла в употреблении этого звука определенной регулярности» [Котков 1951: 117].

Ни Н. П. Гринкова, ни З. В. Жуковская, ни Ю. Т. Листрова, ни Е. И. Кирсанова не упоминают о существовании в исследуемых диалектных системах особого звукотипа средне-нижнего подъема [ɔ]. Наличие этого гласного в говорах воронежско-липецкого ареала подтверждается материалами Т. Г. Фоминой [1980: 6–7], Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель [1995: 300–301], С. В. Дьяченко (устное сообщение), а также различными экспедиционными материалами, хранящимися в фонотеке отдела фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН: этот монофтонг отмечен в селах Кондрашовка, Стадница, Перлёвка Семилукского р-на Воронежской обл., Отскочное и Верхняя Колыбелка Хлевенского р-на Липецкой обл.

По всей видимости, звукотип [ɔ] не был выявлен и интерпретирован как значимая структурная единица в описанных выше диалектологических работах потому, что носителями литературного языка произношение [ɔ] не воспринимается как яркая диалектная черта: этот гласный «идентифицируется с [o] в отличие от [o], воспринимаемого преимущественно как [y]» [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 24]. Иначе говоря, происходит неверная идентификация двух перцептивных эталонов: литературного [o], реализующего «единую» фонему /o/, и диалектного [ɔ], представляющего фонему /o/ и про-

---

² По старому административному делению сёла, упоминаемые Ю. Т. Листровой и Е. И. Кирсановой, относились к Задонскому и Землянскому уездам Воронежской губ., говор которых в начале XX в. описал В. И. Тростянский.

типовоставленного монофтонгам [ɔ] и [o], которые реализуют в различных архаических системах фонему /ω/.

6. Очевидно, что для адекватного представления об устройстве диалектной системы конкретные узуальные употребления обязательно должны подвергаться инструментально-фонетическому анализу, что даст объективные характеристики исследуемых фонетических единиц. Нужно понимать, что диалектная фонетическая система может обладать рядом структурных признаков, которые резко отличают ее от литературного языка, и для объективной характеристики этих признаков необходимо использовать инструментальные методы, предполагающие изучение фонетических явлений говором как в акустическом, так и в артикуляционном аспекте.

Звуковой строй русских говором инструментально-фонетическими методами до сих пор изучен недостаточно хорошо. По словам В. Н. Чекмонаса, несмотря на свою значимость «как для истории русского вокализма вообще, так и для истории аканья-яканья в особенности», инструментально-фонетические исследования С. С. Высотского, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной, представительей казанской школы (З. М. Альмухамедовой, Р. Э. Кульшариповой, Т. Г. Фоминой и др.), «остались на периферии русской диалектной фонетики (прежде всего потому, что они были полностью проигнорированы Р. И. Аванесовым и его учениками» [Чекмонас 1998: 44–45].

Во многих работах фонетической направленности качество звуков речи, подвергающихся затем фонологической интерпретации, определяется только на основании слуховой оценки диалектного произношения, без возможности его многократного воспроизведения и проверки слуховых образов с помощью инструментального анализа. Это также приводит к ошибкам в понимании устройства диалектных систем.

Так, в ряде диалектологических работ утверждается, что для некоторых архаических южнорусских систем в соответствии с фонемами /ѣ/ и /ω/ характерно исключительное употребление монофтонгов верхне-среднего подъема [e₁] и [ɔ]. Например, Е. С. Клейменова отмечает в говоре с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл. на месте /ѣ/ и /ω/ «особые закрытые напряженные звуки [ê] и [ô]», но одновременно пишет о полном отсутствии в этой позиции дифтонга [yo] при единичных случаях появления дифтонга [iê] [Клейменова 1956: 62, 87]. По данным Ю. Т. Листровой, в говоре с. Отскочное

«дифтонгическое произношение *o* и *e* не наблюдается», в редких случаях возможны только закрытые *o* и *e*: *варо́на, саро́ка, ко́т, ун'э́зды, с'н'эх, с'энь, с'эръя, т'ал'э́уа, п'э́л'и* [Листрова 1953: 48, 60, 64].

Инструментально-фонетический анализ образцов диалектной речи, собранных в Кирейково и Отскочном, опровергает эти категорические утверждения: дифтонги и более сложные звуковые комплексы на месте /ʋ/ и /ω/ характерны для этих обоих говоров. На рисунках 1–4 представлены осциллограммы и спектрограммы форм *д[ʲиэ̃]вкиной, д[ʲиэ̃]лали, за ст[ʋэ̃]л, скул[ʋэ̃]* (*скуло́* ‘одно из боковых углублений русской печи перед топкой’), записанных в Кирейково и Отскочном.

В принципе указание на бытование в говоре с семью гласными фонемами (или со следами их бывшего различения) «пар дифтонгов *ʋэ̃, иэ̃* и пар монофтонгов *o, e* более соответствует реальному положению дел, чем категорическое утверждение, что говору свойственно употребление лишь какой-то ограниченной комбинации» [Высотский 1967: 15].

Отсутствие инструментального анализа речи приводит и к более грубым ошибкам. Так, в некоторых исследованиях содержится указание на то, что фонема /ω/ в ряде южнорусских систем может реализовываться не только восходящими дифтонгами типа [ʋэ̃], но и нисходящими дифтонгами типа [о̃ʋ]. Например, З. В. Жуковская приводит следующие примеры, записанные в нижедевицких говорах: *ноу́жык, коу́жын, ско̃ул'на́да, по̃ут* (‘часть печи’), *т'о̃утка* [Жуковская 1954: 65]. Е. С. Клейменова зафиксировала в говорах Кирейкова и Верхней Передели Ульяновского р-на Калужской обл. формы: *удо̃́бна, даро̃́уа, хво̃́с* [Клейменова 1956: 63].

Инструментальный анализ дифтонгов, реализующих /ω/ в южнорусских говорах различной локализации, противоречит наблюдениям упомянутых выше авторов: эта фонема всегда представлена открывающимися звуковыми комплексами (дифтонгами и полифтонгами) с восходящей силой звука. Пик интенсивности этих дифтонгических образований никогда не соприкасается с их абсолютной границей, однако последняя фаза гласного обычно образуется на том же или более низком уровне подъема, что и его слоговая часть. Изредка в позиции ауслаута возможно некоторое повышение подъема гласного в рекурсии, однако оно незначительно и практически не воспринимается на слух.

Кроме того, перед аллофонами фонемы /ω/ произносятся согласные со значительной степенью лабиализации, что особенно заметно

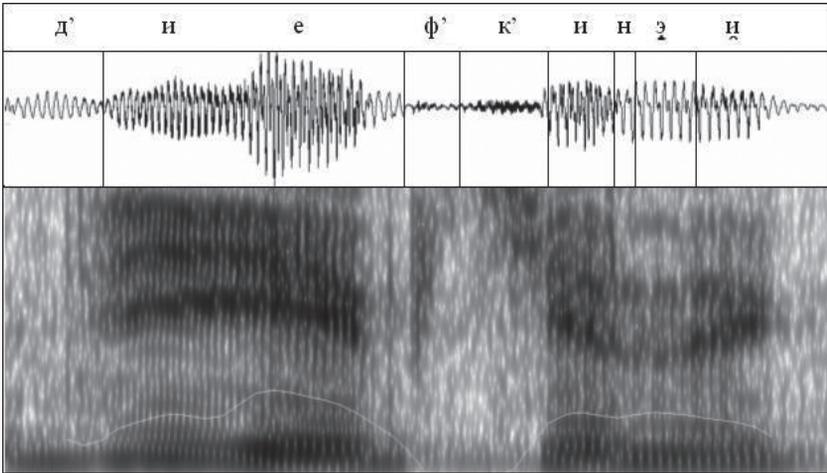

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $d[ʲi̯e]vkiной$ (с. Отскочное Хлевенского р-на Липецкой обл.)

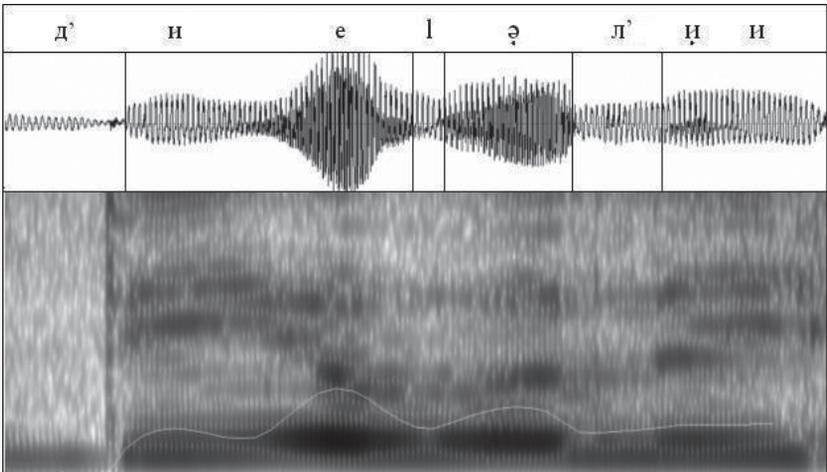

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $d[ʲi̯e]lali$ (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

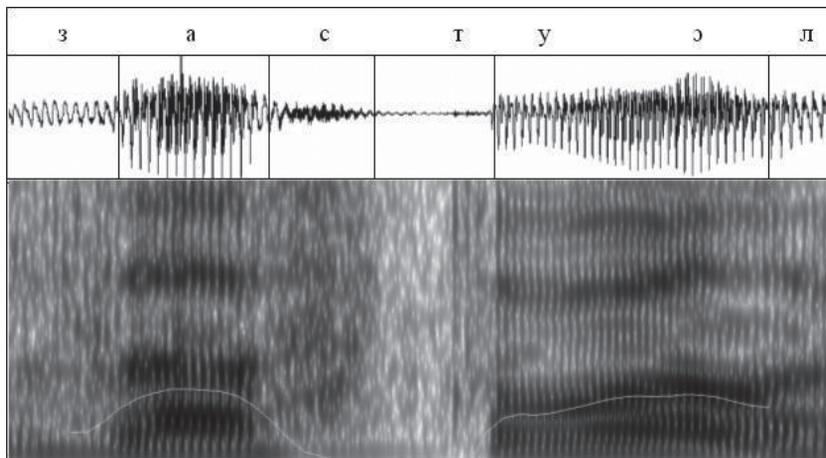

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *стал*[$\overline{у\sigma}$]л (с. Отсочное Хлевенского р-на Липецкой обл.)

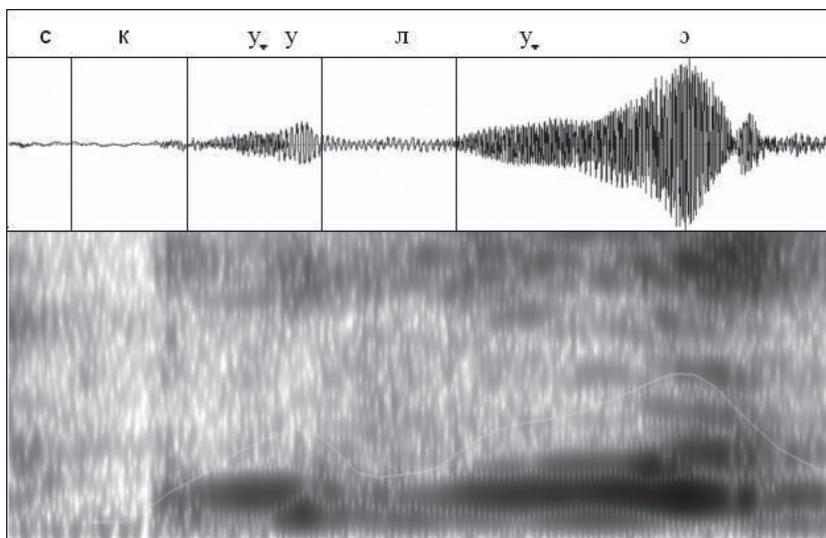

Рис. 4. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *скул*[$\overline{у\sigma}$] (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

у губных и заднеязычных согласных: *к^оудт*, но *к^зы*, *раб^оты*, но *бэх* и т. д., см. [Высотский 1949: 11–12]. Подобная сочетаемость, как правило, способствует восприятию гласного образования на месте /ω/ как дифтонга [yō] при возможной незначительной у-образной фазе в его экскурсии. См. также [Касаткин 1999: 376–389].

7. Таким образом, для целенаправленного сбора и анализа диалектного материала, для корректного выявления в речевом узусе языковых структурных элементов участникам диалектологических экспедиций необходима специальная комплексная подготовка, предусматривающая обучение инструментальным и лингвистическим методам анализа устной речи, а также включающая методику сбора языкового материала. Отсутствие подобной подготовки приводит к тому, что для многих диалектологов, в том числе для сотрудников профильных кафедр вузов, оказывается «непосильным задание точного выявления в изучаемых говорах фонемного состава гласных. <...> Так, нередко оставалось не найденным фактически существующее в говоре противопоставление <е> — <ѣ> <...>; с трудом выявлялось противопоставление <о> и <ω>» [Высотский 1975: 4].

В результате участники диалектологических экспедиций, даже имея в своем распоряжении опубликованные диалектологические описания, указывающие на то, что какому-то конкретному говору в прошлом был присущ семифонемный вокализм с системой дифтонгов, оказываются не в состоянии услышать дифтонги, а также другие характерные сопутствующие фонетические особенности, например отсутствие смягчения согласных перед некоторыми гласными переднего ряда. Иначе говоря, диалектологи оказываются не в состоянии верно интерпретировать ключевые элементы частной фонетической системы говора, проявляющиеся в разговорном узусе информантов.

Так, Д. В. Бубрих, исследовавший в 1912 г. говор с. Пустоша Судогодского уезда Владимирской губернии³, обнаружил здесь дифтонги [iē] на месте ѣ, [iō] на месте ω, а также [iā], [iō], [iū] [Бубрих 2013: 312–317]. Позднее, в 1948 г., этот говор обследовала диалектологическая экспедиция МОПИ. В результате анализа местного речевого узуса было установлено, что на месте ѣ «под ударением перед твердыми согласными сейчас закономерно произносится закрытое “е” (ê), а иногда “и”», в этой позиции собирателями не было зареги-

³ По современному административно-территориальному членению село относится к Шатурскому р-ну Московской обл.

стрировано «ни одного случая произношения дифтонга»; в позиции перед мягкими согласными «у одних и тех же лиц наблюдали двоякое произношение: и “и” и дифтонг “ie”». Дифтонги «yo, ia, io, iу исчезли не только в произношении передовой части колхозников, но мы их не слышали и в устах носителей архаического говора», далее приведены многочисленные примеры произношения монофтонгов «лю́бить», «живе́ть», «исси́бя́» и др. Автор статьи делает вывод: говор Пустошей за 36 лет, прошедших с момента его обследования Д. В. Бубрихом, претерпел значительные структурные изменения [Бедняков 1957: 362–365].

Однако новое обследование, проведенное сотрудниками Института русского языка в 1990–2000 гг., выявило, что и сегодня в говоре Пустошей стабильно сохраняются дифтонги, описанные Д. В. Бубрихом; при этом в говоре также отмечается «твердость согласных перед гласными переднего ряда (в том числе и перед дифтонгами с начальной фазой *ц*)»: *пцат'*, *нцух*, *сцола*, *тцўотка*, *пцатак*, *сцоло*, *лцубоф* [Тер-Аванесова 2001: 150–152].

Очевидно, что участники экспедиции 1948 г. просто не смогли опознать соответствующие звуки как дифтонги, а также не услышали перед ними твердых согласных. Без сформированности основ фонематического восприятия перцептивных эталонов иных языковых систем затруднителен или просто невозможен их адекватной звуковой анализ, предполагающий опознание, вычленение в речи значимых элементов этих систем. Слуховое восприятие «чужих» элементов всегда корректируется навыками фонологической системы родного языка, под влиянием которой происходит и их системная интерпретация. Особенно остро эта проблема встает при исследовании близкородственных (но не идентичных) идиомов.

Так, носители литературного языка системно различают твердые и мягкие согласные, ориентируясь не на качество согласного звука — аллофона соответствующей твердой или мягкой фонемы, а на качество следующего за ним гласного, который после мягкого согласного всегда начинается с *и*-образной фазы. Перцептивные эксперименты по восприятию твердости-мягкости согласного носителями русского литературного языка показывают, что именно аллофоны гласных служат для опознания твердых и мягких согласных. Например, «если к мягкому согласному, мягкость которого хорошо выражена и артикуляционно, и акустически (например, к согласному *с* из слога *ся*), добавить гласный без *и*-образного начала, то такой согласный будет

воспринят как твердый; и наоборот, если к твердому согласному добавить гласный с *и*-образным переходом, то такой согласный воспринимается как мягкий» [Бондарко 1977: 119].

Очевидно, этот стереотип сработал и у участников экспедиции 1948 г. (в частности, у автора статьи А. С. Беднякова): сочетания «твердый согласный + дифтонг с начальной *и*-образной фазой» были восприняты как сочетания «мягкий согласный + монофтонг» (точнее, дифтонгоид с переходным *и*-образным элементом, как в русском литературном языке). В результате соответствующая часть фонетической системы говора была интерпретирована неверно⁴.

Система распределения аллофонов фонемы /ѣ/ в зависимости от твердости–мягкости следующего согласного, зафиксированная в Пустошах в 1948 г. и описанная А. С. Бедняковым [1957: 362–363] ([e] перед твердыми согласными и [iѣ] перед мягкими), выглядит, по словам С. С. Высотского, «фактически нереальной»: «В русских диалектах, сохраняющих особое наследие *ѣ, существуют “частные системы” обратного характера, где перед твердыми согласными находится [iѣ], а перед мягкими — [e]. Это вполне согласуется с широко представленной в различных языках закономерностью общей фонетики — различным влиянием твердых и мягких согласных на качество соседних гласных, которые под влиянием мягкого согласного имеют тенденцию скорее к повышению, а не к понижению подъема» [Высотский 1977: 23]. Р. И. Аванесов также указывал на то, что в русском литературном языке «после мягкого согласного перед мягким согласным гласный [e] произносится однородно на всем протяжении своей длительности и притом с более энергичным и высоким поднятием языка» [Аванесов 1984: 57].

Очевидно, что подготовка к диалектологической экспедиции обязательно должна учитывать некоторые методики, принятые при обучении иностранному языку, в частности необходимо представить на конкретных образцах типологию фонетических диалектных различий, а также механизмы восприятия ряда диалектных звукотипов (в аспекте интерференции с перцептивной базой собирателей, говорящих на литературном языке). В качестве удачного примера подобного учебного пособия для диалектологов можно привести звучащую хрестоматию «Севернорусские говоры», где в приложении дан корпус

⁴ Различные фонологические интерпретации подобной системы с твердыми согласными перед дифтонгами [iа], [iо], [iу] или [eа], [eо], [eу] см. [Касаткин 1999: 388–389; Касаткин (ред.) 2012: 32; Тер-Аванесова 2001: 152].

звуковых эталонов, который включает в том числе ударные гласные, «характерные для севернорусских говоров и отличающиеся от “стандартных”, то есть свойственных литературному языку» [Касаткина (ред.) 1991: 242].

8. Наконец, существует еще одна проблема, связанная с описанием систем ударного вокализма в русских говорах: наличие в них различных способов организации фонетического слова. Так, для севернорусского наречия характерна меньшая, чем для других русских говоров и для русского литературного языка, степень интегрированности слогов в единое фонетическое слово: двуступенчатость редукции безударных гласных в этих говорах выражена слабо, а сами безударные гласные «могут незначительно отличаться от ударного гласного» [Касаткин 2012: 25]. Слова произносятся «как бы по слогам», которые оказываются относительно независимыми друг от друга. Такой тип организации слова обычно называют «рубленой речью» или «стаккато».

Для южнорусских говоров характерна совершенно другая модель: здесь ярко выражена двуступенчатость редукции, распространена тенденция к выделению акцентного ядра и все гласные фонетического слова «выступают как целостный блок, объединяющий взаимосвязанные компоненты, когда выбор гласного определяется вокальным компонентом следующего слога» [Калнынь 2001: 26].

Особенно ярко эта связь проявляется в говорах, характеризующихся диссимилятивными системами вокализма. Основной принцип строения фонетического слова в этих говорах заключается в следующем: в 1-м предударном слоге происходит позиционное чередование «сильных» и «слабых» слогов в зависимости от качества ударного гласного, то есть наблюдается закономерная цикличность в организации звуковой последовательности, а ритмическая структура может быть представлена двумя моделями, находящимися между собой в отношениях дополнительной дистрибуции. В наиболее архаическом варианте они представлены следующими схемами: 2-1-2-**3**-2-1, где **3** обозначает ударные гласные верхнего и верхне-среднего подъемов, и 1-2-1-**3**-1-2, где **3** обозначает ударные гласные среднего и нижнего подъемов.

На схемах видно, что диссимилятивная зависимость наблюдается не только у гласных акцентного ядра слова, но затрагивает весь его вокальный каркас. Сильная взаимозависимость вокальных компонентов обуславливают слабую распространенность в диалектных системах с диссимилятивным вокализмом редукции гласных до

нуля⁵, особенно редко диереза гласных встречается в предупредных слогах.

Подобные различия в организации фонетического слова обуславливают особенности алгоритма описания соответствующих вокалической системы в целом. Если в севернорусском наречии возможен отдельный анализ системы ударного / предупредного / заударного вокализма, то адекватное описание южнорусского вокализма предполагает комплексное исследование всех взаимозависимых вокальных компонентов слова.

9. Система противопоставления /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/ может существовать в нескольких вариантах: эти фонемы реализуются различными дифтонгами и монофтонгами, артикуляция которых предполагает разнообразные переходы от одного звукотипа к другому. Анализ образцов диалектной речи свидетельствует о высокой вариативности характеристик ударных гласных, что может выражаться, во-первых, в изменении их формантных областей, во-вторых, в различных соотношениях между компонентами неоднородных вокальных образований — дифтонгов или дифтонгоидов. Появление этих вариантов может быть обусловлено комбинаторным воздействием фонетического контекста (место образования или мягкость / твердость соседнего согласного), фразовой позицией, особенностями артикуляционной базы говора, а также сосуществованием в пределах одного говора нескольких фонологических подсистем.

Далее приведено комплексное описание нескольких русских говоров различной локализации. Во-первых, описаны архаические системы ударного вокализма в южнорусских говорах с разными типами диссимилятивного вокализма, имеющими в основе архаический тип аканья и яканья, который основан на различии семи фонем. Были проанализированы три говора Белгородской области: в одном семифонемный вокализм отмечается как последовательно выдержанная система, в двух других сегодня представлен пятифонемный вокализм, однако в прошлом этим системам также было свойственно семь гласных фонем.

---

⁵ Как верно заметил Л. Л. Касаткин, обозначение «рассматриваемого явления как “редукции гласных до нуля” характеризует лишь часть примеров. В значительном числе случаев отсутствие гласного компенсируется другими фонетическими характеристиками слова <...>. Диереза гласного часто не отражается на общей длительности слова и количестве слогов» [Касаткин 2017: 324].

Во-вторых, описан один севернорусский говор, где произошло объединение /е/ и /ѣ/, однако аллофоны, ранее представлявшие эти фонемы, сохраняются, перераспределяясь в зависимости от различных условий. Наибольшее внимание в дальнейшем описании уделено гласным, употребляющимся в соответствии с этимологическими фонемами /ѣ/, /ω/, /е/ и /о/, поскольку «звуковые воплощения именно этих фонем располагаются в наиболее широком тембральном диапазоне» [Пауфошима 1983: 20].

II. Система и узус в вокалических системах трех архаических южнорусских говоров

Для инструментального анализа ударных гласных в южнорусских говорах была сделана сплошная выборка из аудиозаписей двух информантов (в каждом говоре) продолжительностью два часа. Учитывались все примеры, произнесенные с нейтральной интонацией, без резкого повышения или понижения частоты основного тона ($F_0 < 270$ Гц).

1. Говор с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл. характеризуется архаическим аканьем и диссимилятивным яканьем обоянского типа, при этом довольно последовательно в говоре прослеживается семифонемная система ударных гласных. Было установлено, какими гласными может быть представлена каждая из фонем говора.

Ударный [а] в позиции между твердыми согласными может быть представлен как гласным, соответствующим по подъему литературному языку, [а]: $F_1 = 750-850$ Гц, $F_2 = 1500-1700$ Гц (40% от общего числа примеров), так и *a*-открытым, первая форманта которого может превышать 1000 Гц ([а]: $F_1 = 850-1100$ Гц, $F_2 = 1500-1700$ Гц): *ск[á]жуть, б[í]сплáтно, пр[а]вда; м[á]зали, б[ауá]тая, с[‘еамнá]дцать* (60% от общего числа примеров).

Те же гласные возможны в позиции перед мягким согласным, но вторая форманта под влиянием соседнего мягкого звука имеет большие значения, до 2000 Гц, звук продвинул вперед: [а]: $F_1 = 700-850$ Гц, $F_2 = 1550-1800$ Гц, [а́]: $F_1 = 850-1000$ Гц, $F_2 = 1700-2000$ Гц. В этой позиции преобладает произношение [а] — 70%, но и гласный пониженного подъема [а́] встречается в 30% случаев: (*за сем[‘ина]ми, р[á]ньше, [искá]ли; св[á]дьбы, д[убá]ми, шерст[‘ина]я.*

В позиции после мягкого согласного возможно произнесение, во-первых, дифтонга [ӣа] с практически равными по длительности частями (40 и 60% от общей длительности): $F_1 = 450-550$ Гц,

$F_2 = 2300\text{--}2400$ Гц; $F_1 = 750\text{--}850$ Гц, $F_2 = 1700\text{--}2000$ Гц⁶, в том числе и с *a*-открытым во второй части (в этом случае первая часть образуется на более низком уровне подъема): [eā]: $F_1 = 600\text{--}700$ Гц, $F_2 = 2000\text{--}2600$ Гц; $F_1 = 850\text{--}900$ Гц, $F_2 = 1500\text{--}1800$ Гц: *p*[ʲиби́я̃]та, (на) лош[ыди́я̃]х; *n*[э че́я̃]шкам, [акт'е́я̃]брьскую; во-вторых, монофтонга [a]: *спр*[эвл'á]л, [já]мочки.

В позиции между мягкими согласными возможно произнесение дифтонга [и́а̃]: $F_1 = 450\text{--}550$ Гц, $F_2 = 2300\text{--}2400$ Гц; $F_1 = 750\text{--}850$ Гц, $F_2 = 1700\text{--}2000$ Гц; или монофтонга [a] (*a*-повышенного подъема, $F_1 = 650\text{--}750$ Гц, $F_2 = 1800\text{--}2300$ Гц). Звуков пониженного подъема в этой позиции не наблюдается, первая форманта их не превышает 850 Гц: *гов*[эр'е́а̃]ть, *пр*[ч'е́а̃]ли; *ног*[ул'á]еть, *спр*[эвл'á]ли.

В позиции после, а также между мягкими согласными в отдельных случаях возможно произношение трехкомпонентного звука [и́еа̃]: *д*[э шл'и́еа̃]ха.

Таким образом, фонема /a/ может быть представлена разнообразными звуками, которые по сравнению с литературным языком имеют более низкий подъем (F_1 достигает 1100 Гц), отличаются некоторой упередненностью (F_2 — до 1900 Гц), а также могут быть неоднородными по структуре. Эти особенности присущи и другим говорам, имеющим в основе архаические типы вокализма, подробнее см. [Савинов 2013: 172–173].

Фонема /ѣ/ может быть представлена разными вариантами. Перед твердым согласным в 80% случаев /ѣ/ реализуется дифтонгами, первая часть которых неслоговая, образуется на более высоком уровне подъема, чем слоговая, обычно это [и́е̃]: $F_1 = 370\text{--}450$ Гц, $F_2 = 2200\text{--}2700$ Гц; $F_1 = 450\text{--}550$ Гц, $F_2 = 1800\text{--}2400$ Гц, но возможно также произнесение [и́е̃], с второй частью более открытой ($F_1 = 500\text{--}700$ Гц, $F_2 = 1700\text{--}2000$ Гц), а также дифтонга пониженного подъема [е́е̃], первая часть которого — [e]: $F_1 = 450\text{--}600$ Гц, $F_2 = 2000\text{--}2600$ Гц, вторая часть — [ε], $F_1 = 600\text{--}750$ Гц, $F_2 = 1700\text{--}2100$ Гц. Монофтонг [e] в этой позиции имеет следующие формантные характеристики: $F_1 = 450\text{--}600$, $F_2 = 2100\text{--}2500$: *б*[и́е̃]дно, *у* *с*[и́е̃]нцах, *в* *с*[и́е̃]нцах, *з*[ар'и́е̃]ла, (из) *л*[и́е̃]са, *б*[е́е̃]дно, *пол*[е́аг'е́е̃]ла, *з*[ар'е́]ла, *н*[асл'е́]днего.

В ряде случаев звук имеет постоянную первую форманту, и изменение происходит только по ряду: F_2 плавно повышается на всем

⁶ Здесь и далее: у дифтонгов последовательно даются формантные характеристики первой и второй части.

протяжении звука — скольжение тембра происходит за счет упереднения гласного.

В позиции перед мягким согласным фонема /ъ/ в 34% случаях может быть также представлена дифтонгом [иъ], но преобладает произнесение монофтонгов [е] и [и], такое произношение отмечено в 66% случаев. Формантные характеристики [е]: $F_1 = 450\text{--}550$ Гц, $F_2 = 2100\text{--}2500$ Гц; [и]: $F_1 = 400\text{--}450$ Гц, $F_2 = 2200\text{--}2600$ Гц: *п[иъ]сни*, *ар[иъ]хи*, *м[ъ]сяца*, *н[адъ]лю*, *н[адъ]льки*, *х[атъ]ли*.

На месте /е/ (из этимологических *е, *ь) в говоре с. Солдатское в позиции перед твердым согласным в 95% случаев произносится монофтонг. Чаще всего это [е] ($F_1 = 400\text{--}550$ Гц, $F_2 = 2400\text{--}2600$ Гц), но возможно и произнесение пониженного звука [ɛ] ($F_1 = 550\text{--}650$ Гц, $F_2 = 2000\text{--}2200$ Гц): *с[ъ]рдца*, *п[ъ]рвого*, *вол[акъ]шь*, *агуръци*, *в[азъ]мъся*.

В этой позиции возможно также произнесение [е] — это звук верхне-среднего подъема ($F_1 = 350\text{--}400$ Гц), но по сравнению с типичной реализацией фонемы /и/ он отодвинут назад ($F_2 = 2400\text{--}2600$ Гц): *мол[адъ]ци*.

В единичных случаях на месте /е/ из *е, *ь встречается произношение дифтонгов, это может быть как [иъ], совпадающий по характеристикам с основным вариантом фонемы /ъ/, так и закрывающийся дифтонг [ъи]: *д[иръ]вню*, *упр[идъ]шь*; *од[ъи]жду*, *от[ъи]ци*, *кон[ъи]ци*,

В позиции перед мягким согласным также преобладает звук [е] (произносится в 74% случаев), в этой позиции возможно произнесение звука пониженного подъема [ɛ] ($F_1 = 600\text{--}650$ Гц, $F_2 = 1600\text{--}2200$ Гц), а также дифтонга [иъ] и монофтонга [и], совпадающего по характеристикам с реализациями соответствующей фонемы верхнего ряда ($F_1 = 380\text{--}450$ Гц, $F_2 = 2500\text{--}2700$ Гц): *д[е]нь*, *п[е]чь*, *н[ъ]мец*, *(по) воскр[исъ]ньям*, *д[иъ]нги*, *теп[иъ]рь*, *[пэ дъ]сять*.

Таким образом, в говоре на данном этапе противопоставление /е/ и /ъ/ сохраняется в большой степени по признаку дифтонг-монофтонг. Нужно отметить, что различие данных фонем поддерживается характером предшествующего согласного звука, а также наличием начального переходного элемента у гласного звука: у реализаций фонемы /е/ он отсутствует или крайне мал (основной тембр гласного достигается в первых же его сегментах). Перед /ъ/ произносится мягкий согласный, и первая и-образная часть дифтонга составляет 40–60% от общей длительности звука.

На месте фонемы /ω/ перед твердыми согласными в говоре с. Солдатское возможно произнесение звуков разного типа. Дифтонги в большинстве случаев встречаются в позиции после губных или заднеязычных согласных. Это может быть [y̯o] ($F_1 = 400\text{--}550$ Гц, $F_2 = 750\text{--}1300$ Гц; $F_1 = 550\text{--}600$ Гц, $F_2 = 1100\text{--}1800$ Гц), дифтонг в более открытой второй фазой [y̯ɔ] ($F_1 = 450\text{--}500$ Гц, $F_2 = 900\text{--}1300$ Гц, $F_1 = 650\text{--}750$ Гц, $F_2 = 1300\text{--}1600$ Гц); а также дифтонг с пропорционально пониженными частями: [o̯ɔ]: ($F_1 = 500\text{--}600$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1600$ Гц; $F_1 = 600\text{--}750$ Гц, $F_2 = 900\text{--}1700$ Гц).

Однако в большинстве примеров (более 60% случаев) на месте фонемы /ω/ произносится монофтонг. Обычно это [o] ($F_1 = 450\text{--}600$ Гц, $F_2 = 1100\text{--}1600$ Гц), совпадающий по характеристикам с гласным литературного языка, но изредка возможно также произнесение звука пониженного подъема [ɔ] ($F_1 = 600\text{--}700$ Гц, $F_2 = 1650\text{--}1750$ Гц); а также очень редко, только в позиции после (или между) губных согласных встречается [y] ($F_1 = 450\text{--}500$, $F_2 = 900\text{--}1100$): *в[yo̯]дка, н[yo̯]стный, к[yo̯]шка; дв[yo̯]р, с[ʼалу̯ɔ]; д[убо̯]вые, с[ало̯]мою, с[ʼало̯]; д[убо̯]вые, р[або̯]тал, н[а ро̯]дину; в[асʼм̄ɔ]го, дор[аг̄ɔ]й, в[асʼм̄у]го, в к[ар̄у]бочках.*

В позиции перед мягкими согласными в 18% случаев возможно произнесение дифтонга [y̯o] (также преимущественно после губных или заднеязычных согласных), но чаще в этой позиции отмечаются монофтонги, преобладает звук [o] (в 64% случаев), в 18% случаев был отмечен [ɔ]; произношение [y] встречается лишь в единичных случаях: *б[yo̯]льше, з[ахyo̯]дишь; к[ар̄o̯]вым, б[о̄]льше; к[ар̄o̯]вым, мн[ɔ̄]й; ист[у̯]пиль.*

Фонема /о/ обычно реализуется монофтонгами: в 70% случаях это звук пониженного подъема [ɔ] ($F_1 = 600\text{--}800$ Гц, $F_2 = 1100\text{--}1500$ Гц), хотя возможен и гласный среднего подъема [o] ($F_1 = 500\text{--}600$ Гц, $F_2 = 1100\text{--}1600$ Гц). Дифтонги на месте /о/ из *o, *ɔ встречаются в единичных случаях. В позиции перед мягкими согласными наблюдаются те же звуки, с несколько меньшим значением F_1 — [ɔ] ($F_1 = 600\text{--}750$ Гц, $F_2 = 1100\text{--}1500$ Гц) и [o] ($F_1 = 450\text{--}600$ Гц, $F_2 = 1100\text{--}1600$ Гц): *ɛ[ɔ̄]лод, н[ʼишк̄ō]м, с отц[о̄]м, нл[о̄]тников, кр[ужо̄]к, н[ɔ̄]чью, д[ɔ̄]чери, с[ɔ̄]лью, уг[эл̄ō]чку, н[о̄]ле, т[о̄]чки.*

Звук, представляющий фонему /о/ в позиции после мягкого согласного, в большинстве случаев состоит из двух компонентов: первая часть соответствует [и] или [е], вторая — в равном количестве примеров может быть [o] или [ɔ]: *нед[элʼӣō]ко, нл[итʼӣō]ной, сл[ʼе̄ō]зы, т[ʼе̄ō]рка, з[ʼӣō]рнушку, м[ʼе̄ō]дом, х[этʼе̄ō]нка.*

Дифтонги на месте фонемы /ω/ произносятся лишь в 40% случаев, однако противопоставление /ω/ и /о/ продолжает существовать в говоре по признаку подъема: [о] на месте *о, *ѳ в 70% случаев пониженного подъема, тогда как /ω/ обычно реализуется гласным [о].

Следует отметить, что, как и в случае с противопоставлением /е/ и /ѣ/, качество согласного перед аллофонами /ω/ и /о/ также различается: перед реализациями фонемы /ω/ произносится огубленный согласный, перед реализациями /о/ — неогубленный согласный, начальный переходный у-образный элемент у гласного также, как правило, отсутствует.

Фонемы верхнего подъема представлены звуками более низкого подъема по сравнению с литературным языком. Звук [и] под ударением в говоре с. Солдатское имеет следующие характеристики: $F_1 = 350\text{--}550$ Гц, $F_2 = 2200\text{--}2900$ Гц, перед мягким согласным изменения незначительны: $F_1 = 300\text{--}500$ Гц, $F_2 = 2300\text{--}2900$ Гц. Звук [ы]: $F_1 = 400\text{--}550$ Гц, $F_2 = 1700\text{--}2400$ Гц, перед мягким согласным значение F_2 несколько выше: $F_1 = 400\text{--}500$ Гц, $F_2 = 1900\text{--}2600$ Гц.

Фонема [у] в говоре с. Солдатское в позиции между твердыми согласными представлена звуками пониженно верхнего или верхне-среднего подъема: $F_1 = 420\text{--}600$ Гц, $F_2 = 800\text{--}1200$ Гц, перед мягкими согласными этот гласный незначительно опережается: $F_1 = 400\text{--}550$ Гц, $F_2 = 900\text{--}1500$ Гц. В позиции после мягкого согласного /у/ в большинстве случаев представлена дифтонгом [иу] ($F_1 = 350\text{--}450$ Гц, $F_2 = 2000\text{--}2300$ Гц; $F_1 = 400\text{--}550$ Гц, $F_2 = 900\text{--}1500$ Гц), в остальных случаях это монофтонг [у] ($F_1 = 400\text{--}500$ Гц, $F_2 = 1100\text{--}1600$ Гц). Между мягкими согласными обычно произносится опереженный [у] ($F_1 = 350\text{--}500$ Гц, $F_2 = 1100\text{--}1600$ Гц): [иүгрю]шка, д[ү]б, гр[ү]бка, н[аидү]ть, к[ү]лишь, неблагон[алү]чно, д[иү]же, пл[иү]нуть, [йү]бки, к[астрү]лям, ч[ү]ни.

Таким образом, в говоре с. Солдатское фонемы верхне-среднего и среднего подъема могут быть реализованы широким спектром звуков, частично обусловленных позицией (в том числе влиянием соседних согласных: их твердостью/мягкостью, местом образования), частично находящихся в свободном варьировании.

При этом статистический анализ материала свидетельствует о том, что различие семи фонем все же сохраняется в узусе: фонемы /ѣ/ и /е/ в большинстве случаев сохраняют противопоставление как дифтонг и монофтонг, а аллофоны фонем /о/ и /ω/ различаются по признаку подъема (широкая артикуляционная база гласных говора дает возможность различать гласные среднего подъема [о] и средне-

нижнего подъема [ɔ]). Таким образом, в говоре существует функциональное различие звуков [ɔ] и [o], иначе говоря наличие [ɔ] системно значимо.

Также имеет значение качество согласного, находящегося перед гласными некрайних подъёмов, степень аккомодации гласных и согласных: гласные, представляющие фонемы верхне-среднего подъема, в отличие от аллофонов /e/ и /o/, имеют начальный переходный элемент [и] и [у], который обычно составляет не менее трети всего гласного образования; наконец, перед всеми аллофонами фонемы /ѣ/ всегда произносится мягкий согласный, а перед реализациями фонемы /ω/ — лабиализованный согласный. Это свойственно и другим русским говорам [Высотский 1949: 11, 18].

Помимо качества собственно ударного звука, в сохранении противопоставления играет значительную роль соотношение длительности ударного и предударного звуков, особая ритмическая структура фонетического слова, присущая южнорусским говорам [Савинов 2013]: перед гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов в говоре с. Солдатское, как и во многих других говорах с архаическими типами аканья и яканья, в 1-м предударном слоге произносятся звуки, превышающие по длительности ударный звук, и, напротив, гласный в 1-м предударном слоге перед ударными среднего и нижнего подъёмов имеет меньшую длительность, чем ударный. Эта особенность не нарушается в рассматриваемом говоре даже в том случае, когда качество гласного в 1-м предударном слоге не соответствует модели предударного вокализма говора, его длительность определенным образом соотносится с длительностью ударного звука.

На рис. 5 представлена словоформа *н[а ма́]ть*, в данном слове в 1-м предударном слоге перед гласным нижнего подъема произносится также гласный нижнего подъема. Несмотря на то что по качеству звук полностью уподобляется ударному, сохраняется противопоставление по длительности, свойственное архаическим типам вокализма: предударный гласный значительно короче ударного. Можно отметить еще одну особенность: при произнесении [а] в 1-м предударном слоге перед ударным [а] диссимиляция ударного гласного и гласного 1-го предударного слога часто может обеспечиваться понижением ударного звука — фонема /а/ под ударением реализуется звуком [а] пониженного подъема.

Таким образом, существующее в местном узусе многообразие звуков, представляющих одну и ту же фонему, случаи совпадения в одном звуке этимологически разных гласных все же не дают оснований констатировать утрату семифонемного вокализма: последова-

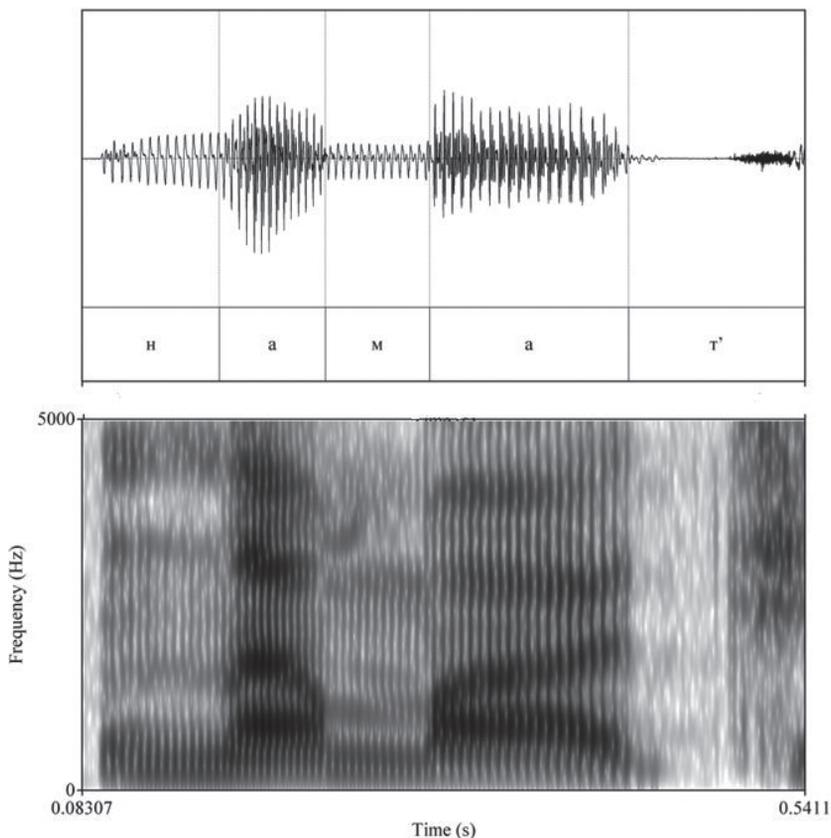

Рис. 5. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *н[а má]тʲ*:
ударный звук: $F_1 = 814$ Гц, $F_2 = 1713$ Гц;
первый предударный звук: $F_1 = 843$ Гц, $F_2 = 1595$ Гц.

тельное сохранение архаического аканья и яканья обоянского типа в говоре с. Солдатское (случаи отступлений редки) поддерживается не только качеством звуков, представляющих фонемы верхне-среднего и среднего ряда, но и всей фонетической системой говора. Существующая норма — диссимилиация ударного гласного и гласного 1-го предударного слога, и это противопоставление может осуществляться разными средствами.

2. Иная ситуация представлена в говорах с. Берёзовка и Присынок.

Говор с. Берёзовка Ивнянского р-на Белгородской обл. характеризуется жидринским типом диссимилативного аканья и суджанским типом яканья.

Как и в говоре с архаическим вокализмом, в позиции между твердыми согласными, наряду с [a] на месте /a/, может произноситься пониженный гласный [a̠] ($F_1 = 850\text{--}1000$ Гц, $F_2 = 1400\text{--}1700$ Гц), но он встречается реже, всего в 20% случаев.

В позиции перед мягким согласным произносится звук с теми же формантными характеристиками, что и звук [a] в позиции между твердыми, а-пониженное отмечено в единичных случаях: *отк[э́а́]лась, зелен[э́ва́]тая, н[эхá]ла; с[эмá]нные, д[’иржа́]к, ни[’итна́]дцать, пом[оу́а]ют, кар[э́ва́]й, к[э́са́]ми.*

В позиции после мягкого согласного звук [e̠a̠] обладает начальным переходным элементом длительностью 25–40% от общей длительности гласного, его формантные характеристики: $F_1 = 500\text{--}550$ Гц, $F_2 = 2100\text{--}2500$ Гц. Основная часть звука имеет следующие характеристики: $F_1 = 700\text{--}800$ Гц, $F_2 = 1600\text{--}1800$ Гц. По отношению к звукам в позиции между твердыми согласными, F_2 несколько выше, частота F_1 не отличается: *б[эл’е́а́]т, пор[э́с’е́а́]та, гр[’иш’е́а́]ной, дер[’ив’е́а́]ная.*

В позиции между мягкими согласными ударный [i̠a̠] обладает двумя практически равными частями. Первая часть звука имеет $F_1 = 400\text{--}520$ Гц, $F_2 = 2200\text{--}2700$ Гц. Вторая часть звука также имеет по отношению к ударному [a] между твердыми согласными пониженные значения первой форманты и повышенные второй: $F_1 = 600\text{--}650$ Гц, $F_2 = 1900\text{--}2100$ Гц. Обе части этого звука, как правило, имеют собственный пик интенсивности: *выг[эн’и́а́]ють, гл[’ид’и́а́]ть, ост[э́вл’е́а́]ть.*

В отличие от только что рассмотренного архаического говора с. Солдатское, гласные пониженного подъема на месте фонемы /a/ встречаются реже, частота F_1 этих гласных в среднем ниже, чем в говоре с архаическим вокализмом, и в большинстве случаев не превышает 1000 Гц.

На месте /e/ (из *ѣ) в позиции перед твердым согласным произносятся неоднородные гласные двух типов: в 80% случаев это звук [i̠e̠] ($F_1 = 350\text{--}550$ Гц, $F_2 = 2500\text{--}2800$ Гц; $F_1 = 500\text{--}700$ Гц, $F_2 = 1700\text{--}2200$ Гц); в остальных случаях это более открытый звук [e̠e̠] ($F_1 = 500\text{--}550$ Гц, $F_2 = 2200\text{--}2400$ Гц; $F_1 = 500\text{--}700$ Гц, $F_2 = 1700\text{--}2200$ Гц), начальный переходный элемент этих гласных образований составляет 40–50% от общей длительности гласного: *д[’ир’и́е̠]вня, н[’иб’и́е̠]сное, с[ас’и́е̠]д; к[ал’и́е̠]ночки, н[а́је̠]хл, заб[ал’е́е̠]л.*

В позиции перед мягким согласным произносится также дифтонг [i̠e̠], в небольшом количестве примеров встречается моно-

фтонг [e] ($F_1 = 450\text{--}470$ Гц, $F_2 = 2600\text{--}2900$ Гц): *св[’ид’иѐ]тель*, [јишм’иѐ]нь, *эл[’ид’иѐ]ть*, *н[’ид’иѐ]лю*; *т[’ип’ѐ]рь*.

На месте /e/ (из *e, *b) в большинстве случаев перед твердым согласным так же произносятся двухкомпонентные звуки, как и на месте /e/ (из *b): [иѐ] ($F_1 = 380\text{--}500$ Гц, $F_2 = 2300\text{--}2600$ Гц; $F_1 = 550\text{--}650$ Гц, $F_2 = 1300\text{--}2000$) и [ѐѐ] ($F_1 = 500\text{--}600$ Гц, $F_2 = 2300\text{--}2500$ Гц; $F_1 = 650\text{--}700$ Гц, $F_2 = 1700\text{--}2000$ Гц). Монофтонг [e] ($F_1 = 480\text{--}500$ Гц, $F_2 = 2500\text{--}2600$ Гц) в этой позиции встречается редко: *ч[’итв’иѐ]рг*, *б[’игл’иѐ]ц*, *хол[ад’иѐ]ц*; *соб[’ир’ѐѐ]мси*, [ад’ѐѐ]жду, *с[ас’ѐѐ]д*; *нап[’ик’ѐ]шь*, *к[ар’ѐ]ц* (корец ‘ковш, половник’).

В позиции перед мягкими согласными возможно как произнесение дифтонга [иѐ], так и монофтонга [e] с теми же формантными характеристиками, что и звуки перед твердым согласным, примерно в равном количестве примеров: *возн[’ис’иѐ]нии*, *л[’иш’иѐ]ние*, *прин[’ис’иѐ]*, *тр[’ис’ѐ]ть*, *мат[’ир’ѐ]й*, *возн[ыс’ѐ]ние*.

Таким образом, в местном узусе довольно часто отмечается дифтонг [иѐ], который произносится как в соответствии с *b, так и в соответствии с *e, то есть в местной системе представлена одна обобщенная фонема /e/, как в литературном языке. Правда, в литературном языке, в отличие от исследуемой системы, наблюдается иное соотношение *и*-образной и *е*-образной частей: начальная *и*-образная фаза после мягкого согласного здесь обычно короче: только начальный участок гласного, реализующего фонему /e/ после мягкого согласного, «сдвинут вперед и вверх» [Касаткин 2014: 153].

Фонема /o/ (из *o) перед твердыми согласными представлена дифтонгом [yo] ($F_1 = 400\text{--}450$ Гц, $F_2 = 700\text{--}800$ Гц; $F_1 = 550\text{--}600$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1100$ Гц) или монофтонгом [o] ($F_1 = 500\text{--}550$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1200$ Гц): *толст[’икyo]вая*, *прин[’имyo]гла*, *сам[арyo]д*; *П[’атрo]вна*, *П[’атрo]в день*.

Перед мягким согласным это также может быть как дифтонг [yo] ($F_1 = 400\text{--}500$ Гц, $F_2 = 800\text{--}1000$ Гц; $F_1 = 550\text{--}650$ Гц, $F_2 = 1200\text{--}1900$ Гц), так и монофтонг [o] ($F_1 = 480\text{--}600$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1300$ Гц): *дор[аyo]я*, *зол[атуo]е*, *з[алуo]ю*, *к[арo]че*, *медс[’астрo]ю*. В единичных случаях в этой позиции наблюдается звук средне-нижнего подъема [ɔ] ($F_1 = 500\text{--}650$ Гц, $F_2 = 1000\text{--}1200$ Гц).

На месте /o/ (из *o и *b) перед твердым согласным также возможно произнесение дифтонга [yo] или монофтонга [o] с формантными характеристиками, идентичными соответствующему дифтонгу и монофтонгу на месте /o/ из *o ([yo] — $F_1 = 400\text{--}450$ Гц, $F_2 = 700\text{--}800$ Гц;

$F_1 = 550\text{--}600$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1100$ Гц; [о] — $F_1 = 500\text{--}550$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1100$ Гц): *п[’исӯ]к, в[’еадрӯ]м, б[’илкӯ]м; м[’ешо]к, дев[’ан’о]сто, б[’ил]к.*

В позиции перед мягким согласным звук испытывает его влияние, вторая форманта гласного повышается ($F_1 = 400\text{--}450$ Гц, $F_2 = 900\text{--}1000$ Гц; $F_1 = 500\text{--}550$ Гц, $F_2 = 1200\text{--}1900$ Гц): *ж[алтӯ]чик, к[акӯ]й, б[эл’шӯ]й, м[’ешо]чик, с[’ад]й, св[’икр]вья.*

Так же как на месте /о/ из *ω, гласный [о] ($F_1 = 500\text{--}650$ Гц, $F_2 = 1000\text{--}1200$ Гц) на месте [о] из *o и *b после твердых согласных встречается в единичных случаях. Примеры его произнесения отмечены в словах с неподвижным ударением на основе, а также в существительных, оканчивающихся на -ок: *дев[’ан’о]сто, св[’икр]вью, св[’икр]вья, б[’ил]к, л[’ис]к.*

Очевидно, что на современном этапе развития в местном узусе фонемы /о/ и /ω/ не различаются. На месте /о/ независимо от происхождения обычно произносится дифтонг [y̠], имеющий практически равные по длительности части. Важно, что большинство этих дифтонгов встречается в позиции после губных или заднеязычных согласных, то есть обусловлены не этимологией гласного, а артикуляцией предшествующего звука. В литературном языке на месте /о/ также произносится неоднородный гласный, однако начальная у-образная фаза здесь обычно значительно короче о-образной: «<...> этот гласный начинается как [у]-образный звук, а заканчивается как делабиализованный, почти [А]-образный, так что в подробной фонетической записи его можно было бы изобразить следующим образом: [ʰoʌ]» [Бондарко 1998: 56].

Звук [и] говора Берёзовки, так же как и в говоре с архаическим вокализмом, несколько ниже по подъему, чем гласный литературного языка: его формантные характеристики $F_1 = 300\text{--}500$, $F_2 = 2400\text{--}2800$ Гц.

Звук [ы] в большинстве случаев как в позиции перед твердым согласным, так и в позиции перед мягким, неоднороден и состоит из двух частей: начинается с гласного пониженно-верхнего подъема среднего ряда, а затем продвигается вперед и вверх ($F_1 = 500\text{--}550$, $F_2 = 1200\text{--}2000$, $F_1 = 350\text{--}400$, $F_2 = 1900\text{--}2400$), в позиции перед мягким согласным вторая форманта имеет большие значения, то есть во второй части этот гласный по сути достигает *и*-образного звучания ($F_1 = 450\text{--}550$ Гц, $F_2 = 1500\text{--}2000$ Гц, $F_1 = 370\text{--}400$ Гц, $F_2 = 2400\text{--}2600$ Гц): *ш[’ы]ло, н[’и] ж[’ы]джое, пр[эб]ли.*

Неоднородность гласного [ы], впервые отмеченная в литературном языке А. И. Томсоном [1910: 163, 239, 240], «является обязательной приметой русской речи» [Бондарко 1998: 56–57].

Звук [у] в говоре с. Берёзовка [у] в позиции между твердыми согласными $F_1 = 350\text{--}550$, $F_2 = 850\text{--}1050$, перед мягким согласным имеет чуть большие значения второй форманты, в позиции после мягкого и между мягкими согласными $F_1 = 380\text{--}500$ Гц, $F_2 = 700\text{--}1600$ Гц.

Несмотря на то что в данном говоре не сохраняется противопоставление фонем верхне-среднего и среднего подъёмов, можно отметить черты, совпадающие с особенностями гласных говора с архаической системой: наличие пониженных звуков, неоднородные звуки, в том числе, представляющие фонемы верхнего и нижнего подъёмов.

Можно отметить, что в данном говоре согласные произносятся мягко как перед этимологическими гласными верхне-среднего, так и перед гласными среднего подъёма, а гласный в этой позиции всегда имеет начальный переходный элемент. В слоге перед гласными верхнего подъёма не отмечено произнесение в 1-м предударном слоге после твердого согласного [а] пониженного образования, напротив, отмечаются отдельные случаи с [э] в этой позиции. Кроме того, противопоставление ударного и гласного 1-го предударного слога по длительности не выдерживается последовательно: предударный гласный перед ударным гласным верхнего подъёма оказывается большей длительности только в 40% случаев, перед этимологическими гласными верхне-среднего и среднего подъёмов — в 10% примеров. Сохраняется расподобление ударного и безударного звуков по длительности лишь перед ударным, представляющим фонему /а/: длительность гласного первого предударного слога в этой позиции составляет 50–80% от длительности ударного, и никогда не превышает ее. Существование жиздринского типа диссимилятивного аканья в данном говоре обусловлено не только качеством звуков в безударном слоге, но и долготным соотношением ударного гласного и гласного 1-го предударного слога.

В позиции после мягких согласных перед ударным [а] в 1-м предударном слогe всегда произносится звук [и], перед гласными верхнего подъёма [и], [ы], [у] — звук [а]. Также не отмечено исключений перед ударным [е] разного происхождения: в этой позиции всегда произносится [и]. Между тем тип яканья в данном говоре имеет ряд особенностей, связанных с распределением звуков в первом предударном слогe перед ударным [о] на месте *o, *ь и *ω. Тот или иной звук —

[и] или [а] — произносятся в определенных грамматических категориях или в отдельных словах с постоянным ударением на основе [Захарова 1970].

Перед ударным [о] из *ω обычно сохраняется произношение [а], звук [и] наблюдается в позиции 1-го предударного слога в формах косвенных падежей существительных первого склонения (с[’и]с^тр^ой), что связано с влиянием формы И. п. (закономерно произносится с [и] перед ударным [а]: с[’и]с^тр^а), занимающей доминирующую позицию в системе склонения существительных в единственном числе.

Перед ударным [о] из *o и *ъ гласный [а] произносится в И. п. прилагательных м.р.: с[’а]д^ой, св[’а]т^ой, земл[’а]н^ой и Тв. п. существительных ср.р.: с[’а]л^ом, в[’а]д^ро^м. Такое произношение также утвердилось под действием грамматической аналогии. У существительных это влияние формы является И. п. ед. ч., (в[’а]д^ро^м как в[’а]д^ро). У прилагательных, напротив, выравнивание основ происходит под действием форм косвенных падежей м., ж., ср. р. (с[’а]д^ой старик как у с[’а]д^ой старухи).

Звук [и] перед ударным [о] из *o и *ъ наиболее последовательно сохраняется в основах слов, не знающих чередования гласных под ударением, то есть в словах с неподвижным ударением на основе (св[’и]к^ро^вья, св[’и]к^ло^чку, м[’и]ш^бч^к, погр[’и]б^чк и др.), неизменяемых словах (б[’и]г^ло^м, в[’и]р^хо^м). Произнесение [и] в данном случае отчасти поддерживается тем, что именно в этих словах в данном говоре под ударением отмечается звук [ɔ]. Иначе говоря, грамматизируется не только гласный [и] 1-го предударного слога (что было известно и раньше, см. [Захарова 1970]), но и ударный гласный [ɔ], исконно являвшийся аллофоном фонемы /o/, противопоставленной /ω/.

3. В говоре с. Присынок Губкинского р-на наблюдается жиздринский тип аканья и яканье щигровского типа, так же как и в говоре Берёзовки, отсутствует противопоставление фонем верхне-среднего и среднего подъемов. Уровень подъема аллофонов пяти гласных фонем говора в целом соответствует соответствующим аллофоном литературного языка, однако можно отметить большую упрежденность гласных переднего ряда, значение F_2 гласного верхнего подъема [и] может достигать 3100 Гц, гласного [е] — 2900 Гц.

В говоре д. Присынок отсутствует [а]-пониженное, F_1 данного звука в позиции между твердыми согласными не превышает 800 Гц.: $F_1 = 700\text{--}800$ Гц, $F_2 = 1550\text{--}1700$ Гц. В позиции перед мягким согласным звук тот же, но F_2 несколько выше: $F_1 = 700\text{--}$

800 Гц, $F_2 = 1600\text{--}1900$ Гц (*св[’изá]ла, нед[’эста́]тки, з[’эка́]тывается; св[’икра́]ми, встр[’ивá]ть, сл[’ипá]я*).

В позиции после мягкого согласного фонема /а/ обычно реализуется дифтонгом, первая часть которого составляет 40–50% от общей продолжительности звука: $F_1 = 450\text{--}600$ Гц, $F_2 = 2300\text{--}2500$ Гц. Вторая часть звука имеет следующие характеристики: $F_1 = 700\text{--}800$ Гц, $F_2 = 1700\text{--}2300$ Гц. По отношению к позиции между твердыми согласными, F_2 основной части несколько выше, частота F_1 не отличается: *т[’ил’еá]ты, д[’ив’еá]том, мор[’эз’еá]ка*.

В позиции между мягкими согласными ударный [а] обычно обладает двумя равными по продолжительности частями. Первая часть звука имеет $F_1 = 500$ Гц, $F_2 = 2300\text{--}2700$ Гц, вторая часть — $F_1 = 700\text{--}800$ Гц, $F_2 = 2100\text{--}2300$ Гц. Также может произноситься однородный звук ($F_1 = 550\text{--}650$ Гц, $F_2 = 2100\text{--}2300$ Гц): *дв[’ир’еá]ми, н[’эш’á]ми, н[’эр’á]де; кр[’ис’т’já]не, х[’эз’á]йством, н[’эч’á]ли*.

На месте этимологического *ѣ, так же как и на месте *е, ь, перед твердым согласным чаще наблюдается произнесение дифтонгичного звука [иэ] ($F_1 = 350\text{--}450$ Гц, $F_2 = 2500\text{--}2900$ Гц; $F_1 = 500\text{--}650$ Гц, $F_2 = 1800\text{--}2300$ Гц).

В позиции перед мягким согласным, напротив, произносится однородный на всем протяжении звук — монофтонг [е] ($F_1 = 380\text{--}500$ Гц, $F_2 = 2600\text{--}2800$ Гц): *загр[’ам’иэ́]л, чел[ав’иэ́]к, ном[’емн’иэ́]л; к[ан’иэ́]ц, кл[ад’иэ́]шь, д[’ир’иэ́]вня, бл[’аст’э́]ли, н[’ед’э́]лю, з[аб’э́]лются; б[’из д’э́]нег, н[а п’э́]чку, ст[’ир’э́]чь*.

Фонема /о/ вне зависимости от этимологии в позиции между твердыми согласными реализуется звуком [о] ($F_1 = 540\text{--}650$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1400$ Гц), тот же гласный с незначительными изменениями произносится в позиции перед мягким согласным ($F_1 = 500\text{--}600$ Гц, $F_2 = 1100\text{--}1200$ Гц): *н[а по́]л, с[ало́]му, н[ало́]в; н[’ашко́]м, нл[’ато́]к, н[’ищо́]т; с[ало́]ме, м[ало́]ть, цв[’атно́]й (ж. р); св[’икро́]вью, сл[’апо́]й (м. р.)*. Только после губных согласных возможно произнесение позиционно обусловленного дифтонга [уо]: *н[а пуо́]л*.

Звуки верхнего подъема имеют более высокое значение первой форманты, чем в литературном языке, кроме того, можно отметить их более переднее образование по сравнению как с литературным языком, так и с говором с архаическим вокализмом. Значение второй форманты может превышать 3000 Гц. В говоре с. Присынок [и] перед твердым согласным ($F_1 = 300\text{--}500$ Гц, $F_2 = 2500\text{--}3000$ Гц), перед мягким согласным первая форманта имеет меньшее значение ($F_1 = 300\text{--}400$ Гц, $F_2 = 2700\text{--}3100$ Гц).

Звук [ы] имеет следующие характеристики: $F_1 = 400\text{--}600$ Гц, $F_2 = 1800\text{--}2600$ Гц, перед мягким согласным вторая форманта несколько выше: $F_1 = 400\text{--}600$ Гц, $F_2 = 2100\text{--}2800$ Гц. Дифтонгичные звуки отмечены не были.

Звук [у] в позиции между твердыми согласными имеет следующие характеристики: $F_1 = 350\text{--}550$ Гц, $F_2 = 700\text{--}900$ Гц, перед мягким согласным: $F_1 = 350\text{--}500$ Гц, $F_2 = 700\text{--}1100$ Гц, в позиции после мягкого согласного: $F_1 = 350\text{--}450$ Гц, $F_2 = 1000\text{--}1300$ Гц, после мягкого согласного и перед мягким согласным: $F_1 = 350\text{--}450$ Гц, $F_2 = 1000\text{--}1300$ Гц, значения формант в целом соответствуют значению формант аллофонов фонемы /у/ в литературном языке.

В говоре с. Присынки представлен пятифонемный вокализм, ударные гласные говора характеризуются меньшим разнообразием, чем в говорах с. Берёзовка и с. Солдатское. Гласные звуки в позиции после мягких согласных дифтонгичны, всегда имеют начальный переходный участок. Соотношение длительности ударного и предударного звуков, характерное для архаических типов вокализма, отчасти прослеживается в случае с ударными гласными верхнего и нижнего подъёмов: перед гласными верхнего подъёма гласный 1-го предударного слога в половине примеров превышает по длительности ударный гласный, перед гласными нижнего подъёма в 1-м предударном слоге произносится всегда менее длительный звук. Гласные неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге перед этимологическими гласными верхне-среднего и среднего подъёмов длительнее ударного в 20% случаев. Существование жиздринского типа диссимилятивного аканья в данном также поддерживается расподоблением ударного гласного и гласного 1-го предударного слога по длительности.

Так же, как и в говоре с. Берёзовка, на выбор гласного в первом предударном слоге в позиции после мягкого согласного в этом говоре влияют, прежде всего, грамматические причины — тенденция к выравниванию основ, которая затрагивает парадигмы существительных и прилагательных. Слова с постоянным ударением на основе, не испытывающие этого влияния, сохраняют предударный гласный в соответствии с этимологией ударного.

Перед гласными верхнего и нижнего подъёмов в первом предударном слоге принцип диссимиляции прослеживается последовательно: в 1-м предударном слоге перед слогом с ударными [и], [ы], [у] произносится [а], а перед слогом с ударным [а] — [и].

В 1-м предударном слоге перед слогом с ударными гласными среднего подъёма наблюдается большое количество случаев отступле-

ния от общей модели вокализма — щигровского яканья в отдельных словах и грамматических формах, варианты произношения одной и той же словоформы.

Перед ударным [е] зависимость гласного 1-го предударного слога от этимологии ударного гласного сохраняется достаточно последовательно.

В позиции перед ударным [о] из *ω преобладает произношение [а] в 1-м предударном слоге. Исключением является существительное *село*, которое может произноситься как с [а], так и с [и] с равной частотой, что, по всей видимости, связано с большой его частотностью в речи.

В 1-м предударном слоге перед слогом с ударным [о] из *o, *ъ отмечается наибольшее количество вариантов. В ряде случаев произношение одного и того же слова допускает разное произношение даже в речи одного информанта. Так, например, встречается *д[’и]дóк* и *д[’а]дóк*, *б[’и]лкóм* и *б[’а]лкóм*, *цв[’и]тóчках* и *цв[’а]тóчками* в пределах одной полуторачасовой записи, что говорит о том, что в этой позиции норма произношения находится в стадии развития.

Набор слов, обладающих вариантами произнесения, значительно шире, чем в говоре с. Берёзовка, но в целом выбор звука подчиняется влиянию тех же причин.

Преобладает произношение [а] в форме Т. п. существительных мужского и среднего рода: [йа]йцóm, з[’а]рнóm, с[’а]рпóm; в форме И. п. прилагательных мужского рода: шерст[’а]нóй, сл[’а]нóй, н[’а]мóй, и в наречиях: в[’а]рхóm, н[’а]шкóm, б[’а]гóm (но б[’и]гóm),

Произносятся как [и], так и [а] в формах И. п. и Т. п. существительных, оканчивающихся на -ок: д[’а]дóк и д[’и]дóк, б[’и]лók и б[’а]лók, сн[’а]жók, рем[’а]шók, кип[’и]тók; н[’и]сók, м[’а]шкóm и в Р. п. местоимений [йи]гó и [йа]гó, ч[’и]гó и ч[’а]гó и пр.

Меньше всего случаев появления [а] в словах с ударением на основе: в существительном св[’и]крóвью, прилагательном св[’и]кóльный, а также у числительных: н[’и]тьсóт, вос[’и]мьсóт. Позиция в корне слова, не допускающая чередований гласного под ударением при словоизменении, остается наиболее устойчивой к появлению [а].

4. Таким образом, анализ материала свидетельствует о том, что различие семи фонем может сохраняться не только как противопоставление дифтонгов и монофтонгам, но и как противопоставление монофтонгов, локализующихся на разных ступенях подъема: гласный средне-нижнего подъема [ɔ], реализующий фонему /o/, может

быть противопоставлен гласному среднего подъема [o], реализующему /o/, что отмечается в Солдатском.

Помимо качества аллофонов, реализующих соответствующие фонемы некрайних подъемов, в сохранении противопоставления /ѣ/ — /е/, /ω/ — /о/ значительную роль играет соотношение длительности ударного и предударного звуков, особая ритмическая структура фонетического слова, присущая южнорусским говорам: так, перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъемов в говоре с. Солдатское, как и во многих других говорах с архаическими типами аканья и яканья, в 1-м предударном слоге произносятся звуки, превышающие по длительности ударный звук, и, напротив, гласный в 1-м предударном слоге перед ударными среднего и нижнего подъемов имеет меньшую длительность, чем ударный.

Говоры утратившие противопоставление фонем верхне-среднего и среднего подъемов, сохраняют некоторые черты, присущие говорам с архаической системой ударного вокализма: дифтонги [иѣ], [ѹо], [ѣа], [иа]; наличие пониженных звуков [а], [ѳ]. В отдельных случаях даже возможна лексикализация произношения [ѳ] на месте этимологического *o в словах с неподвижным ударением на основе, а также у существительных, оканчивающихся на -ок: *дев[’ан’ѳ]сто*, *св[’икрѳ]вью*, *св[’икрѳ]вья*, *б[’илѳ]к*, *л[’исѳ]к*.

О наличии в прошлом семифонемного вокализма может свидетельствовать и система вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных: в южнорусских говорах широко распространены суджанский и щигровский типы диссимилятивного яканья. Характерной особенностью этих разновидностей диссимилятивного вокализма является их наличие в говорах с пятью гласными фонемами [Захарова 1970: 6, 17]. Различение звукотипов [и] — не-[и] перед этимологическими гласными верхне-среднего и среднего подъемов сохраняется при отсутствии реального фонологического противопоставления /ѣ/ ~ /е/, /ω/ ~ /о/, а выбор определенного звукотипа в этой позиции регламентирован произносительными особенностями конкретных слов и грамматических форм.

III. Система и узус в ударном вокализме одного архаического севернорусского говора

1. Как уже было сказано, адекватная интерпретация системы диалектного ударного вокализма может производиться только на статистически значимом материале и учитывать качество реализаций всех фонем: не только /ѣ/ и /ω/, но также и /е/, /о/. Диалектные под-

системы языка не кодифицируются, не фиксируются в словарях, а их нормы меняются значительно быстрее литературных. «В диалектах, <...> имеется традиция использования языковых средств, но никто из носителей диалекта не оберегает его от каких-либо влияний, не культивирует сознательно и целенаправленно диалектные образцы речи, речевого общения» [Беликов, Крысин 2001: 26]. Поэтому первостепенную важность в диалектологических исследованиях приобретает изучение диалектных систем в аспекте их функционирования в конкретных возрастных группах.

2. Во многих русских говорах ранее существовал контраст между передними фонемами верхне-среднего и среднего подъемов. Однако сейчас в большом количестве диалектных систем данный контраст утрачен. Система гласных фонем больше не включает переднюю гласную верхне-среднего подъема, однако в узусе продолжают существовать звуки, ранее ее представлявшие.

Так, в комментариях к ДАРЯ указывается, что звук [e] на месте этимологической фонемы /ѣ/ в вологодских говорах распространен практически повсеместно, что позволяет сделать вывод о том, что контраст между /e/ и /ѣ/ в таких говорах утрачен. В то же время звуки [e], [и̑], [и̑], [и] зафиксированы в некоторых говорах не только на месте этимологической фонемы /ѣ/, но и на месте /e/ [Аванесов, Бромлей 1986: 139–140]. В работе Й. Ваахтеры отмечается, что в одном вологодском говоре в речи пожилых носителей на месте этимологической фонемы /ѣ/ в большинстве случаев встречается [e], реже фиксируются звуки [e], [и̑], [и̑], [и], на месте /e/ отмечаются гласные [e], [и̑] [Ваахтера 2009: 181–184]. В статье Л. Л. Касаткина, посвященной Кировским говорам, распространенным в Арбажском и Котельничском районах, указывается, что в этих диалектах идет процесс объединения /ѣ/ и /e/. На месте /e/ в CVC в этих говорах обычно выступает [e]: *кон'ешно, н'экогда, от'эц, н'эrvый*. На месте /ѣ/ обычно выступает [e]: *гр'ех, д'элал'и, д'эфка, жéхат'*, реже [и]: *д'івок, д'ілат', јіхат, надоіло, н'ит, хл'іба*; единично при эмплазе отмечается [и̑]: *л'іес, л'іетом*. Но в слабой фразовой позиции на месте этимологической фонемы /ѣ/ также встречается [e]: *б'эдно, з'д'элал'и, кр'эпко, над'эну, с'эно* [Касаткин 2012: 280].

Таким образом, примеры из современных севернорусских говоров свидетельствуют о том, что контраст между передними фонемами верхне-среднего и среднего подъемов разрушается: аллофония, характерная ранее только для одной из фонем, распространяется и на морфемы, где раньше выступала другая. Поэтому необходимо опре-

делять, как с точки зрения всей вокалической системы интерпретировать данную вариативность.

Для кировских говоров, согласно данным диалектологических работ [см., например, Высотский 1967: 76–78, Макарова 1999: 244–256], характерно наличие двух неверхних фонем переднего ряда /e/ и /ɛ/. На месте /e/ обычно выступает гласный [e], как в C'VC, так и в C'VC', на месте /ɛ/ в позиции C'VC, как правило, отмечается гласный [e], иногда [и], в позиции C'VC' последовательно выступает [и]⁷ [Касаткина (ред) 1991: 210]. Однако в диалектологической литературе также имеются сведения о том, что фонологический контраст между /e/ и /ɛ/ во многих кировских говорах утратился, но сохранились «особые звуки на месте /ɛ/», являющиеся в этих говорах аллофонами фонемы /e/ [Высотский 1967: 74–75].

В данном исследовании применялся метод изучения исторических процессов на основе синхронных данных. Этот метод основан на сравнении вариантов произношения в речи людей, принадлежащих к разным возрастным группам.

Суть этого метода заключается в том, что, сравнивая процентное соотношение произносительных вариантов в речи представителей нескольких поколений, можно проследить динамику развития фонетической системы в синхронии, что позволяет построить модель звукового изменения на основе синхронных данных. Данный метод широко используется как при исследовании литературного языка, так и при изучении диалектов. Так, С. С. Высотский отмечал, что при исследовании звукового облика говора необходимо учитывать возможность сосуществования в нем нескольких параллельных «частных систем», сохраняющих диахронические ступени развития говора [Высотский 1977а: 9, 20, Высотский 1977б: 25]. Г. А. Баринава использовала данный подход при исследовании процессов, протекающих в русском литературном языке [Баринава 1966].

В основе данного подхода лежит идея о том, что каждое поколение говорящих отражает один из этапов развития фонетической системы. Сравнение вариантов произношения дополняется исследованием условий, мотивирующих выбор одного или другого варианта.

⁷ Стоит отметить, что в некоторых говорах контраст между /e/ и /ɛ/ отмечается не только после палатализованных согласных, но и после непалатализованных (то есть после отвердевших шипящих и ц) [см., например, Савинов 2013: 113–116]. Однако в кировских говорах это явление не зафиксировано. Данные настоящего исследования показали, что в кайском говоре на месте обеих этимологических фонем в позициях CVC, CVC' выступает [e].

3. Анализ аудиозаписей речи 10 информантов, принадлежащих к трем возрастным группам (старшая (76–82 года), средняя (41–58 лет) и младшая (13–23 года) показал, что в кайском говоре Верхнекамского района Кировской области произошло объединение /e/ и /ɤ/, то есть исчезли позиции, где эти фонемы могут быть противопоставлены. В то же время аллофоны, представлявшие обе эти фонемы, сохраняются, однако происходит их перераспределение в зависимости от условий произношения. Идиосистемы можно разделить на три типа, которые можно ассоциировать с тремя стадиями развития вокалической системы.

Тип I. В идиосистемах ВСВ, ЕНП, АЕН, АМЧ, ЛИЧ⁸, относящихся к этому типу, в единичных морфемах зафиксирован только звук [e], в большом количестве морфем отмечается вариативность [e], [и⁹], [e̞], [ɛ], [и] в С'VC и С'VC', в другой большой группе морфем в обеих позициях звучит [ɛ].

В идиолекте ВСВ только со звуком [e] было отмечено 7 морфем (8 реализаций), ни в одной из которых этимологически не выступала /ɤ/:

С'VC': -берег/ч- [б'ер'эч'] — 1, -десят- [д'эс'эт'] — 1, -ej- [у н'эй] — 1, -мед- [м'эд'икэм] — 1, -мен- [м'эн'ше] — 1, суффикс -ечк- [м'ес'т'эч'кэ] — 1, суф. -еньк- [мел'эн'кэ] — 1¹⁰.

В идиосистеме ЕНП только с [e] было отмечено 4 морфемы (5 реализаций), в 3 морфемах этимологически выступала /ɤ/:

С'VCи С'VC': -накет- [пзк'эт] — 1, [пзк'эт'е] — 1.

С'VC': -десят- [д'эс'эт'] — 1, -сет- [с'эт'] — 1, -звер- [зв'эр'и] — 1.

В речи информантки АЕН только с [e] отмечено 7 морфем (8 реализаций), в 4 из них этимологически выступала /ɤ/:

С'VC: -где- [гд'э] — 1, -конец- [кэн'эц] — 1;

С'VC': -ден- [д'эн'] — 2, окончание числ. -е- [дв'эс'т'и] — 1, -недел- [н'эд'эл'и] — 1, -орех- [вр'эх'и] — 1, суф. -ечк- [м'ес'т'эч'кэ] — 1.

В идиолекте АМЧ только [e] отмечен в 2 морфемах (2 реализации) на месте /ɤ/:

С'VC: оконч. мест. Д. п. — П. п. -е [мн'э] — 1, -совсем- [сэфс'эм] — 1.

⁸ Идиолекты обозначены первыми буквами имен, отчеств и фамилий информантов.

⁹ В данном исследовании для обозначения гласного переднего ряда среднего подъема используется символ [ɛ], для передачи гласного переднего ряда верхне-среднего подъема — знак [e].

¹⁰ Примечательно, что все эти примеры отмечены в позиции С'VC', способствующей образованию более закрытого гласного [см. Аванесов 1949: 45].

В идиолекте ЛИЧ только с закрытым звуком зафиксировано 5 морфем (5 реализаций), из них 2 на месте этимологической фонемы /ѣ/:

C'VC: *-креп-* [кр'ѣпкиэ] — 1, *-вест-* [в'ѣстзч'к'и] — 1.

C'VC': *-берег/-* [б'ер'ѣч'] — 1, *-библиотек-* [в б'ибл'иэт'ѣк'е] — 1, *-де-* [д'ѣн'еш] — 1.

Таким образом, в каждом из 5 идиолектов имеются морфемы, произнесенные по одному разу только с [е]. Примеры показывают, что ударный [е] в 20 случаях отмечен в позиции C'VC', благоприятной для образования закрытого гласного: *б'ер'ѣч', д'ѣн'еш, м'ес'т'ѣч'кэ* и только в 6 примерах в C'VC: *в'ѣстзч'к'и, сѣфс'ѣм, пзк'ѣт*. В большей части случаев слово с ударным [е] стоит в слабой фразовой позиции, также способствующей образованию более закрытого звука [Пауфошима 1983: 33]. Среди зафиксированных примеров имеются такие, где этимологически выступала фонема /ѣ/: *вр'ѣх'и, кр'ѣпкиэ, сѣфс'ѣм* и такие, где была фонема /е/: *д'ѣс'ет', кэн'ѣц, д'ѣн'*. Закрытый звук был зафиксирован не только в исконно русских словах, но и в заимствованиях: *в б'ибл'иэт'ѣк'е, м'ѣд'икам, пзк'ѣт*. Наличие ударного [е] в заимствованных словах говорит о том, что в них действует та же модель выбора гласного под ударением, что и в исконных лексемах, то есть качество ударного звука может определяться условиями произношения. Все эти факты позволяют считать, что [е] в данных идиосистемах — лишь один из аллофонов /е/, что подтверждается большим количеством примеров, где [е] выступает наряду с [иѣ], [ѣѣ], [ѣ], [и] в одной морфеме, при этом выбор одного из этих гласных зависит от условий произношения.

Так, в идиосистеме ВСВ вариативность ударных гласных была отмечена в 41 морфеме (187 реализаций), из них в 25 морфемах (122 реализации) на месте /ѣ/:

1. корни:

C'VC: *-дед-* [д'иѣт] — 2, [д'ѣт] — 1, [д'ѣт] — 2, *-конеч-* [кзн'ѣшнэ] — 2, [кзн'ѣшнэ] — 6, *-отец-* [ѣт'ѣс] — 1 и [ѣт'ѣс — 2], *-декрет-* [д'ѣкр'ѣт] — 3 и [д'ѣкр'ѣт] — 2, *-ферм-* [ф'ѣрмэ] — 2 и [ф'иѣрмэ] — 1, *-интерес-* [инт'ер'ѣснэ] — 2 и [инт'ер'ѣснэ] — 3, [н'ѣ инт'ер'ѣснэ] — 2, *-хлеб-* [хлиѣп] — 1, [хл'ѣп] — 3, [хл'ѣп] — 3, [пэ хл'ѣп] — 1 и др.

C'VC': *-печ-* [п'ѣч'кэ] — 1 и [п'ѣч'кэ] — 1, *-весел-* [в'ѣс'елэ] — 5 и [в'ѣс'елэ] — 2, *-ден-* [д'ѣн'] — 1, [д'ѣн'] — 1 и [д'ин'] — 1, *-двер-* [дв'ѣр'] — 1, [дв'ѣр'] — 1 и [дв'ир'] — 1, *-пенсия-* [п'ѣн'с'иа] — 1, [п'ѣн'с'иу] — 3, [п'ѣн'с'ии] — 1 и [п'ѣн'с'иа] — 1, *-месяц-* [м'ѣс'ѣц] — 3 и [м'ис'ѣц] — 1 и др.

C'VC и **C'VC'**: *-газет-* [в гзз'эт'е — 1] и [гзз'эта] — 1, *-накет-* [пзк'эт'е] — 1 и [пзк'эт] — 1, *-дел-* [дрэвэд'эл] — 1, [з'д'элэут] — 1, [з'д'элэл] — 1 и [д'элэ] — 1, [д'эл'е] — 1, *-дет-* [д'эт'и] — 3, [д'эт'и] — 1, [в д'эцк'иц] — 1, [д'йт'и] — 3, [д'эцв'а] — 1 и др.

2. суф. -ениц- (4): [дэвл'эн'из] — 1, [ст'ихэтвзр'эн'из] — 1 и [дзвл'эн'из] — 1, [вэскр'ес'эн'из] — 1;

3. суффикс -е- глаголов (23):

C'VC: [н'е хэт'элэ] — 1, [хэт'эл] — 1, [хэт'элэ] — 2, [с'ид'эла] — 1, [жел'элэ] — 1 и [зэбол'элэ] — 1, [бол'эл] — 1, [хэт'эла] — 2, [рзэмл'эл] — 1, [жэл'эла] — 1, [н'е с'ид'элэ] — 1, [р'ев'элэ] — 2, [смэтр'эл] — 1;

C'VC': [т'емн'эт'] — 1, [л'ет'эт'] — 1, [м'ел'эт'] — 1, [вд'йт'] — 2, [н'е ад'эт'] — 1, [жел'йл'и] — 1;

4. окончание сущ. Р. п. мн. ч. -ей (6):

C'VC': [д'ет'эйц] — 3, [дзч'ер'эйц] — 1, [л'чд'эйц] — 1 и [д'ет'эйц] — 2, [гзс'т'эйц] — 1.

5. окончание сущ. м. р. П. п. мн. ч. -е (3): [в л'эс'е] — 1, [ф К'ирс'э] — 1, [нэ стол'э] — 1;

6. окончание сущ. ж. р. ед. ч. П. п. -е (3): [нэ з'емл'э] — 1, [с'эстр'э] — 1, [нэ вд'иэ] — 1.

В 56 морфемах (87 реализаций) в этом идиолекте отмечен только [ε]:

1) на месте этимологической фонемы /ʋ/: *-совсем-* [сэвс'эм] — 3, *-недел-* [н'ед'эл'и] — 2, [зэн'ед'эл'ч] — 1, *-лет-* [л'этэ] — 1, [л'этэм] — 2, *-де-* [вд'эждэ] — 1, [нвд'эн'еш] — 1, *-вер-* [в'эрныц] — 2, *-вес-* [пэв'эс] — 2, *-желез-* [жзл'эзны] — 1, [жзл'эзнэ] — 1 и т. д.

2) на месте этимологической фонемы /e/: *-берег-* [ис-пэд б'эр'егэ] — 1, [у б'эр'егэ] — 1, *-сем-* [с'эм] — 1 и [с'эм'д'ес'ет] — 1, *-перв-* [п'эрвыц] — 1, [ф п'эрвыц] — 1, [п'эрвэвэ] — 2, *-тепер-* [т'еп'эр'] — 3, *-верх-* [в'эрх] — 1, [нэв'эрх] — 1, *-балет-* [бэл'эт] — 1, [нэ бэл'эт'е] — 1, *-стел-* [рэст'эл'иш] — 1, [пэст'эл'] — 2 и т. д.

В идиолекте ЕНП отмечено 29 морфем (145 реализаций) с вариативностью ударных гласных в одной морфеме, в 17 морфемах (78 реализаций) этимологически выступала фонема /ʋ/:

1. корни:

C'VC: *-дед-* [д'иет] — 1, [д'иэт] — 1 и [д'эдушкэ] — 2, *-ферм-* [нэ ф'эрму] — 5, [на ф'ээрму] — 1, [ф'иэрму] — 3, *-хлеб-* [хл'ибэм] — 1, [хл'еп] — 1, [хл'ибэ] — 1, [хл'иэп] — 1, [хл'еп] — 2, *-конфет-* [кэпф'эт] — 1 и [кэпф'иэты] — 1, *-лес-* [вл'эс] — 1, [л'эс] — 2, [л'иэс] — 1, [л'эс] — 8, *-нет-* [н'иту] — 1, [н'эту] — 1, [н'иэту] — 1, [н'эт] — 3 и др.

C'VC': *-деньг-* [д'эн'ек] — 1, [д'эн'г'и] — 1 и [д'эн'ешк'и] — 1, [б'ес д'эн'ек] — 1, [д'эн'г'и] — 1, *-ес-* [јес'г'и] — 2 и [јис'г'и] — 5 (употреблять пищу), *-копейк-* [кэп'эйку] — 1 и [кэп'ййку] — 1, *-кудел-* [куд'эл'ч] — 1 и [куд'эл'ч] — 1, *-печ-* [п'эч'ку] — 1 и [п'эч'ку] — 1, *-пенси-* [п'эн'с'иа] — 6 и [п'энсиа] — 2, *-ветер-* [в'эт'ер] — 2 и [в'эт'ер] — 1;

C'VC и **C'VC'**: *-бел-* [б'элые] — 1 и [б'йл'ин'к'иэ] — 1, *-дет-* [д'йт'и] — 3, [д'йцв'е] — 1 и [д'эцвэ] — 1, *-дел-* [б'ез'д'эл'је] — 1, [п'ер'ед'элэут] — 1, [зд'элэеш] — 1, [зд'элэут] — 1 и [д'элэ-тэ] — 1 и др.

2. окончание сущ. м. р. ед. ч. П. п. -е (3): [нэ Скзчк'й] — 1 и [нэ Скзчк'э] — 1, [вэ с'н'э] — 1;

3. окончание сущ. ж. р. ед. ч. П. п. -е (3): [пэ р'ек'э] — 1 и [пэ изб'э] — 1, [нэ лэшэд'э] — 1;

4. окончание сущ. Р. п. мн. ч. -ей (23): [лэшэд'эй] — 4, [л'чд'эй] — 4, [рубл'эй] — 4, [плз'эй] — 1, [шзл'эй] — 1 и [д'ег'эй] — 6, [лэшзд'эй] — 2, [рубл'эй] — 2;

5. окончание числ. два в ж. р. Им.-Вин. п. -е (3): [дв'и] — 1, [дв'е] — 1 и [дв'э] — 1.

Только открытый звук в этом идиолекте отмечен в 30 морфемах (103 реализации):

1) на месте этимологической фонемы /ъ/: *-бег-* [н'е б'эгэл] — 1, [б'эгэт'] — 1, *-рез-* [р'ес'] — 1, [р'эзэт'] — 1, *-лет-* [л'эт] — 3, [л'этэ] — 1, [л'этэм] — 1, *-сет-* [с'эт'] — 2, [с'этку] — 1, *-снег-* [сн'эк] — 2, *-след-* [пэсл'эдн'еи] — 1, [дэ пэсл'эдн'евэ] — 1, *-де-* [вд'эждэ] — 1, [нвд'эн'еш] — 1, [нвд'эну] — 1, *-пример-* [нэпр'им'эр] — 2;

2) на месте этимологической фонемы /е/: *-конеиш-* [кэн'эшнэ] — 8, приставка *не-* [н'эч'егэ] — 8, *-интерес-* [инт'ер'эснэ] — 2, [н'еинт'ер'эснэ] — 1, суф. *-ениј-* [пэкол'эн'иэ] — 6, *-тепер-* [т'еп'эр'а] — 9, *-балет-* [бэл'эт] — 1, [нэ бэл'эт'е] — 1, *-мел-* [нэ м'эл'] — 3 и т. д.

В идиосистеме АЕН вариативность отмечена в 37 морфемах (242 реализации), при этом в 28 морфемах (206 реализаций) на месте этимологической фонемы /ъ/:

1. корни:

C'VC: *-бег-* [б'эгэм] — 1, [б'эгаи] — 1, [зэб'эгэм] — 1 и [б'йгэт'] — 2, *-дед-* [д'йдушкэ] — 1, [д'йгэт] — 3, [д'ет] — 1, [д'эду] — 2, *-дел-* [з'д'йлэу] — 2, [з'д'йлэг'] — 1, [д'элэг'] — 3, [д'элэзэ] — 1, [д'элэш] — 2, [д'элэ] — 2, [з'д'элэша] — 2 и [д'элэу] — 1, [з'д'элыэг'] — 1, *-дев-* [д'эфкэ] — 3, [д'эфк'е] — 1, [д'эфк'и] — 2 и [д'эвэк] — 1, [д'эфкэ] — 3, [д'эфк'и] — 2, [д'эвэч'к'и] — 1, *-дереви-* [д'ер'эвн'е] — 1 и [в д'ер'эвн'е] — 1, *-хлеб-* [хл'еп] — 1 и [хл'эп] — 9, *-конеиш-* [кзн'йэшнэ] — 1 и [кзн'эшнэ] — 3,

-лес- [л'ис] — 1, [л'ис-эт] — 1, [л'ес] — 4, [л'эсу] — 1 и [л'эс] — 3, [л'эсэм] — 1, [л'эсэм] — 1, [л'эсу] — 2, -лет- [л'ит] — 2, [л'ет] — 2 и [л'эт] — 5, -лет- [л'этə] — 2 и [л'этə] — 3 и др.

С'VC': -дет- [д'йт'и] — 1, [д'эт'и] — 2, [д'иет'и] — 1 и [д'эт'и] — 3, -двер- [дв'эр'] — 1 и [дв'ир'] — 2, -ес- [јес'т'] — 2 и [јес'т'] — 1 (быть), -медведь- [м'ед'в'йт'] — 3 и [м'ед'в'эт'] — 1, -месяц- [м'іс'ец] — 1, [шзс'т'им'эс'еч'нəə] — 1, [м'эс'ец] — 1 и [м'эс'ецф] — 2, [м'эс'ец] — 2 и др.

С'VC и С'VC': -бел- [б'іл'ин'к'из] — 1, [б'элыи] — 1, [б'элəи] — 1, [б'элəз] — 1 и [б'элəи] — 2, -рек- [р'іч'ку] — 1, [р'ек] — 1 и [в р'іч'к'е] — 1, -ветер- [в'эт'ер] — 1 и [в'эт'ер] — 1, [вт в'этрə] — 1;

2. приставка *не-* (3): [н'эгд'е] — 1 и [н'экому] — 1, [н'эч'о] — 1;

3. суффикс глагола *-е-* (19):

С'VC: [зəбол'элə] — 1, [зəбол'ел] — 1, [смотр'эл] — 1 и [дəгл'ед'элə] — 1, [прəс'ид'эла] — 1, [с'ид'эла] — 1;

С'VC': [вд'йт] — 1, [с'ид'іл'и] — 1, [смзтр'йт'] — 2, [ум'іл'и] — 1, [согр'іл'и] — 1, [л'ет'эт'] — 1, [гл'ед'эт'] — 1, [лыс'эт'] — 1, [смэтр'эт'] — 1, [пəсмэтр'эт'] — 1 и [зəп'ер'эт'] — 1, [м'ел'эт'] — 1.

4. окончание сущ. м. р. ед. ч. П. п. *-е* (4): [в Быт'ин'э] — 1, [в м'ешк'э] — 1 и [нə стзл'э] — 1, [в в'едр'э] — 1;

5. окончание сущ. ж. р. ед. ч. П. п. *-е* (6): [нəнзг'и] — 1, [нəр'ек'э] — 1 и [нə взд'э] — 1, [нə з'емл'э] — 1, [нə стəрзн'э] — 1, [в с'ем'иэ] — 1;

6. окончание сущ. Р. п. мн. ч. *-ей* (11): [д'ет'ии] — 1, [д'ет'ии] — 1, [гзс'т'ии] — 1 и [лəшзд'ии] — 1, [д'ет'ии] — 3, [рубл'ии] — 1, [зв'ер'ии] — 1, [л'чд'ии] — 2;

7. суфф. сравн. степени наречий *-ей* (2): [пəскəр'ии] — 1 и [пəскəр'ии] — 1.

Только открытый звук в этом идиолекте отмечен в 58 морфемах (136 реализаций):

1) на месте этимологической фонемы /ʎ/: -ред- [р'этк'ии] — 3, [р'эткə] — 1, -сет- [с'эт'и] — 1, [с'эт'] — 2, [с'эткү] — 1, -пример- [наприм'эр] — 2, -лет- [л'этəм] — 4, [л'этə] — 1, -рез/ж- [р'эжүт] — 1, [р'эзəт'] — 1, [изр'эзəлə] — 1, [н'е изр'эзəт'] — 1, -преж- [пəпр'эжн'ему] — 2 и т. д.

2) на месте этимологической фонемы /e/: -тепер- [т'еп'эр] — 2, [т'еп'эр'ə] — 3, -верх- [в'эрх] — 2, [нəв'эрх] — 1, -сем- [с'эм] — 2, [с'эм л'и] — 1, суфф. -ениц- [вəскр'ес'эн'е] — 1, [удəр'эниə] — 1, [вəр'эниə] — 1, -берег- [у б'эр'егə] — 1, [з б'эр'егү] — 1, -перв- [п'эрвə] — 1, [п'эрвəи] — 3, [п'эрвəи] — 1 и т. д.

В идиосистеме АМЧ вариативность зафиксирована в 29 морфемах (145 реализаций), из них в 20 морфемах (106 реализаций) на месте этимологической фонемы /ʃ/:

1. корни:

С'VC: *-бел-* [б'элэε] — 1 и [б'элыи] — 1, *-дед-* [д'йдушк'е] — 1, [д'эдушк'е] — 1, [д'йёдушк'е] — 1 и [д'эдушк'е] — 1, *-дел-* [зд'элзл'и] — 1 и [д'элэу] — 1, [д'элэт'] — 3, [д'элэ] — 1, [зд'элэлэс'] — 1 и др.

С'VC': *-ден-* [д'ен'] — 2 и [д'ен'] — 1, *-деньг-* [д'йн'ек] — 1 и [д'ён'ешк'и] — 1, *-десят-* [д'эс'ет'] — 3 и [д'эс'ет'] — 2, *-двер-* [дв'йр'и] — 1 и [дв'ёр'и] — 1, [дв'ёр'и] — 1, *-не-* [п'йл'и] — 2 и [п'эт'] — 1, [п'эс'н'а] — 1 и [п'йс'н'и] — 2 и др.

С'VC и **С'VC':** *-дет-* [д'йт'и] — 2, [д'эт'и] — 1, [д'эцк'ии] — 1 и [д'эт'и] — 1, *-езд/ех-* [йз'д'аг] — 1, [уй'эхэл] — 1 и [jэхэт'] — 1, [рз'эхзл'ис'а] — 1, [уй'эхэл] — 1, *-накет-* [пзк'эт'] — 1 и [пзк'эт'е] — 1, *-сет-* [с'ет'] — 2, [с'эт'и] — 1 и [с'этку] — 1;

2. приставка не- (2): [н'эч'ө] — 1 и [н'эт'ел'] — 1;

3. суффикс глагола -е- (16):

С'VC: [гл'ед'эла] — 1, [зэхот'эл] — 1, [смэтр'эл] — 1, [м'ел'эт'] — 1, [зэбол'эла] — 1, [р'ев'эла] — 1, [ззр'ев'эла] — 1, [пэсмэтр'эла] — 1;

С'VC': [хзг'йл'и] — 1, [ул'ет'йл'и] — 1, [зэбол'йл'и] — 1, [т'емн'эт'] — 1, [ззп'ер'эт'] — 1, [ум'ер'эт'] — 1, [пэсмэтр'эт'] — 1 и [л'ет'эт'] — 1;

4. суффикс -ениц- (2): [пэм'еш'эн'из] — 1 и [удзр'эн'из] — 1;

5. окончание сущ. ж. р. ед. ч. Д. п. -е (2): [к с'эстр'э] — 1 и [к с'эстр'э] — 1;

6. окончание личного местоимения 2 л. ед. ч. в Д. п. -е (2): [т'эб'э] — 1 и [т'эб'э] — 1;

7. окончание сущ. ж. р. ед. ч. П. п. -е (7): [нэ нзг'э] — 1, [на взд'э] — 1 и [в бэрэз'д'э] — 1, [в шубзр'э] — 1, [нэ рук'э] — 1, [нэ з'емл'э] — 2;

8. окончание сущ. м. р. ед. ч. П. п. -е (4): [в т'епл'э] — 1, [нэ ст'екл'э] — 1 и [в в'едр'э] — 1, [на стзл'э] — 1;

9. окончание сущ. Р. п. мн. ч. -ей (13): [пэрн'йи] — 1, [дв'ер'йи] — 1, [д'ет'эй] — 4 и [пэрн'эй] — 1, [гзст'эй] — 1, [д'ет'эй] — 5.

Только открытый звук в этом идиолекте зафиксирован в 61 морфеме (126 реализаций):

на месте этимологической фонемы /ʃ/: *-бег-* [сб'эгзл'и] — 1, [б'эгэл'и] — 3, [б'эгзу] — 1, *-человек-* [ч'елэв'эк] — 2, *-хлеб-* [хл'эп] — 1, *-лет-* [в л'эт'е] — 1, [л'этэм] — 1, *-снег-* [сн'эк] — 5, [сн'эг-эт] — 2, [сн'эгу] — 1, *-след-* [пэсл'эдн'ей] — 2, *-свет-* [св'эт] — 2, *-рез/ж-* [р'эс'] — 1, [р'эск'ий] — 1, [р'эжу] — 1 и т. д.

на месте этимологической фонемы /е/: *-ферм-* [нэ ф'ёрму] — 3, *-перв-* [п'ёрвэвэ] — 3, [п'ёрвэм] — 1, [п'ёрвэй] — 2, *-сем-* [с'ём] — 3, [с'ём'д'ес'ет] — 1, *-крест-* [кр'эст] — 2, *-конец/ц-* [кэн'эшнэ] — 4, [кэн'эц] — 1 и т. д.

В идиосистеме ЛИЧ зафиксировано 26 морфем с вариативностью (121 реализация), в 14 морфемах (65 реализаций) этимологически выступала фонема /ѣ/:

1. корни:

С'VC: *-дед-* [д'йдушкэ] — 1и [д'ет] — 1, [д'йѣт] — 2, [д'йѣт-тэ] — 1, [д'йѣду] — 1, [д'йѣдушкэ] — 2, *-деревн-* [д'ер'евн'е] — 2 и [д'ер'евн'а] — 4, *-хлеб-* [хл'еѣп] — 1 и [хл'ѣп] — 2, [хл'ѣбэ] — 1, *-интерес-* [инт'ир'йснэ] — 3 и [интр'ѣснэ] — 2, *-лет-* [л'ет] — 2 и [л'ѣт] — 3 и др.

С'VC': *-печ-* [п'йч'кэ] — 1, [п'ѣч'к'е] — 1 и [ф п'ѣч'к'е] — 2, *-пе-* [п'йс'н'и] — 1, [п'ѣс'н'и] — 2 и [п'ѣс'н'а] — 1 [п'йг'] — 2, *-врем-* [вр'ѣм'а] — 2 и [вр'ѣм'а] — 2, [вднэвр'ѣм'енэ] — 1, *-здесь* [з'д'ѣс'] — 1 и [з'д'ѣс'] — 2, *-день-* [д'ин'] — 1 и [д'ѣн'] — 3;

С'VC и С'VC': *-балет-* [бэл'ѣт] — 1 и [нэ бэл'ѣт'е] — 1, *-дет-* [д'йт'и] — 3, [д'йт'ам] — 1, [д'ѣтк'и] — 1, [д'ѣцк'и] — 1 и [вд'йѣцв'е] — 2, *-конфет-* [кзнф'йѣт] — 1 и [пэ кзнф'йѣт'е] — 1, *-мест-* [м'йѣстэ] — 1, [м'йѣс'т'е] — 1 и [м'ѣстэ] — 1, [м'ѣс'т'е] — 1 и др.

2. суффикс глагола -е- (7): [м'ел'ѣт'] — 1, [сум'ѣл'и] — 1 и [ѣтгр'ем'ѣл'и] — 1, [пр'игзр'ѣл'и] — 1, [смзтр'ѣт'] — 2, [усп'ѣт'] — 1;

3. суффикс -ени/- (4): [сэч'ин'ѣн'из] — 1, [ст'ихэтвэр'ѣн'иѣ] — 1, [удзр'ѣн'иѣ] — 1 и [вэзвыш'ѣн'иѣ] — 1;

4. окончание сущ. Р. п. мн. ч. -ей (5): [д'ет'ѣи] — 3, [в'еш'ѣи] — 1 и [д'ит'ѣи] — 2.

Только открытый звук в этой идиосистеме отмечен в 37 морфемах (65 реализаций):

1) на месте этимологической фонемы /ѣ/: *-лес-* [л'ѣс] — 1, [вл'ѣс] — 1, *-лет-* [л'ѣтэ] — 1, [ал'ѣт'е] — 1, *-пример-* [нэпр'им'ѣр] — 5, *-сет-* [с'ѣт'] — 1, [с'ѣтку] — 1, *-ветер-* [в'ѣт'ер] — 1, [вѣтру] — 1, [ат вѣтра] — 1, *-след-* [на сл'ѣдуш'и] — 1, [посл'ѣд'н'и] — 1 *-де-* [ад'ѣжда] — 1, [над'ѣла] — 1 и т. д.

2) на месте этимологической фонемы /е/: *-деревн-* [д'ер'евѣн'] — 1, [д'ер'евѣнскэа] — 1, [д'ер'ев'ѣнскэм] — 1, *-перв-* [п'ёрвѣй-тэ] — 1, [с' п'ёрвѣх жз] — 1, [с п'ёрвэвэ] — 1, *-двер-* [дв'ѣр'] — 2, *-легч-* [л'ѣхч'е] — 4, *-мел-* [см'ѣл'ѣш] — 2, *-деньг/ж-* [д'ѣн'г'и] — 1, [д'ѣн'ѣшк'и] — 1 и т. д.

Стоит отметить, что в каждом из идиолектов некоторые морфемы были зафиксированы только с ударным [и]: в идиосистеме

ВСВ отмечено 3 морфемы (6 реализаций): *-техн-* [т'йхн'икэ] — 2, *-недел-* [н'ид'йл'а] — 3, *-cej-* [с'йид'ат'] — 1. В идиолекте ЕНП зафиксировано 7 морфем (12 реализаций): *-мес-* [изм'йс'иш] — 1, *-свет-* [нэ св'йт'е] — 1, *-умеј-* [н'е ум'йидут] — 1, *-здесь-* [зд'йс'а] — 1, *-берец-* [б'ер'ич'] — 1, *-двер-* [дв'йр'] — 1, *-езд/ех/ед-* [йид'еш] — 1, [йид'ет] — 2, [йиз'д'ит'] — 2 и [рэзйихэцэ] — 1. В идиосистеме АЕН встретилось 6 морфем (12 реализаций): *-дел-* [вд'йл'ицэ] — 2, [рэзд'йл'ат] — 1, *-езд/ед-* [йиз'д'ат] — 4 и [йид'јеш] — 1, суф. наречий *-е-* [н'игд'й] — 1, *-отец-* [ег'йц] — 1, *-пест-* [п'йс'т'ик'и] — 1, *-снег-* [с'н'йк] — 1. В идиолекте АМЧ отмечено 4 морфемы (13 реализаций): *-е-* [йис'т'] — 5 (употреблять пищу), *-мен-* [п'ер'ем'йин'ивэцэ] — 1, *-пест-* [п'йс'т'ик] — 6, *-встрет-* [встр'йг'ила] — 1. В идиосистеме ЛИЧ зафиксировано 3 морфемы (3 реализации): оконч. мест. *-е.* Д.-П. п. [пр'и мн'й] — 1, *-вмест-* [вм'йстэ] — 1, *-все-* [вс'йм] — 1.

Если произношение [и] на месте этимологической фонемы /ѣ/ регулярно и встречается у всех дикторов, его считают лексикализованным [например, см. Высотский 1977а: 39, Бромлей 1977: 21]. Однако в данном случае нельзя с уверенностью сказать, что в перечисленных морфемах произошла лексикализация, поскольку количество примеров невелико.

Таким образом, в каждом из идиолектов типа I имеются две большие группы морфем: в одних на месте обеих этимологических фонем зафиксирован звук [е] (130 морфем, 517 реализаций), в других — отмечается несколько вариантов произношения ударного гласного (79 морфем, 840 реализаций). В морфемах первого типа произошло обобщение качества гласного, во второй группе звуки, представлявшие ранее /е/ и /ѣ/, конкурируют, в некоторых морфемах ряд варьирующихся звуков включает [и]. Кроме того, есть небольшое количество морфем, которые были отмечены только с [е]. Они были зафиксированы только по одному разу в условиях, благоприятных для произношения [е]: в слабой фразовой позиции, в окружении С'VC'; из чего можно сделать вывод, что в этих морфемах выступают аллофоны /е/. В единичных морфемах на месте этимологических /е/ и /ѣ/ отмечен только [и].

Приведенные выше примеры морфем с вариативностью показывают, что звуки [и], [йиэ], [йе], [йеэ], [е], [е] могут варьироваться в одной и той же морфеме, как на месте этимологической фонемы /ѣ/, так и на месте /е/, как в С'VC, так и в С'VC'. В этом случае консонантный контекст нельзя рассматривать как фонетическую позицию, безальтернативно обуславливающую качество гласного, в то же время его

можно расценивать как одно из условий, влияющих на выбор варианта произношения. В таблице 1 представлено распределение гласных различного качества, которые могут варьироваться в одной морфеме в позиции C'VC и в окружении C'VC'.

Таблица 1. Процентное соотношение звуков, варьирующихся в одной морфеме, в разных фонетических позициях

Звуки	C'VC	C'VC'
[e]	28% (128 реализаций)	35% (138 реализаций)
[ɛ]	55% (246 реализаций)	36% (142 реализации)
[и]	7% (30 реализаций)	27% (107 реализаций)
[e̞], [i̞e], [i̞e]	10% (46 реализаций)	1% (3 реализации)

Данные таблицы 1 показывают, что процентное соотношение примеров с дифтонгами и ударным [и] существенно меняется в зависимости от правого консонантного контекста: в окружении C'VC количество дифтонгов значительно больше, чем в C'VC' (10% (46 реализаций) и 1% (3 реализации), примеров с [и], напротив, больше в положении C'VC' (27% (107 реализаций) и 7% (30 реализаций). Количество примеров с ударными [e] и [ɛ] также зависит от сегментного окружения. В C'VC процент примеров с открытым гласным почти в два раза больше, чем в C'VC' (55% (246 реализаций) и 36% (142 реализации). Процент примеров с [e] в позиции C'VC' выше, чем в C'VC 35% (138 реализаций) и 28% (128 реализаций). Эти данные свидетельствуют о том, что качество ударного звука в тех морфемах, где возможна вариативность гласных, не обуславливается сегментным окружением на 100%, но коррелирует с ним, поскольку звук [и] и [e] чаще встречаются в C'VC', [ɛ], [i̞e], [i̞e], [e̞] — в C'VC. Такое распределение ударных аллофонов /e/ объясняется тем, что на более ранних этапах развития системы на месте /ɤ/ в C'VC выступали дифтонги, между палатализованными согласными — [и].

В большинстве отмеченных примеров дифтонги выступают на месте этимологической фонемы /ɤ/: *д'и̞ет*, *д'и̞едушкэ*, *ми̞ес'т'е*, *в д'и̞ецв'е*, *пзви̞ер'илэ*. Однако, как показывают примеры, они встречаются также на месте /e/ и в заимствованиях: *кзн'и̞ешнэ*, *у П'е̞естр'икэвых*, *кэф'е̞еты*, *конф'и̞ет*, *на ф'е̞ерм'е*¹¹. Звук [и] так-

¹¹ Слухо-аналитический и акустический анализ не выявили каких-либо существенных различий в характере дифтонгов на месте этимологических /e/ и /ɤ/.

же в большинстве случаев выступает на месте /ʙ/, но встречается и на месте /e/ и в неисконной лексике: *дв'úr'*, *д'ún'*, *д'ит'úц*, *дв'ер'úц*, *д'ún'ек*, *п'úч'кэ*, *инт'ур'úсна*, *п'ún'с'иу*. Таким образом, на сегодняшней стадии развития говора нарушено как этимологическое, так и позиционное распределение звуков [и], [иѐ], [иѐ], [ѐѐ]. Теперь выбор одного из этих звуков обусловлен рядом различных факторов, одним из которых является сегментный контекст. Но если дифтонги [иѐ], [иѐ], [ѐѐ] и монофтонги [е] и [ѐ], безусловно, являются на сегодняшнем этапе развития говора субаллофонами фонемы /e/, то фонологический статус звука [и] в морфемах, где возможна вариативность ударных гласных, необходимо рассмотреть отдельно.

Л. Л. Касаткин в работе «Парадокс П. С. Кузнецова — М. В. Панова. Фонема или морфонема?» [Касаткин 1999: 101–115] пишет о диалектных системах, где сосуществуют примеры: [л'ип]а — [л'ип]е, га[з'ет]а — га[з'ѐт]е и [л'ѐт]о — [л'ит]е. П. С. Кузнецов выделил в одной такой системе фонему /ʙ/, которая в С'VC реализуется звуком [e], а в С'VC' — [и]. Аналогичную интерпретацию чередований такого типа предложил и М. В. Панов. Л. Л. Касаткин справедливо отмечает, что в этом случае «у фонемы /ʙ/ нет собственного лица», поскольку она совпадает в С'VC с фонемой /e/, а в С'VC' — с /и/. Автор указывает на то, что обе фонетические позиции оказываются для выделенной П. С. Кузнецовым фонемы слабыми, что, согласно теории МФШ, не позволяет назвать ее фонемой, поскольку «фонема — это ряд чередующихся звуков, из которых хотя бы один выступает в сильной позиции». Л. Л. Касаткин пишет, что в таких системах имеется чередование /e/ и /и/, при котором в словах, где ранее выступала /ʙ/, [e] заменяется на [и] в позиции С'VC' [Касаткин 1999: 101]¹². Вероятно, в кайском говоре на более ранних этапах его развития отношения между /e/ и /и/ были такими же. В настоящее время модель чередования нарушилась, уступив место вариативности гласных [и], [е], [ѐ], [иѐ], [иѐ] и [ѐѐ] в одной морфеме.

Таким образом, на настоящей ступени эволюции кайского говора фонемы /и/ и /e/ варьируются в ряде морфем (см. таблицу 2).

Почему же при этом примеры со звуком [и], представляющим фонему /и/, значительно чаще выступают в С'VC', чем в С'VC, то есть обнаруживают зависимость от фонетической позиции?

¹² Ранее об этом явлении также писал С. С. Высотский [Высотский 1977: 24].

Таблица 2. Варьирование фонем /и/ и /е/ в кайском говоре

Фонема	С'VC	С'VC'
/и/	м'ѳр	в м'ѳр'е
/е/	м'ѳстэ м'ѳстэ	м'ѳс'т'е м'ѳс'т'е

Можно предположить, что звук [и] в этих примерах появляется не вследствие смены фонетической позиции, а в силу того, что для носителей говора существует несколько вариантов произношения одной словоформы. Похожая ситуация возникает в литературном языке при смене орфоэпических норм: носитель знает два варианта произношения: *ску[ч']но* и *ску[ш]но*. В рамках русской орфоэпии позиция варьирования называется орфоэпической позицией [см., Каленчук 2000, Касаткин 2013], а сосуществующие варианты произношения одной словоформы называются орфоэпическими вариантами.

Важно отметить, что носители говора осознают вариативность в своем произношении. В ходе беседы они рассуждают о том, что можно сказать и *н'ѳс'н'а*, и *н'ѳс'н'а*: в городе говорят *н'ѳс'н'а*, а в деревне — *н'ѳс'н'а*¹³. Таким образом, существенное количество примеров с [и] в С'VC', скорее всего, вызвано влиянием старой произносительной традиции¹⁴.

Произношение звука [и] в позиции С'VC в примерах типа *м'ѳсто*, *с'ѳно*, вероятно, объясняется стремлением к выравниванию основ: *м'ѳсто* как *м'ѳст'е*, *с'ѳно* как *с'ѳн'е*, что возможно лишь в том случае, если [и] в данных морфемах воспринимается носителями говора как основной представитель фонемы /и/ [Касаткин 1999: 88]¹⁵.

¹³ Р. Ф. Касаткина писала об обратной ситуации в говоре деревни Лукинцы Слободского района, где на вопрос о том, говорят ли в деревне *хлеб*, *бѳлой*, *нит*, информантка ответила: «*Нит, нит*, не говорят». В этом случае носители говора не осознают, что реализации фонемы /ѳ/ пересекаются с реализациями /и/ [Касаткина (ред.) 1991: 211].

¹⁴ Л. Л. Касаткин описал похожую ситуацию в русском литературном языке, когда иностранные слова сначала произносятся с [э] после непалатализованного согласного: [дэ]б'ѳт, ре[нэ]ссанс, но со временем под давлением произносительной нормы они начинают произноситься с [е] после палатализованного согласного: [д'е]бет и ре[н'е]ссанс [Касаткин 1999: 112–113].

¹⁵ Л. Л. Касаткин пишет о похожем случае «обратного» выравнивания основ, в результате которого в некоторых севернорусских говорах чередование *с'ѳду* — *с'ѳд'еш* заменяется не на *с'ѳду* — *с'ѳд'еш*, а на *с'ѳду* — *с'ѳд'еш* [Касаткин 1999: 86].

Результаты перцептивного эксперимента с носителями говора подтверждают этот факт: во всех возрастных группах есть информанты, которые стабильно воспринимают ударные гласные в парах примеров типа *д'ет'и* — *д'ит'и*, *л'ес* — *л'ис* как разные. Этот результат свидетельствует о том, что для диалектоносителей контраст между гласными [и] и [е] является существенным, фонологическим. Следовательно, звук [и], встречающийся на месте этимологической фонемы /ѣ/, представляет фонему /и/¹⁶, а его частотность в позиции C'VC' объясняется влиянием произносительной традиции.

Анализ морфем, в которых была отмечена вариативность, показал, что выбор одного из гласных может также коррелировать с позицией слова во фразе. Так, звуки [и] и [е] чаще встречаются в слабой фразовой позиции, а дифтонги и [ε] — в сильной. Ниже приведены осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности для примеров, произнесенных в сильных и слабых фразовых позициях.

На графиках 1 и 2 представлены два произнесения слова *дети* (диктор ВСВ). На графике 1 данное слово стоит в сильной фразовой позиции, поскольку является центром тематической группы (топиком), выделяется увеличением ЧОТ и повышением огибающей интенсивности. Под ударением в этом случае выступает [ε]. На графике 2 это же слово не выделено просодическими средствами, оно выступает в слабой фразовой позиции. Под ударением звучит [е].

На графиках 3 и 4 представлено два варианта произнесения слова «двери» (диктор АМЧ). На графике 3 данное слово стоит в сильной фразовой позиции, поскольку выделяется существенным увеличением ЧОТ и повышением огибающей интенсивности. Под ударением выступает [ε]. На графике 4 представлен отрезок фразы: «Тут двери закрыты, там двери закрыты», в этом случае позиция слова «двери» — слабая. Под ударением выступает [и].

На графиках 5 и 6 представлены две словоформы слова «разведка» (диктор ЛИЧ). На графике 5 фонетическое слово «не в разведке» стоит в сильной фразовой позиции, поскольку является ядром тематической группы, выделяется с помощью увеличения ЧОТ и повы-

¹⁶ Р. И. Аванесов отмечал, что в некоторых говорах Вологодско-Вятской группы круг употребления фонемы /и/ значительно расширился в связи с изменением фонемы /ѣ/ в [и] во всех условиях и полным отождествлением этого звука с /и/: *в'ѳрно*, *в'ѳтра*, *в'ѳтер*, *д'ѳло*, *в д'ѳле*, *л'ѳто*, *хл'ѳба*, *хл'ѳбец*, *б'ѳлой*, *р'ѳзать*, *н'ѳт* и т. д. [Аванесов 1949: 52].

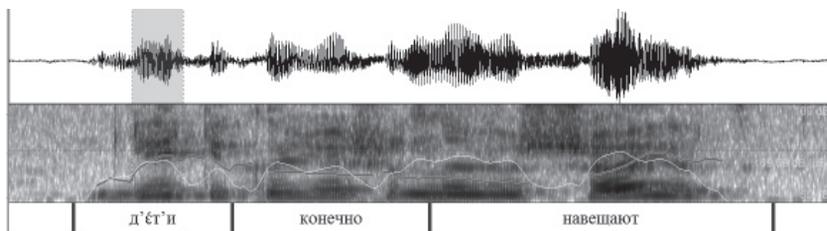

График 1. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «дети» в сильной фразовой позиции (идиолект ВСВ)

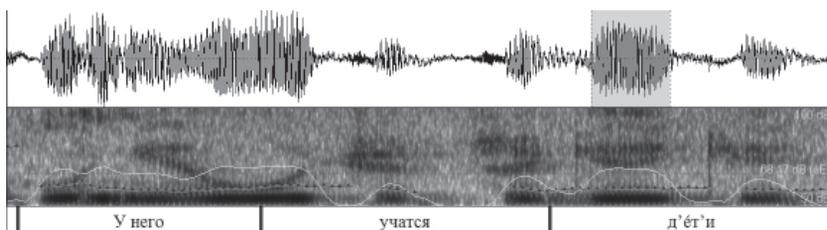

График 2. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «дети» в слабой фразовой позиции (идиолект ВСВ)

шения огибающей интенсивности. Под ударением выступает [ε]. На графике 6 это же слово стоит в «теневой», слабой фразовой позиции. Под ударением звучит [ε].

Аналогичная обусловленность варианта произношения фразовой позицией была отмечена в 64 морфемах (467 реализаций). Например, *м'эс'ец* и *м'ус'еца*, *дв'ε* и *дв'ε,кон'эцку-тэ* и *кон'эцку*, *л'эсу-тэ* и *л'ус-эт*, *д'элэт'-тэ* и *д'элэл'и*, *д'эн'* и *д'эн'*, *л'ет* и *л'ет*, *д'эм'и* и *д'ит'и*, *з'д'эс'* и *з'д'ус'*, *н'ет* и *н'ит* и т. д. Таблица 3 отражает количество гласных различного качества в морфемах, где возможно варьирование ударных звуков, в сильной и слабой фразовых позициях.

Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что позиция слова во фразе влияет на выбор одного из варьирующихся звуков, поскольку их процентное соотношение существенно меняется в зависимости от фразовых условий. В частности, процент примеров, где под ударением выступает [ε] или дифтонги, значительно больше в сильной фразовой позиции, чем в слабой: 54% (259 реализаций) и 36% (129 ре-

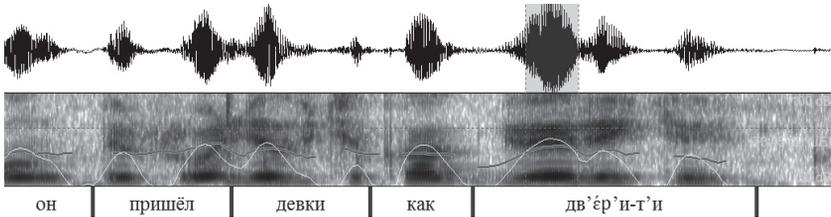

График 3. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «двери-ти» в сильной фразовой позиции (идиолект АМЧ)

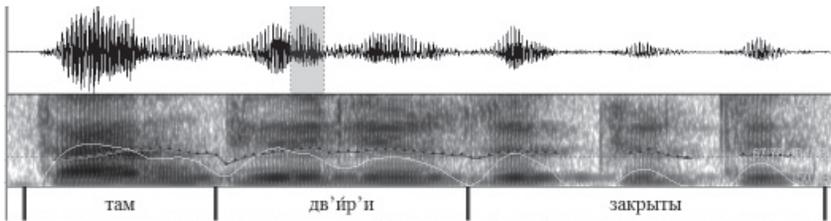

График 4. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «двери» в слабой фразовой позиции (идиолект АМЧ)

лизаций), 9% (43 реализации) и 2% (6 реализаций). Процент примеров, где под ударением выступают звуки типа [e], напротив, в слабой позиции увеличивается почти в два раза: 24% (116 реализаций) и 41% (150 реализаций), 13% (60 реализаций) и 21% (77 реализаций), аналогично меняется процент примеров с [и]: 13% (60 реализаций) в сильной позиции и 21% (77 реализаций) — в слабой.

Представленные данные, на первый взгляд, противоречат тому, что было сказано выше о фонемном статусе [и], поскольку обнаруживается, что фразовые условия не только влияют на выбор одного из аллофонов /e/, но и обуславливают выбор между фонемами /e/ и /и/.

Однако похожее явление уже отмечалось в русских говорах. Р. Ф. Касаткина (Пауфошима) показала, что в говорах Харовского и Биряковского районов Вологодской области различается семь гласных фонем, контраст между гласными /e/ и /ѣ/, /o/ и /ω/ осознается носителями говора [Пауфошима 1983: 80]. Каждая из фонем имеет

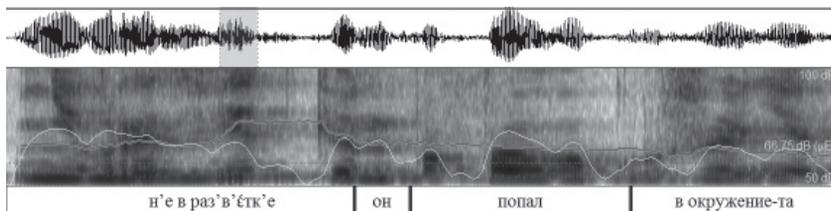

График 5. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «не в разведке» (из фразы «не в разведке он попал в окружение-та, а у них часть попала в окружение») в сильной фразовой позиции (идиолект ЛИЧ)

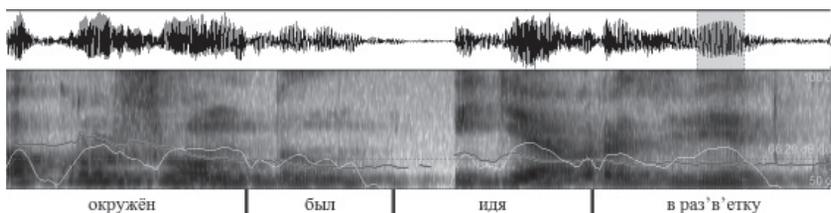

График 6. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «в разведку» в слабой фразовой позиции (идиолект ЛИЧ)

Таблица 3. Процентное соотношение звуков, варьирующихся в одной морфеме в разных фразовых позициях

Звуки	Сильная позиция	Слабая позиция
[e]	24% (116 реализаций)	41% (150 реализаций)
[ɛ]	54% (259 реализаций)	36% (129 реализаций)
[и]	13% (60 реализаций)	21% (77 реализаций)
[e̞], [i̞], [i̞e]	9% (43 реализации)	2% (6 реализаций)

ряд аллофонов, выбор одного из которых коррелирует с позицией слова во фразе: более открытые звуки выступают в сильной позиции, более закрытые — в слабой (см. Табл. 4). При этом в слабой позиции звуки [o], [ə] выступают и на месте этимологической фонемы /o/,

Таблица 4. Реализации гласных среднего подъема в зависимости от фразовых условий [Пауфошима 1983: 33]

Фонема	Позиция во фразе	
	Сильная	Слабая
/ω/	[y̆o]	[ʏo], [ʊ], [o], [ə]
/o/	[ɔ], [ŏʊ]	[o], [ʏo], [o], [ə]
/ʋ/	[ĭε]	[ʰĭe], [e], [ε]
/e/	[ε], [ε̆i]	[ʰĭe], [ε]

и на месте /ω/, а звуки [ʰĭe], [ε] отмечаются на месте этимологических /e/ и /ʋ/.

Эта ситуация очень похожа на ту, что наблюдается в кайском говоре: с одной стороны, носители говора воспринимают контраст между [и] и [е], но, с другой стороны, выбор одного или другого звука коррелирует с позицией слова во фразе.

Р. Ф. Касаткина считает, что в описанном случае фонемы /o/ и /ω/, /e/ и /ʋ/ нейтрализуются в слабой фразовой позиции. Однако в кайском говоре, как было показано выше, говорить о нейтрализации /и/ и /е/ не приходится, поскольку звук [и] по аналогии переносится в позицию C'VC. Кроме того, в типе I среди примеров с вариативностью имеется такие, где звук [и] зафиксирован в окружении C'VC в сильной позиции (8 морфем, 14 реализаций), то есть не объясняется ни фразовыми и сегментными условиями: *д'ўдушку* (1), *д'ўдушко* (2), *сд'ўлат'-та* (1), *малол'ўтки* (1), *интир'ўсно* (1), *м'ўста* (1), *н'ўту* (3), *н'ўт* (1), *ни пов'ўрила* (1), *вс'ух* (1).

В 63 морфемах (390 реализаций) качество гласного коррелирует с типом речи: в спонтанной речи произносятся [е], [и] и дифтонги, при повторении списка слов — [ε]¹⁷: *д'ёт'и* и *д'ўт'и*, *б'ўл'ин'к'из* и *б'ёлэц*, *л'ет* и *л'ёт*, *л'ес* и *л'ёс*, *жэс'т'* и *жэс'т'*, *м'ёс'ец* и *м'ёс'ец*, *м'эста* и *м'эста*, *н'ёту* и *н'ёт*, *н'ёс'н'а* и *н'ёс'н'а* и т. д. В таблице 5 представлено процентное соотношение варьирующихся звуков при повторении списка слов и в спонтанной речи. Таблица показывает, что тип речи заметно влияет на количество ударных [и] и дифтонгов: они значительно чаще встречаются в спонтанной речи.

¹⁷ Анализировалась не только спонтанная речь информантов, но и повторение списка слов с исследуемыми фонемами, который читал исследователь.

Таблица 5. Процентное соотношение звуков, варьирующихся в одной морфеме в разных типах речи

Звуки	Повторение списка слов	Спонтанная речь
[e]	38% (97 реализаций)	29% (169 реализаций)
[ɛ]	49% (126 реализаций)	45% (262 реализаций)
[и]	6% (15 реализаций)	21% (122 реализации)
[ẽ], [ĩɛ], [ĩe]	7% (17 реализаций)	5% (32 реализации)

Такой результат вполне ожидаем, поскольку эти звуки существенно отличаются от тех, что выступают в данных морфемах в идиолекте исследователя, за которым информанты повторяли список. Вероятно, работая со списком, информанты, во-первых, ориентировались на услышанное, во-вторых, имели возможность больше сосредоточиться на произношении, поскольку у них не было необходимости концентрироваться на смысле высказывания. Кроме того, небольшое количество примеров с [и], отмеченных при повторении списка слов, подтверждает то, что носители воспринимают контраст между звуком [и] и верхними гласными на слух.

Таким образом, в морфемах с вариативностью ударных гласных выбор одного из них зависит от ряда произносительных условий: сегментного окружения, позиции слова во фразе, типа речи.

Примечательно, что выявленные факторы влияют не только на выбор одного из субаллофонов /e/, но и на возможность произношения звука [и], который, судя по имеющимся данным, является представителем другой фонемы. Возможное решение возникшего парадокса представлено выше.

Из таблицы 6 видно, что в морфемах, которые встретились только с [ɛ] (130 морфем, 517 реализаций), корреляция качества гласного с теми же условиями не наблюдается: в сильной фразовой позиции выступает лишь 47% примеров с [ɛ], в C'VC — 56% примеров, при повторении списка — 31%. Иными словами, в этих морфемах качество гласного не связано ни с одним из рассмотренных выше условий.

Итак, в идиолектах ЕНП, ВСВ, АЕН, АМЧ, ЛИЧ отмечается большая вариативность гласных на месте этимологических /e/ и /ɤ/, при этом выбор варианта произношения может коррелировать с фразовой позицией, типом речи, сегментным контекстом. Такая сложная система звукового варьирования — результат разрушения фонологического противопоставления /e/ и /ɤ/. Представленные выше примеры показывают, что звуковое изменение проходит в разных

Таблица 6. Условия произношения морфем, встретившихся только с ударным [ɛ] в системах I типа

Условие	Количество примеров, где качество гласного коррелирует с условием
сильная фразовая позиция	47% 77 морфем (246 реализаций)
C'VC	56% 80 морфем (288 реализаций)
повторение списка слов	31% 18 морфем (159 реализаций)

морфемах с разной скоростью. В одних морфемах, где исторически выступала /ʎ/, звуковой процесс завершился и вне зависимости от условий произношения выступает [ɛ]. В других — сохранилось этимологически верное произношение [ɛ] на месте /e/. В третьих — на месте обоих этимологических фонем могут выступать различные звуки, выбор одного из которых обусловлен рядом условий произношения. Таким образом, наблюдаемый процесс имеет характер лексической диффузии, при которой изменения в разных лексемах протекают с неодинаковой скоростью.

В ходе данного изменения «слова постепенно переходят из одной фонологической категории в другую» [Labov 1994: 321]. Такое объединение часто происходит при взаимодействии диалектов и осознается говорящими.

На следующем этапе исследуемого звукового процесса количество морфем, где возможна вариативность ударных гласных, сокращается.

Тип II

В идиолектах СПК и ГАМ, представляющих тип II, количество морфем, где имеется возможность выбора одного из субаллофонов /e/, меньше; варьирование /и/ и /e/ отмечается в единичных случаях. Морфем, которые произносились бы только с [ɛ], не отмечено. В идиосистеме СПК вариативность гласных зафиксирована в 22 морфемах (75 реализаций), в 14 морфемах (61 реализация) на месте этимологической фонемы /ʎ/.

1. корни:

C'VC: *-дед-* [д'ɛт] — 3, [д'и̇душка] — 2, [д'ɛду] — 2, [д'ɛт] — 2, *-дел-* [з'д'и̇лэл'и] — 2 и [з'д'ɛлэу] — 2, [д'ɛлэг'] — 3, [д'ɛлэеш] — 1, *-лес-* [в л'ɛс] — 2, [л'ɛс] — 1;

C'VC': *-месяц-* [м'ɛс'ецэ] — 1 и [м'ɛс'ец] — 2 и др.

C'VCиC'VC': *-езд/ех-* [си̇з'д'иш] — 1, [вб'и̇хэл] — 1 и [си̇з'д'ил] — 2, [н'е̇ јɛз'д'ил'и] — 2, *-сосед-* [у сзс'ɛд'еи] — 1

и [сэс'эт] — 2, [сэс'эду] — 2, *велосипед*- [нэ в'елэс'ип'эды] — 1 и [на в'елэс'ип'эд'е] — 1 и др.

2. суффикс глагола -е- (2): [пэсмэтр'ет'] — 1, [смэтр'эт'] — 1;

3. суффикс -ениц- (3): [рэжд'эн'из] — 1 и [рэжд'эн'из] — 1, [рэзр'еш'эн'из] — 1;

4. окончание сущ. ж. р. ед. ч. П. п. -е (2): [в Мэскв'э] — 1 и [нэ стэрзн'э] — 1;

5. окончание сущ. Р. п. мн. ч. -ей (3): [д'ет'эй] — 1 и [рубл'эй] — 1, [уч'ит'ел'эй] — 1.

Только с открытым звуком в данном идиолекте было отмечено 43 морфемы (103 реализации):

1) на месте этимологической фонемы /ʃ/: *хлеб*- [хл'ѐп] — 3, [хл'ѐбэ] — 1, *-лет*- [л'ѐт] — 9, *-нет*- [н'ѐт] — 8, [н'ѐту] — 4, *-сет*- [с'ѐтк'и] — 3, [с'ѐтку] — 1, [сѐт'] — 1, *-вер*- [в'ѐрныи] — 1, [пэв'ѐрил] — 1, *-рек*- [р'ѐк] — 1, [ч'ер'ез р'ѐч'ку] — 1, [в р'ѐч'к'е] — 1, *-ветер*- [в'ѐт'ер] — 1, [ѐт в'ѐтра] — 1, *-все*- [вс'ѐ] — 1, [нэ вс'ѐх] — 1 и т. д.

2) на месте этимологической фонемы /e/: *балет*- [бэл'ѐт] — 1, [нэ бэл'ѐте] — 1, *-деревн*- [д'ер'ѐвн'а] — 2, [в д'ер'ѐвн'е-тэ] — 3, *-мел*- [нэ м'ѐл'] — 1, [м'ѐлкэа] — 1, [м'ѐлк'ии] — 1, *-отец*- [ѐт'ѐц] — 3, *-сем*- [с'ѐм] — 2, [с'ѐмд'ес'ет] — 1, *конфет*- [кэ́нф'ѐт] — 1, [пэ кэ́нф'ѐтк'е] — 1, *-техн*- [нэ т'ѐхн'ик'е] — 1, [т'ѐхн'ик'и] — 1 и т. д.

В идиосистеме ГАМ вариативность отмечена в 9 морфемах (50 реализаций), в 6 морфемах (38 реализаций) из них — на месте этимологической фонемы /ʃ/:

1. корни:

С'VC: *-дел*- [д'ѐлэ́зм] — 1, [д'ѐлэ́ш] — 1, [д'ѐлэ́ла] — 2, [д'ѐлэ́л'и] — 1, [д'ѐлэ́т'] — 1, [з'д'ѐлэ́зт] — 1, [з'д'ѐлэ́т'] — 1, [з'д'ѐлэ́л] — 1 и [з'д'ѐлэ́зт] — 1, *-снег*- [сн'ѐгэм] — 1, [пэ сн'ѐгу] — 1 и [сн'ѐк] — 1;

С'VC': *-месяц*- [м'ѐс'зц] — 1, [д'ив'ет'им'ѐс'еч'ныи] — 1, [д'ев'ет'им'ѐс'еч'ных] — 1 и [м'ѐс'ец'зф] — 1, *-здесь*- [з'д'ес'] — 2, [з'д'ис'] — 1 и [з'д'ес'] — 2;

С'VC и С'VC': *-дет*- [д'ѐт'а́м] — 1, [д'ѐт'и] — 1, [д'ѐцвэ] — 1, [д'ѐцк'ии] — 1, [з д'ѐцвэ] — 1, [в д'ѐцв'е] — 1 и [д'ѐт'и] — 3, *-мест*- [м'ѐстэ] — 1 и [м'ѐстэ] — 2, [м'ѐстэ] — 1, [м'ѐс'т'е] — 1, *-сем*- [с'ѐм] — 2 и [с'ѐм] — 1, [с'ѐмд'ес'ет] — 2, [с'ѐм'ис'ет] — 1, *-совет*- [в с'ел'сзв'ѐт'е] — 1 и [с'ил'сзв'ѐт'е] — 1;

2. окончание -ей сущ. мн. ч. Р. п. (6): [л'нд'ѐй] — 1, [д'ет'ѐй] — 2, [плэ́ш'зд'ѐй] — 1 и [брэ́тзв'ѐй] — 2.

Только открытый звук в этом идиолекте отмечен в 64 морфемах (154 реализации):

1) на месте этимологической фонемы /ʔ/: *-сен-* [с'энэ] — 8, [с'энэ-тэ] — 4, *-сет-* [с'эт'] — 1, [с'этку] — 1, *-вер-* [в'ёрный] — 1, [пвв'ёр'ил] — 1, *-ветер-* [в'ёт'ер] — 1, [ат в'ётра] — 1 и т. д.

2) на месте этимологической фонемы /e/: *-тепер-* [т'еп'ёр'] — 4, *-перв-* [п'ёрвыи] — 1, [п'ёрвэвэ] — 1, *-накет-* [пзк'эт] — 1, [ф пзк'эт'е] — 1, *-мел-* [м'элк'ии] — 1, [нэ м'эл'] — 1 и т. д.

Приведенные выше примеры показывают, что сокращается не только количество морфем, где возможна вариативность ударных гласных, но и количество варьирующихся звуков (не отмечаются дифтонги [иэ], [еэ]), что свидетельствует об интенсивности протекающей унификации аллофонов /e/.

Вариант произношения с ударным [и] на месте этимологической фонемы /ʔ/в данном типе идиолектов отмечается только в 5 морфемах: *-дел-*, *-здесь-*, *-рез-*, *-езд/ех-*, *-совет-* (9 реализаций), при этом ударный гласный в большинстве случаев выступает в С'VC', в С'VC звук верхнего подъема отмечается лишь в словоформе *сд'улал'и*, отмеченной в речи диктора СПК. Дифтонг [иэ] зафиксирован лишь в 3 морфемах: *-дел-*, *-снег-* и *-мест-* (5 реализаций), в большинстве случаев в С'VC (в С'VC' только в словоформе *м'иэс'т'е*). В остальных случаях варьируются [е] и [э], при этом в обоих типах консонантного окружения встречается и один, и другой гласный.

Данные таблицы 7 показывают, что качество гласных в морфемах, где возможна вариативность ударных звуков, обнаруживает сильную корреляцию с сегментным контекстом. Так, в позиции С'VC' велико количество примеров с ударными [е] 52% (29 реализаций) и 11% (8 реализаций), и [и] 13% (7 реализаций) и 3% (2 реализации), а в окружении С'VC значителен процент примеров с [э] 77% (54 реализации) и 33% (18 реализаций) или [иэ] 9% (6 реализаций) и 2% (1 реализация). Итак, как и в типе I, в типе II в позиции С'VC чаще выступает [э] или [иэ], в контексте С'VC' — [е] или [и].

Корреляция между качеством гласного и сегментным контекстом обнаружена в 28 морфемах (92 реализации): например, *д'еитвэ* и *д'эм'и-тэ*, *гзз'ету* и в *гзз'эм'е*, в *д'еик'иц* и *д'эм'и*, *у сзс'эд'ец* и *сэс'эм*, *нэ в'елас'ип'эды* и *на в'елас'ип'эд'е*, *св'эм'еца* и *св'эм*, *м'эс'т'е* и *м'эста*, *ф пзк'эт'е* и *пзк'эт*, *р'эзат'* и *р'ис'* и т. д.

Сокращение примеров с [и] на месте /ʔ/ говорит о том, что действие старой произносительной традиции ослабевает, а новый вариант произношения закрепляется в подавляющем большинстве морфем.

Таблица 7. Процентное соотношение звуков, варьирующихся в одной морфеме в позициях С'VC и С'VC'

Ударный звук	С'VC	С'VC'
[e]	11% (8 реализаций)	52% (29 реализаций)
[ɛ]	77% (54 реализации)	33% (18 реализаций)
[и]	3% (2 реализации)	13% (7 реализаций)
[и̯ɛ]	9% (6 реализаций)	2% (1 реализация)

В 28 морфемах (101 реализация) обнаружена корреляция между качеством гласного и позицией слова во фразе: в сильной позиции выступают гласные [e], [и̯ɛ], в слабой — [e], [и]. Ниже приведены осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности для примеров, произнесенных в сильных и слабых фразовых позициях.

На графиках 7 и 8 представлено два варианта произношения слова «здесь» (диктор СПК). На графике 7 это слово стоит в сильной

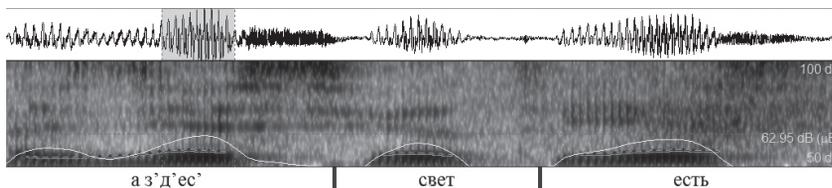

График 7. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «а здесь» в сильной фразовой позиции (идиолект СПК)

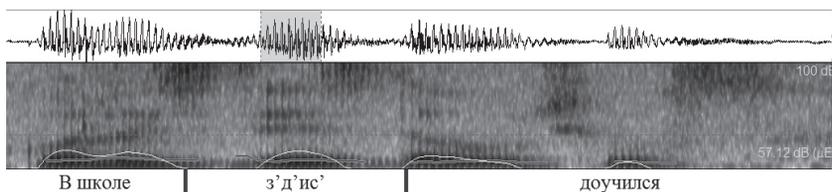

График 8. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «здесь» в слабой фразовой позиции (идиолект СПК)

фразовой позиции, поскольку на него падает логическое ударение, оно произносится с повышением ЧОТ и увеличением интенсивности. Под ударением выступает [ε]. На графике 8 это же слово выступает в слабой позиции, потому что не выделяется ни логическим ударением, ни с помощью ЧОТ и интенсивности. В этом случае под ударением выступает гласный [и].

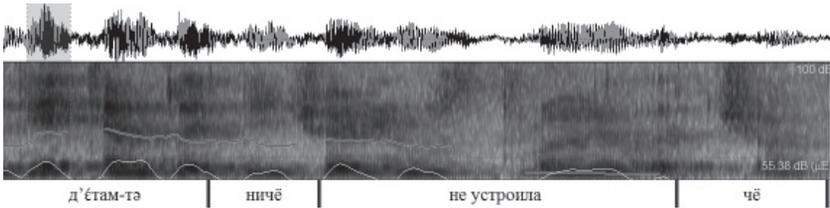

График 9. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «детям-то» в сильной фразовой позиции (идиолект ГАМ)

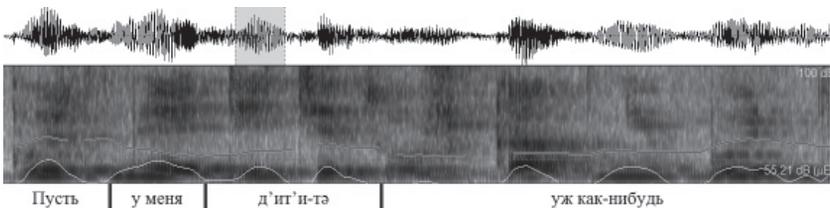

График 10. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «дети-то» в слабой фразовой позиции (идиолект ГАМ)

На графиках 9 и 10 представлены две формы слова «дети» в разных фразовых условиях. На графике 9 словоформа «детям-то» выделяется с помощью логического ударения и повышения ЧОТ. В этом случае фразовая позиция сильная. Под ударением выступает [ε]. На графике 10 словоформа «дети-то» не выделяется с помощью рассматриваемых просодических параметров. Фразовая позиция — слабая. Ударный гласный — [и].

Аналогичная зависимость качества гласного от фразовых условий отмечена в следующих морфемах: *з'д'ес'* и *зд'ес'*, *з'д'и'элэт* и *з'д'элэт*,

д'уѣдушкэ и д'ѣду, дв'ѣр' и дв'ѣр', сцѣз'д'ил и јѣз'д'ил'и, в Маскв'ѣ и нэ старзн'ѣ, плэш'зд'ѣц и брэтзв'ѣц, рэжд'ѣн'уз и рэжд'ѣн'уз и т. д. В таблице 44 представлено процентное соотношение гласных различного качества в сильной и слабой фразовых позициях.

Таблица 8. Процентное соотношение звуков, варьирующихся в одной морфеме в сильной и слабой фразовых позициях

	Сильная позиция	Слабая позиция
[e]	14% (10 реализаций)	53% (27 реализаций)
[ɛ]	76% (56 реализаций)	31% (16 реализаций)
[и]	3% (2 реализации)	14% (7 реализаций)
[и̯ɛ]	8% (6 реализаций)	2% (1 реализация)

Данные таблицы 8 показывают, что процентное соотношение гласных различного качества в сильной и слабой фразовых позициях существенно различается. В сильной позиции больше открытых гласных типа [ɛ] 76% (56 реализаций) и 31% (16 реализаций) и дифтонгов, 8% (6 реализаций) и 2% (1 реализация), в слабой позиции, напротив, больше звуков типа [e] 53% (27 реализаций) и 14% (10 реализаций), [и] 14% (7 реализаций) и 3% (2 реализации).

Тот факт, что большинство примеров с [и] отмечено в слабой фразовой позиции, может говорить о том, что произношение [и] на месте этимологических /e/ и /ъ/ в данном типе идиолектов может быть вызвано фонетической редукцией¹⁸. Похожие примеры отмечались и в разговорной речи носителей литературного языка [Земская 1973: 203]. Впрочем, количество примеров слишком мало, чтобы делать однозначные выводы.

В 22 морфемах (54 реализации) обнаружена корреляция между качеством гласного и типом речи: при повторении списка слов выступает [ɛ], в спонтанной речи — другие гласные. Например: *м'ѣстэ и м'ѣстэ, з'д'ѣс' и з'д'ѣс', з'д'ѣлэл и з'д'ѣлэл'и, в с'ел'сзв'ѣт'е и с'ил'сзв'ѣт'е, д'ѣт'ѣц и брэтзв'ѣц, м'ѣс'ѣцэ и м'ѣс'ѣцэ, с'ѣм и с'ѣм* и т. д. Однако данные таблицы 9 показывают, что тип речи не оказывает существенного влияния на процентное соотношение гласных различного звуков, варьирующихся в одной морфеме.

¹⁸ В типе I такое объяснение представлялось маловероятным, поскольку в нем велико количество примеров с [и] в сильной фразовой позиции 13% (60 реализаций).

Таблица 9. Процентное соотношение звуков, варьирующихся в одной морфеме при повторении списка слов и в спонтанной речи

	Повторение списка слов	Спонтанная речь
[e]	34% (14 реализаций)	28% (23 реализации)
[ɛ]	57% (23 реализации)	58% (49 реализаций)
[и]	7% (3 реализации)	7% (6 реализаций)
[и̯ɛ]	2% (1 реализация)	7% (6 реализаций)

Таким образом, в идиолектах типа II выбор одного из вариантов произношения также зависит от произносительных условий. Таблица 46 показывает, что в морфемах, которые встретились только с [ɛ] (85 морфем, 257 реализаций), зависимость качества гласного от условий произношения не наблюдается: в сильной фразовой позиции выступает всего 41% примеров с [ɛ], в окружении C'VC — 54% примеров, при повторении списка слов — 30% реализаций.

Таблица 10. Условия произношения морфем, встретившихся только с ударным [ɛ] в системах типа II

Условие	Количество примеров, где качество гласного коррелирует с условием
сильная фразовая позиция	41% 50 морфем (105 реализаций)
C'VC	54% 36 морфем (93 реализации)
повторение списка слов	30% 38 морфем (81 реализация)

Итак, идиолекты типа II отражают следующий этап звукового процесса, на котором прогресс лексической диффузии выражается в следующем:

1) сокращается количество морфем, где возможно варьирование ударных гласных, выбор одного из которых обуславливается произносительными условиями;

2) дифтонги типа [и̯ɛ] отмечаются значительно реже, чем в типе I, звуки [и̯ɛ], [ɛ̯ɛ] не зафиксированы;

3) морфемы, где бы произносился только [e], не отмечаются;

4) на месте обеих этимологических фонем в большинстве случаев выступает [ɛ] вне зависимости от произносительных условий.

Тип III демонстрирует вокалическую систему, где вариативность ударных гласных минимальна.

Тип III

В идиосистемах ТАМ, САЧ и АИА, представляющих тип III, количество субаллофонов /ε/ сокращается до двух — [ε] и [ɛ], варьирование /и/ и /е/ в одной морфеме не отмечается. В идиосистеме ТАМ вариативность зафиксирована в 7 морфемах (33 реализации), в 5 морфемах (27 реализаций) на месте этимологической фонемы /ʎ/.

1. корни:

С'VC и **С'VC'**: *-дет-* [д'ѐцк'ий] — 1 и [д'ѐт'и] — 1, *-езд/ ex-* [jѐхэт'] — 1, [jѐз'д'ил'и] — 1, [jѐз'д'им] — 1 и [jѐз'д'ил'и] — 2;

С'VC': *-не-* [п'ѐл'и] — 1, [п'ѐт'] — 1, [нзп'ѐл'ис'] — 1 и [п'ѐт'] — 1, *-печ-* [п'ѐч'ку] — 1 и [п'ѐч'ку] — 1, *-здесь-* [з'д'ѐс'] — 4 и [з'д'ѐс'] — 7;

2. суф -е- глаголов (5): [бол'ѐл'и] — 1 и [хзт'ѐл'и] — 1, [м'ел'ѐт'] — 1, [присмѐтр'ѐлѐ] — 1;

3. окончание -ей сущ. мн. ч. Р. п. (4): [д'ѐт'ѐй] — 1 и [рубл'ѐй] — 3.

В 64 морфемах (166 реализаций) зафиксирован только открытый звук:

1) на месте этимологической фонемы /ʎ/: *-свет-* [св'ѐт] — 2, *-ветер-* [в'ѐт'ер] — 1, [ѐт в'ѐтра] — 1, *-сет-* [с'ѐт'] — 1, [с'ѐтку] — 1, *-сосед-* [у свѐ'ѐтк'и] — 1, [свѐ'ѐцк'ий] — 1 и т. д.

2) на месте этимологической фонемы /ε/: суф. *-еньк-* [мзл'ѐн'кѐ] — 4, *-накет-* [пзк'ѐт] — 1, [пзк'ѐт'е] — 1, *-перв-* [с п'ѐрвѐвѐ] — 4, [ф п'ѐрвыѐ] — 1, *балет-* [бвл'ѐт] — 1, [нѐ бвл'ѐте] — 1, *-двер-* [дв'ѐр'] — 2 и т. д.

В идиолекте САЧ вариативность отмечена в 5 морфемах (15 реализаций), в 2 морфемах (7 реализаций) на месте этимологической фонемы /ʎ/:

1. корни: -газет- [гзз'ѐту] — 1 и [гззѐт'е] — 1, *-конфет-* [кѐнф'ѐт] — 1 и [кѐнф'ѐт'е] — 1, *-накет-* [пзк'ѐт] — 1 и [пзк'ѐт'е] — 1, *-здесь-* [з'д'ѐс'] — 4 и [з'д'ѐс'] — 1, *-ветер-* [в'ѐт'ер] — 1, [ат в'ѐтра] — 1;

2. суффикс -ениј- (2): [удзр'ѐн'иѐ] — 1 и [вѐскр'ѐс'ѐн'иѐ] — 1.

Только открытый звук зафиксирован в 38 морфемах (77 реализаций):

1) на месте этимологической фонемы /ʎ/: *-пример-* [нѐпр'им'ѐр] — 4, *-человек-* [ч'ѐлов'ѐк] — 2, *-хлеб-* [хл'ѐп] — 2, *-лес-* [л'ѐс] — 1, [вл'ѐс] — 1, *-нет-* [н'ѐт] — 6, [н'ѐту] — 2, *-лет-* [ѐл'ѐт'е] — 1, [л'ѐтѐ] — 1, [л'ѐтѐм] — 1, *-вер-* [в'ѐрныѐ] — 1, [пѐв'ѐрил] — 1;

2) на месте этимологической фонемы /ε/: *-четв-* [ч'ѐтв'ѐрѐ] — 1, [ч'ѐтв'ѐрт'и] — 1, *-двер-* [дв'ѐр'] — 2, *-тем-* [т'ѐма] — 1, [нѐ т'ѐму] — 1, [т'ѐмы] — 1, *балет-* [бвл'ѐт] — 1, [нѐ бвл'ѐте] — 1, *тепер-* [т'ѐп'ѐр'] — 2.

В идиолекте АИА вариативность отмечена лишь в морфеме *-здесь-* [з'д'ес'] — 1 и [з'д'єс'] — 10.

Только открытый звук в этой идиосистеме зафиксирован в 61 морфеме (149 реализаций):

1) на месте этимологической фонемы /ѣ/: *-ветер-* [в'ѣт'ер] — 1, [ѣт в'ѣтра] — 1, [в'ѣтрэм] — 1, *-мест-* [т'ѣстѣ] — 2, *-вер-* [н'ѣ в'ѣр'ит] — 1, [в'ѣрныѣ] — 1, [пѣв'ѣр'ил] — 1, *-сет-* [с'ѣт'] — 1, [с'ѣтку] — 1, *-рек-* [р'ѣк] — 1, [р'ѣч'к'ѣ] — 1 и т. д.

2) на месте этимологической фонемы /е/: *-перв-* [п'ѣрвыѣ] — 2, *-пакет-* [пѣк'ѣт] — 1, [пѣк'ѣт'ѣ] — 1, *-газет-* [газ'ѣта] — 1, [в газ'ѣт'ѣ] — 2, *-двер-* [дв'ѣр] — 2, *-интерес-* [интер'ѣснѣ] — 1, [интер'ѣсныѣ] — 1, [интер'ѣсы] — 1, *-крем-* [кр'ѣм] — 1, [кр'ѣмэм] — 1, *-балет-* [бал'ѣт] — 1, [нѣ бал'ѣте] — 1 и т. д.

Таким образом, в данном типе идиолектов отмечено лишь 12 морфем (59 реализаций) с вариативностью [е] и [ѣ]. В этих примерах выбор одного из гласных обусловлен произносительными условиями. В 12 морфемах (49 реализаций) открытый звук чаще выступает в сильной фразовой позиции, закрытый — в слабой.

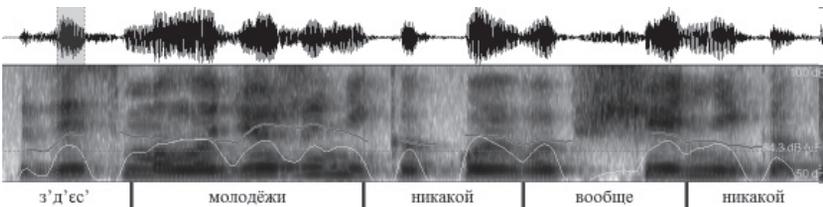

График 11. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «здесь» в сильной фразовой позиции (идиолект ТАМ)

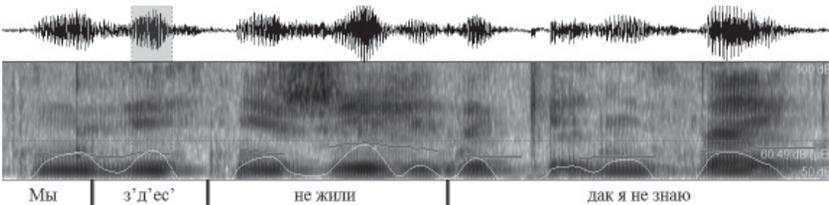

График 12. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «здесь» в слабой фразовой позиции (идиолект ТАМ)

На графиках 11 и 12 отражено два варианта произношения слова *здесь* в разных фразовых условиях (диктор ТАМ). На графике 11 данная лексема выделена повышением ЧОТ и увеличением интенсивности гласного, что позволяет считать фразовую позицию сильной. Под ударением выступает [ɛ]. На графике 12 это же слово произносится без выделения, повышения ЧОТ и увеличения интенсивности. Под ударением звучит [e].

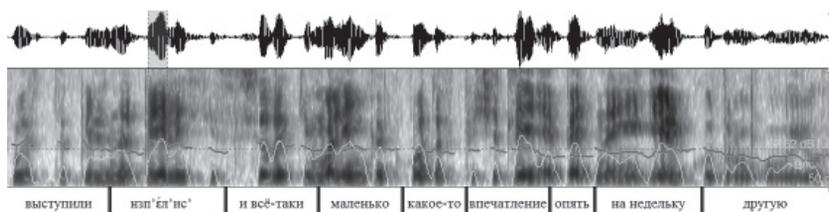

График 13. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «напельсь» в сильной фразовой позиции (идиолект ТАМ)

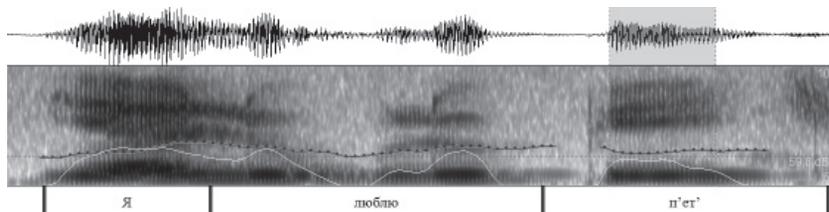

График 14. Осциллограмма, спектрограмма, огибающая интенсивности и тональный контур слова «петь» в слабой фразовой позиции (идиолект ТАМ)

На графиках 13 и 14 отражены два слова с корнем *-ne-*, находящихся в разных фразовых условиях. На графике 13 слово «напельсь» стоит в сильной фразовой позиции, поскольку выделяется повышением ЧОТ и увеличением интенсивности. Под ударением звучит [ɛ]. На графике 14 слово «петь» не выделяется ни повышением частоты основного тона, ни увеличением интенсивности, что позволяет считать позицию слова во фразе слабой. Под ударением в этом случае выступает [e].

Аналогичная тенденция отмечается в следующих морфемах: *n'éc'ku* и *n'éc'ku-tà*, *з'д'эс'* и *з'д'эс'*, *д'ет'эц* и *рубл'эц*, *нзп'эл'ус'* и *n'эм'*, *удзр'эн'ие* и *васкр'ес'эн'ие* и т. д. Данные таблицы 11 показывают, что закрытые гласные значительно чаще выступают в слабой фразовой позиции: 68% (15 реализаций), открытые, напротив, более частотны в сильной фразовой позиции: 73% (27 реализаций).

Таблица 11. Процентное соотношение звуков, варьирующихся в одной морфеме в сильной и слабой фразовых позициях

	Сильная позиция	Слабая позиция
[e]	27% (10 реализаций)	68% (15 реализаций)
[ɛ]	73% (27 реализаций)	32% (7 реализаций)

Анализ всех примеров с вариативностью также показал, что открытые гласные чаще отмечаются в C'VC, а закрытые — в C'VC'. Эта тенденция соблюдается в 9 морфемах (32 реализации): *гзз'эту* и *гзз'эт'е*, *кэпф'эт* и *кэпф'эт'е*, *пзк'эт* и *пзк'эт'е*, *в'эм'ер* и *ат в'этра*, *д'эцк'иц* и *д'эм'и* и т. д. Данные таблицы 12 подтверждают это наблюдение: закрытые гласные отмечаются только между палатализованными согласными.

Таблица 12. Процентное соотношение звуков, варьирующихся в одной морфеме в позициях C'VC и C'VC'

	C'VC	C'VC'
[e]	0% (0 реализаций)	48% (25 реализаций)
[ɛ]	100% (7 реализаций)	52% (27 реализаций)

В этом типе идиолектов не наблюдается корреляции качества гласного с типом речи (см. таблицу 13): процентное соотношение [ɛ] и [e] существенно не меняется в разных типах речи.

Таблица 13. Процентное соотношение звуков, варьирующихся в одной морфеме в разных типах речи

	Повторение списка	Спонтанная речь
[e]	52% (11 реализаций)	37% (14 реализаций)
[ɛ]	48% (10 реализаций)	63% (24 реализации)

В морфемах, которые встретились только с [ε] (85 морфем, 392 реализации), зависимость качества гласного от условий произношения не зафиксирована: в сильной позиции отмечено лишь 40% примеров с ударным [ε], в 64% примеров [ε] выступает в позиции C'VC и лишь в 37% при повторении списка слов (см. таблицу 14).

Таблица 14. Условия произношения морфем, встретившихся только с ударным [ε] в системах типа III

Условие	Количество примеров, где качество гласного коррелирует с условием
сильная фразовая позиция	40% 50 морфем (158 реализаций)
C'VC	64% 36 морфем (250 реализаций)
повторение списка слов	37% 38 морфем (144 реализации)

Итак, в идиосистемах этого типа отражена наиболее прогрессивная стадия звукового изменения: вариативность ударных гласных отмечена в минимальном количестве морфем, а количество варьирующихся звуков сократилось до двух — [ε] и [e]. В то же время в морфемах, где возможна вариативность этих гласных, выбор одной из них, как и в типах I—II, коррелирует с произносительными условиями: позицией слова во фразе и сегментным окружением.

Таким образом, все проанализированные идиолекты делятся на три типа в зависимости от того, какой этап этого процесса они отражают.

Тип I зафиксирован в речи информантов ЕНП, АЕН, АМЧ, ВСВ, ЛИЧ. Для этого типа идиолектов характерна вариативность [и], [e], [ε̄], [ӣε], [ӣe], [ε] в одной морфеме в одной фонетической позиции. Нередко отмечается варьирование фонем /e/ и /и/. Выбор гласного в морфемах, где отмечена звуковая вариативность, коррелирует с произносительными условиями.

Тип II представляют идиолекты ГАМ и СПК. Они отражают этап звукового изменения, на котором вариативность аллофонов /e/ встречается реже, дифтонги отмечаются в единичных случаях, количество примеров, где /e/ и /и/ варьируются, значительно сокращается.

В **типе III**, представленном в речи информанток ТАМ, САЧ и АИА, отмечены единичные примеры вариативности ударных [ε] и [e] в одной морфеме, дифтонги на месте /e/ не зафиксированы. Варьирование /e/ и /и/ в этих идиолектах не отмечается.

Представленные данные показывают, что после объединения /ɸ/ и /e/ их аллофоны смешались, о чем говорят примеры с удар-

ным [ɛ] на месте этимологической фонемы /ʎ/ и произношение [и], [е], [ε̃], [и̃ε], [и̃е], [ε], [е], [и], встретившиеся в аудиозаписях речи 10 представителей кайского говора. Была обнаружена корреляция качества гласного с условиями произношения: позицией слова во фразе, сегментным окружением, типом речи. В типе I отмечается вариативность фонем /е/ и /и/ — результат разрушившейся фонологической закономерности, в соответствии с которой на месте /ʎ/ в С'VC' выступал [и].

5. Условия вариативности ударных гласных, сформировавшейся в результате объединения /е/ и /ʎ/

Выше были представлены морфемы с вариативностью гласных [ε̃ε], [и̃ε], [и̃е], [ε], [е], [и], встретившиеся в аудиозаписях речи 10 представителей кайского говора. Была обнаружена корреляция качества гласного с условиями произношения: фразовой позицией, сегментным контекстом, типом речи. Чтобы установить статистическую значимость каждого из условий, был проведен анализ, выявляющий их относительный вес в разных типах идиолектов.

В типе I было отмечено 79 морфем (840 реализаций) с вариативностью ударных гласных на месте этимологических фонем /е/ и /ʎ/.

Фразовая позиция. Выше было показано, что количественное соотношение гласных различного качества на месте этимологических фонем /е/ и /ʎ/ в разных фразовых условиях неодинаково. Дифтонги и [ε] чаще отмечаются в сильной фразовой позиции, [е], [и] — в слабой. Чтобы выяснить, значимы ли наблюдаемые различия, была проведена статистическая проверка с помощью критерия хи-квадрат.

Критерий хи-квадрат — статистический тест, суть которого заключается в сравнении ожидаемой частоты появления определенных событий в конкретных условиях с фактической частотой. Иными словами, метод позволяет оценить статистическую значимость различий двух или нескольких относительных показателей (частот, долей). В данном случае нулевая гипотеза¹⁹ состояла в том, что ко-

¹⁹ Нулевая гипотеза — это принимаемое по умолчанию предположение о том, что не существует связи между двумя наблюдаемыми событиями, феноменами. Здесь этими феноменами считаются количественное соотношение гласных звуков на месте /е/ и /ʎ/ и различия во фразовых условиях (далее в сегментном контексте и типе речи).

личественное соотношение ударных гласных различного качества на месте этимологических гласных /e/ и /ɤ/ (результативный признак) не зависит от различий во фразовых условиях (факторный признак).

Результатом теста является значение χ^2 . Если полученное значение χ^2 оказывается больше критического значения χ^2 ²⁰ при $p < 0,05$ (то есть при вероятности ошибки меньше 5%), то нулевая гипотеза неверна и различия в качестве гласных зависят от позиции слова во фразе. Если значение χ^2 не превышает критическое значение χ^2 , значит, нулевая гипотеза верна²¹.

Итак, в слабой фразовой позиции было отмечено 64 морфемы (362 реализации) с вариативностью ударных гласных. В 41% (150 реализаций) этих примеров звучит [e], в 36% (129 реализаций) выступает [ɛ], в 1% (6 реализаций) зафиксированы [ẽɛ], [ĩɛ], [ĩe], в 21% (77 реализаций) отмечен [i]. В сильной позиции (478 реализаций) в 24% примеров (116 реализаций) выступает [e], в 54% (259 реализаций) — [ɛ], в 12% (60 реализаций) — [i], в 9% (43 реализации) — [ẽɛ], [ĩɛ], [ĩe].

Проверка показала, что значение критерия $\chi^2 = 63,136$, число степеней свободы (далее df) равно 3. Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p < 0,05$ составляет 7,815.

Значение χ^2 существенно превышает критическое значение (87,365 > 7,815), следовательно, нулевую гипотезу можно отклонить: различие в количественном соотношении ударных гласных различного качества на месте этимологических фонем /e/ и /ɤ/ в сильной и слабой фразовых позициях статистически значимо.

Иными словами, различия между сильной и слабой фразовыми позициями влияют на выбор одного из гласных, варьирующихся в речи информантов на месте этимологических /e/ и /ɤ/.

Сегментный контекст. Выше приведены данные о том, что количественное соотношение гласных [ẽɛ], [ĩɛ], [ĩe], [ɛ], [e], [i], варьирующихся в одной морфеме, различно в C'VC и C'VC': дифтонги и [ɛ] чаще выступают в C'VC, [e], [i] — чаще отмечаются в C'VC'.

²⁰ Критическое значение χ^2 определяется по специальным таблицам в зависимости от числа степеней свободы и значения p .

²¹ Для расчетов использовался пакет для статистической обработки данных R, который автоматически вычисляет значения χ^2 , df и значение p , поэтому здесь приводятся лишь исходные данные и результаты.

Чтобы проверить, значимы ли различия в количественном соотношении гласных разного качества на месте этимологических гласных /e/ и /ɤ/ в одном и другом сегментном окружении, был проведен тест хи-квадрат. Нулевая гипотеза состояла в том, что количественное соотношение ударных гласных различного качества на месте этимологических гласных /e/ и /ɤ/ не зависит от сегментного окружения.

В позиции C'VC было отмечено 57 морфем с вариативностью (450 реализаций): ударный [e] отмечен в 28% этих примеров (128 реализаций), [ɛ] — в 55% (246 реализаций), [ẽe], [ĩe], [ĩe] зафиксированы в 10% (46 реализаций), [i] отмечен в 7% (30 реализаций). В C'VC' зафиксировано 43 морфемы (390 реализаций). Ударный [e] звучит в 35% примеров (138 реализаций), [ɛ] зафиксирован в 36% (142 реализации), [i] отмечен в 28% (107 реализаций), [ĩe] — в 1% (3 реализации).

Статистическая проверка показала, что значение критерия $\chi^2 = 62,385$, $df = 3$. Критическое значение χ^2 при $p < 0,05$ составляет 7,815. Значение критерия χ^2 существенно больше критического значения χ^2 ($62,385 > 7,815$), следовательно, нулевая гипотеза неверна, а различия в количественном соотношении ударных гласных в позициях C'VC и C'VC' статистически значимы, то есть разница между этими сегментными контекстами влияет на выбор ударного гласного на месте этимологических /e/ и /ɤ/.

Тип речи. Как было показано, количественное соотношение гласных разного качества на месте /e/ и /ɤ/ при повторении списка слов и в спонтанной речи различается. Чтобы проверить, значимы ли эти различия, был проведен тест хи-квадрат. Нулевая гипотеза состояла в том, что различия в количественном соотношении гласных разного качества при повторении списка слов и в спонтанной речи незначимы.

При повторении списка слов было отмечено 45 морфем (255 реализаций), где возможна вариативность ударных гласных: звук [e] отмечен в 38% примеров (97 реализаций), [ɛ] зафиксирован в 49% (126 реализаций), [i] — в 6% (15 реализаций), дифтонги [ẽe], [ĩe], [ĩe] встретились в 7% (17 реализаций). В спонтанной речи зафиксировано 68 морфем (585 реализаций) с вариативностью [ẽe], [ĩe], [ĩe], [ɛ], [e], [i]. Ударный [e] выступает в 29% примеров (169 реализаций), [ɛ] отмечен в 45% (262 реализации), дифтонги [ẽe], [ĩe] зафиксированы в 5% (32 реализации), ударный [i] — в 21% (122 реализации).

Тест хи-квадрат показал, что $\chi^2 = 29,345$, $df = 3$. Критическое значение χ^2 при $p < 0,05$ составляет 7,815. Значение χ^2 больше критического значения χ^2 ($29,345 > 7,815$). Следовательно, нулевая гипотеза неверна: различия в количественном соотношении гласных разного качества в спонтанной речи и при повторении списка слов статистически значимы. Иными словами, различия в типе речи существенно влияют на выбор ударного гласного на месте этимологических фонем /е/ и /ь/.

Таким образом, в идиолектах типа I на выбор одного или другого гласного в морфемах, где возможен выбор между $[\widehat{e}e]$, $[\widehat{i}e]$, $[\widehat{i}e]$, $[\varepsilon]$, $[e]$, $[i]$, влияют позиция слова во фразе, сегментное окружение и тип речи.

Условия вариативности в типе II

В типе II вариативность ударных гласных на месте этимологических /е/ и /ь/ была зафиксирована в 23 морфемах (125 реализаций). В разделе 4.3 указывалось, что в морфемах, которые отмечены с разными ударными гласными, была зафиксирована корреляция между качеством звука и условиями произношения: позицией слова во фразе, сегментным контекстом, типом речи. Ниже приводится статистическая проверка значимости условий, которые могут влиять на выбор гласного в данных морфемах.

Фразовая позиция. В предыдущем разделе было показано, что в идиолектах типа II отмечается зависимость качества гласного от позиции слова во фразе: $[\varepsilon]$ и $[\widehat{i}e]$ чаще отмечаются в сильной фразовой позиции, $[i]$ и $[e]$ — в слабой. Чтобы проверить, существенна ли данная корреляция, был проведен тест хи-квадрат. Нулевая гипотеза состояла в том, что разница в количественном соотношении гласных $[\widehat{i}e]$, $[\varepsilon]$, $[e]$, $[i]$ в сильной и слабой фразовых позициях статистически незначима.

Итак, в слабой фразовой позиции было отмечено 17 морфем (51 реализация) с вариативностью ударных гласных: ударный $[e]$ отмечен в 53% примеров (27 реализаций), $[\varepsilon]$ зафиксирован в 31% случаев (16 реализаций), $[\widehat{i}e]$ — в 2% (1 реализация), $[i]$ — в 14% (7 реализаций). В сильной фразовой позиции встретилось 20 морфем (74 реализации): ударный $[e]$ отмечен в 14% примеров (10 реализаций), $[\varepsilon]$ зафиксирован в 76% случаев (56 реализаций), $[\widehat{i}e]$ отмечен в 8% (6 реализаций), $[i]$ — в 3% (2 реализации).

Тест показал, что $\chi^2 = 27,130$, $df = 3$. Критическое значение $\chi^2 = 7,815$, при $p < 0,05$. Значение χ^2 превышает критическое значение χ^2 ($27,130 > 7,815$), следовательно, нулевая гипотеза неверна и различия в количественном соотношении ударных гласных $[\widehat{ie}]$, $[\varepsilon]$, $[e]$, $[i]$ в сильной и слабой фразовых позициях значимы. Иначе говоря, выбор одного из гласных, выступающих в говоре на месте этимологических фонем /e/ и /ɛ/, обусловлен позицией слова во фразе.

Сегментный контекст. В предыдущем разделе отмечалось, что выбор одного из гласных в морфемах, где варьируются $[\widehat{ie}]$, $[\varepsilon]$, $[e]$, $[i]$, коррелирует с сегментным окружением: в $C'VC$ чаще отмечаются $[\widehat{ie}]$, $[\varepsilon]$, в $C'VC'$ — $[e]$, $[i]$. Чтобы проверить, существенна ли данная корреляция, был проведена статистическая проверка с помощью критерия хи-квадрат. Нулевая гипотеза состояла в том, что количественное соотношение ударных гласных различного качества на месте этимологических гласных /e/ и /ɛ/ не зависит от сегментного окружения.

В $C'VC$ было отмечено 20 морфем (70 реализаций) с вариативностью ударных гласных на месте /e/: ударный $[e]$ отмечен в 11% примеров (8 реализаций), $[\varepsilon]$ зафиксирован в 77% (54 реализаций), $[\widehat{ie}]$ встретился в 9% (6 реализаций), $[i]$ — в 3% (2 реализации). В $C'VC'$ отмечена 21 морфема с вариативностью (55 реализаций): ударный $[e]$ отмечен в 52% примеров (29 реализаций), $[\varepsilon]$ — в 33% (18 реализаций), $[i]$ — в 13% (7 реализаций), $[\widehat{ie}]$ — в 2% (1 реализация).

Тест показал, что значение $\chi^2 = 28,946$, $df = 3$. Критическое значение $\chi^2 = 7,815$, при $p < 0,05$. Значение χ^2 превышает критическое значение χ^2 ($28,946 > 7,815$), следовательно, нулевая гипотеза отклоняется: количественное соотношение ударных гласных различного качества на месте этимологических гласных /e/ и /ɛ/ зависит от сегментного окружения: ударные гласные $[\varepsilon]$, $[\widehat{ie}]$ существенно чаще выступают в позиции $C'VC$, звуки $[e]$, $[i]$ — в позиции $C'VC'$.

Тип речи. Ниже представлена статистическая проверка значимости корреляции между типом речи и качеством гласного в морфемах, где отмечается вариативность $[\widehat{ie}]$, $[\varepsilon]$, $[e]$, $[i]$. Нулевая гипотеза состояла в том, что различия в количественном соотношении гласных разного качества при повторении списка слов и в спонтанной речи незначимы.

При повторении списка слов было отмечено 16 морфем (41 реализация) с вариативностью ударных гласных на месте /e/: $[e]$ зафиксирован в 34% (14 реализаций), ударный $[e]$ отмечен в 56% (23 реализа-

ции), [и] — в 7% (3 реализации), [ӣε] — в 2% (1 реализация). В спонтанной речи отмечено 20 морфем (84 реализации) с вариативностью [ӣε], [ε], [е], [и]: ударный [е] отмечен в 27% (23 реализации), [ε] зафиксирован в 58% (49 реализаций), [ӣε] — в 7% (6 реализаций), [и] — в 7% (6 реализаций).

Статистическая проверка показала, что $\chi^2 = 1,54$, $df = 3$, критическое значение $\chi^2 = 7,815$ при $p < 0,05$. Значение χ^2 ниже критического значения χ^2 ($28,946 > 7,815$), следовательно, нулевая гипотеза верна: различия в количественном соотношении гласных различного качества, отмеченные при повторении списка слов и в спонтанной речи, незначимы.

Таким образом, выбор одного из ударных гласных в морфемах с вариативностью [ӣε], [ε], [е], [и] в типе II коррелирует с позицией слова во фразе и сегментным окружением. Различия в типе речи не влияют на выбор одного из возможных вариантов произношения.

Условия вариативности в типе III

В типе III вариативность [ε] и [е] отмечена в 12 морфемах (59 реализаций).

Фразовая позиция. Чтобы проверить, значима ли корреляция качества гласного и позиции слова во фразе, был проведен тест хи-квадрат с поправкой Йейтса²². Нулевая гипотеза состояла в том, что разница в количественном соотношении [ε] и [е] в сильной и слабой фразовых позициях не значима.

В слабой фразовой позиции зафиксировано 10 морфем (22 реализации) с вариативностью неверхних передних монофтонгов: звук [е] зафиксирован в 68% (15 реализаций), [ε] — в 32% (7 реализаций). В сильной фразовой позиции отмечено 11 морфем (37 реализаций): ударный [е] отмечен в 27% (10 реализаций), [ε] зафиксирован в 73% (27 реализаций).

---

²² Поправка Йейтса применяется в том случае, когда при попарном сравнении четырех значений ожидаемое число наблюдений хотя бы в одной из ячеек таблицы сопряженности входит в диапазон от 5 до 9. Данная поправка позволяет уменьшить вероятность ошибки первого типа, то есть обнаружения различий там, где их нет. Поправка Йейтса заключается в вычитании 0,5 из абсолютного значения разности между фактическим и ожидаемым количеством наблюдений, что ведет к уменьшению величины критерия хи-квадрат. При вычислении критерия хи-квадрат с помощью пакета для статистической обработки данных R поправка Йейтса применяется автоматически, если этого требуют исходные данные.

Тест хи-квадрат с поправкой Йейтса показал, что $\chi^2 = 7,985$, $df = 1$. Критическое значение $\chi^2 = 3,841$ при уровне значимости $p < 0,05$. Значение χ^2 превышает критическое значение χ^2 ($7,985 > 3,841$). Следовательно, нулевая гипотеза неверна, разница в количественном соотношении [ɛ] и [e] в сильной и слабой фразовых позициях статистически значима: гласный [ɛ] существенно чаще выступает в позиции C'VC, гласный [e] — в положении C'VC'.

Сегментный контекст. Чтобы выяснить, значимы ли различия в количественном соотношении [ɛ] и [e] в позициях C'VC и C'VC', был проведен тест хи-квадрат с поправкой Йейтса. В C'VC 7 морфем (7 реализаций): в 100 % (7 реализаций) выступает ударный [ɛ]. В C'VC' — 12 морфем (52 реализации): ударный [e] выступает в 48% (25 реализаций), [ɛ] — в 52% (27 реализаций).

Статистическая проверка показала, что $\chi^2 = 4,7726$, $df = 1$. Критическое значение $\chi^2 = 3,841$ при $p < 0,05$, $df = 1$. Значение χ^2 превышает критическое значение χ^2 ($4,7726 > 3,841$), следовательно, нулевая гипотеза неверна: различия в количественном соотношении [ɛ] и [e] в C'VC и C'VC' статистически значимы.

Тип речи. Ниже представлена статистическая проверка значимости корреляции между типом речи и качеством гласного в морфемах, где отмечается вариативность [ɛ] и [e]. Проверка проводилась с помощью критерия хи-квадрат. Нулевая гипотеза заключалась в том, что различия в количественном соотношении [ɛ] и [e] незначимы.

При повторении списка слов было отмечено 11 морфем (21 реализация): ударный [e] отмечен в 52% примеров (11 реализаций), [ɛ] зафиксирован в 48% (10 реализаций). В спонтанной речи отмечено 8 морфем (38 реализаций): ударный [e] отмечен в 37% (14 реализаций), [ɛ] — в 63% (24 реализации).

Тест показал, что $\chi^2 = 0,7768$, $df = 1$. Критическое значение $\chi^2 = 3,841$ при $p > 0,05$. Значение χ^2 меньше критического значения χ^2 ($0,7768 < 3,841$), следовательно, нулевая гипотеза верна: различия в количественном соотношении [ɛ] и [e] в разных типах речи незначимы.

Итак, в данном типе идиолектов выбор одного из гласных, варьирующихся в одной морфеме, обусловлен позицией слова во фразе и сегментным окружением.

Таким образом, статистический анализ показал, что набор условий, действующих в морфемах с вариативностью ударных гласных

и влияющих на выбор одного из них, неодинаков в разных типах идиолектов. В типе I статистически значимыми оказались все три условия: позиция слова во фразе, сегментное окружение, тип речи. В типах II и III существенное влияние на выбор одного из гласных оказывают только два условия: позиция слова во фразе и сегментное окружение.

Заключение

Итак, анализ речи 10 носителей кайского говора показал, как из системы диалекта постепенно уходят рефлекс фонемы /ѣ/.

Идиосистемы типа I отражают тот же этап фонетического процесса, что и многие современные русские говоры [см. Аванесов, Бромлей 1986²³]. Это стадия, которая следует за утратой фонологического различия между /ѣ/ и /е/: смысловозначительный контраст разрушился, аллофонические ряды обеих фонем объединились, и аллофоны перераспределились в зависимости от произносительных условий — позиции слова во фразе, сегментного контекста, типа речи. Носители говора, чьи идиосистемы отражают этот этап фонетического процесса, могут произносить на месте обеих этимологических фонем звуки [ѣ], [иѣ], [иѣ], [е], [е], [и], выбор одного из которых коррелирует с разными комбинациями перечисленных выше условий. В большом количестве примеров наблюдается варьирование /е/ и /и/, возникшее в результате разрушения позиционной закономерности, в соответствии с которой на месте /ѣ/ в C'VC' произносился [и]. Гласный [и], встречающийся в данном типе идиосистем на месте этимологической фонемы /ѣ/, представляет фонему /и/, поскольку: 1) имеются минимальные пары, где разница между [и] и [е] смысловозначительна: *n'иш* — *n'еш* и *n'им'* — *n'em'*; 2) носители всех типов идиолектов воспринимают разницу между [и] и [е] на слух; 3) звук [и] в примерах типа *на м'иште* и *на с'иш'е* по аналогии переносится в позицию C'VC: *м'ишто*, *с'ишо*, что возможно лишь в том случае, если [и] в данных морфемах воспринимается носителями говора как основной представитель фонемы /и/ [Касаткин 1999: 88]. Отдельно стоит сказать, о варьировании /и/ и /е/. Сведения ДАРЯ и диалектологических исследований показывают, что в настоящее время [и] не только на

---

²³ Это неудивительно, так как данные ДАРЯ были собраны в середине прошлого века, то есть отражают речь старших возрастных групп с точки зрения сегодняшнего дня.

месте этимологической фонемы /ѣ/, но и на месте /е/, не только в С'VC', но и в С'VC отмечается в ряде русских говоров [ДАРЯ: карты 40, 41]. Результаты данного исследования показывают, что произношению [и] на месте этих фонем способствуют такие условия, как слабая фразовая позиция, окружение палатализованных согласных, спонтанная речь.

На следующем этапе развития системы, отраженном в типе II, количество морфем с вариативностью сокращается, уменьшается ряд звуков, варьирующихся в одной морфеме (не зафиксированы гласные [е̄], [ӣ]). Выбор одного из вариантов произношения также зависит от произносительных условий. Однако статистический анализ показал, что в идиолектах этого типа качество гласного коррелирует с позицией слова во фразе и сегментным окружением и не коррелирует с типом речи. На третьем этапе развития системы на месте /е/ перестают произноситься дифтонги, возможность чередования /е/ и /и/ утрачивается. «Уходящий» аллофон /е/ — звук [e] — отмечается весьма редко в небольшом количестве морфем, преимущественно в С'VC' и в слабой фразовой позиции.

Исследование показало, как исчезает варьирование /и/ и /е/. Этот процесс протекает в разных лексемах постепенно: старый вариант произношения утрачивается в разных словах с разной скоростью.

Таким образом, ударный вокализм говора практически завершил путь от фонологической системы, где вследствие утраты верхне-средней ступени подъема наблюдалась сложная субаллофония, мотивированная вероятностными условиями, к более упорядоченной трехступенчатой системе, где действуют четкие фонологические правила.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1949 — *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.
 Аванесов 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964.
 Аванесов 1984 — *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1984.
 Аванесов, Бромлей 1986 — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Вступительные статьи, справочные материалы, фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986.

- Альмухамедова, Кульшарипова 1980 — *Альмухамедова З. М., Кульшарипова Р. Э.* Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.
- Баринава 1966 — *Баринава Л. Г.* О произношении [ж'] и [ш'] // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 25–55.
- Бедняков 1957 — *Бедняков А. С.* О некоторых фонетических явлениях в говоре с. Пустошей // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. XLVIII. Труды кафедры русского языка. Вып. 4. М., 1957. С. 359–367.
- Беликов, Крысин 1977 — *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. М., 2001.
- Бондарко 1977 — *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
- Бондарко 1998 — *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.
- Бромлей 1949 — *Бромлей С. В.* Наблюдения над ударяемыми гласными при собирании материалов по «Программе» // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 5. М.–Л., 1949. С. 22–51.
- Бромлей 1977 — *Бромлей С. В.* Морфологические следствия взаимодействия говоров на фонетическом уровне // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 15–23.
- Бубрих 1914 — *Бубрих Д. В.* Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губ.) // Известия ОРЯС. 1913. Т. XVIII. Кн. 4. СПб., 1914. С. 305–346.
- Вербицкая 1976 — *Вербицкая Л. А.* Русская орфоэпия. Л., 1976.
- Вербицкая 2001 — *Вербицкая Л. А.* Давайте говорить правильно: пособие по русскому языку. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
- Ваахтера 2009 — *Ваахтера Й.* Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области. Хельсинки, 2009.
- Высотский 1949 — *Высотский С. С.* О говоре д. Лека (По материалам экспедиции 1945 г.) // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Т. 2. М.–Л., 1949. С. 3–71.
- Высотский 1967 — *Высотский С. С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- Высотский 1973 — *Высотский С. С.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. В. Бромлей. М., 1973. С. 17–41.
- Высотский 1975 — *Высотский С. С.* К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры / Отв. ред. Е. В. Немченко. М., 1975. С. 3–19.

- Высотский 1977а — *Высотский С. С.* Фонемный состав слова как основа для изучения звукового состава говора // Экспериментальные фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977. С. 3–52.
- Высотский 1977б — *Высотский С. С.* Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 24–38.
- Высотский 1978 — *Высотский С. С.* Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонологического строя говоров // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах / Отв. ред. С. С. Высотский. М., 1978. С. 67–130.
- Гавранек 2002 — *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок / Сост. и ред. Н. А. Кондрашов. М., 1967. С. 338–377.
- Галинская 2002 — *Галинская Е. А.* Историческая фонетика русских диалектов. М., 2002.
- Горбачевич 1971 — *Горбачевич К. С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.
- Граудина 1998 — *Граудина Л. К.* Основные признаки культуры речи как языковедческой дисциплины // Культура русской речи / Под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М., 1998. С. 25–44.
- Гринкова 1929 — *Гринкова Н. П.* Очерки по русской диалектологии. V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии // Изв. по рус. языку и словесности. Т. II. Кн. I. Л., 1929. С. 76–116.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986.
- Джапаридзе 1985 — *Джапаридзе З. Н.* Перцептивная фонетика. Тбилиси, 1985.
- Жуковская 1954 — *Жуковская З. В.* Говоры западной части Воронежской области. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954.
- Журавлев 1986 — *Журавлев В. К.* Диахроническая фонология. М., 1986.
- Загоровская 2011 — *Загоровская О. В.* Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии. Воронеж, 2011.
- Захарова 1970 — *Захарова К. Ф.* Типы диссимилятивного яканья. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Земская 1979 — *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
- Каленчук 2000 — *Каленчук М. Л.* О расширении понятия позиция // Фортунатовский сборник М., 2000. С. 27–31.
- Калнынь 2001 — *Калнынь Л. Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.

- Касаткин 1999 — *Касаткин Л. Л.* Современная русская и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 2012 — *Касаткин Л. Л.* Экспедиция в Кировскую область // Русский язык в научном освещении. 2012. № 23 (1). С. 280–282.
- Касаткин 2013 — *Касаткин Л. Л.* Орфоэпические позиции // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VII международной научной конференции М., 2013. С. 36–38.
- Касаткин 2014 — *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика. 3-е изд., испр. М., 2014.
- Касаткин (ред.) 2014 — Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. 3-е изд., испр. и доп. М., 2014.
- Касаткин 2017 — *Касаткин Л. Л.* Избранные труды. Т. II. М., 2017.
- Касаткина 1996 — *Касаткина Р. Ф.* Межслоговая ассимиляция в русских говорах // Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т. Н. Николаева. М., 1996. С. 207–221.
- Касаткина (ред.) 1991 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина [Приложение № 1 к Бюллетеню Фонетического фонда русского языка]. Москва — Бохум, 1991.
- Касаткина (ред.) 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.
- Касаткина, Щигель 1995 — *Касаткина Р. Ф., Щигель Е. В.* Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995. С. 295–309.
- Клейменова 1956 — *Клейменова Е. С.* Говоры южной части Калужской обл. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
- Коробейникова 2015 — *Коробейникова Т. Н.* Эволюция системы ударного вокализма в свете синхронных данных (на материале кайского говора Верхнекамского района Кировской области). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Макарова 1999 — *Макарова Л. Н.* Фонетические, морфологические и синтаксические особенности русских говоров Кировской области // Энциклопедия земли Вятской. Т. 8. Киров, 1999.
- Котков 1951 — *Котков С. И.* Говоры Орловской области со стороны их вокализма // Учен. зап. Орловского пед. ин-та. Т. V. Орел, 1951. Вып. 2. С. 58–124.
- Котков 1963 — *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
- Крысин 2017 — *Крысин Л. П.* К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20–31.

- Листрова 1953 — *Листрова Ю. Т.* Говор села Отскочного Дмитришевского района Воронежской области. Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1953.
- Лихтман 1999 — *Лихтман Р. И.* О фонеме <у> в современном русском литературном языке // Проблемы фонетики. III / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 1999. С. 121–132.
- Мошкина 1999 — *Мошкина Е. Н.* Вятские говоры. Звучащая хрестоматия [Приложение № 8 к Бюллетеню Фонетического фонда русского языка]. Вятка — Бохум, 1999.
- Осовецкий 1982 — *Осовецкий И. А.* Лексика современных русских народных говоров. М., 1982.
- Пауфوشима 1965 — *Пауфوشима Р. Ф.* Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного северновеликорусского говора. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1965.
- Пауфوشима 1983 — *Пауфوشима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
- Родина 2012 — *Родина М. А.* Говор села Апухтино Одоевского района Тульской области (системно-языковой анализ). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- РЯиСО — Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Кн. 1–4 / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968.
- Савинов 2013 — *Савинов Д. М.* Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2013.
- Сидоров 1969 — *Сидоров В. Н.* Из русской исторической фонетики. М., 1969.
- Скачедубова 2014 — *Скачедубова Е. С.* Особенности реализации гласной фонемы в приставке *вы-* в современном русском литературном языке // Проблемы фонетики. VI / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М., 2014. С. 85–92.
- Тер-Аванесова 2001 — *Тер-Аванесова А. В.* Материалы по акцентуации говора деревни Пустоша (существительные мужского рода) // Русск. яз. в науч. освещении. 2001. № 2. С. 150–167.
- Тростянский 1916 — *Тростянский В. И.* К изучению местных говоров в Воронежской губернии [Сб. ОРЯС. Т. 95, № 2]. Пг., 1916.
- Фомина 1980 — *Фомина Т. Г.* Вокализм акающего говора с архаическим диссимилятивным яканьем задонского типа. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1980.
- Фомина 1982 — *Фомина Т. Г.* К вопросу о качестве гласных фонем <е>, <о> в одном южнорусском говоре (на основе экспериментальных данных) // Мат-лы по русско-славянскому языкознанию / Науч. ред. В. И. Собиинникова. Воронеж, 1982. С. 142–149.

- Чекмонас 1998 — *Чекмонас В. Н.* Судьбы фонетических открытий О. Брока // *A Centenary of Slavic Studies in Norway: The Olaf Broch Symposium. Papers* / Ed. Jan Ivar Bjørnflaten, Geir Kjetsaa, Terje Mathiasen. Oslo, 1998. С. 36–61.
- Шмелев 2020 — *Шмелев А. Д.* Норма языковая // *Русский язык: Энциклопедия* / Гл. ред. А. М. Молдован. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 398–400.
- Labov 2014 — *Labov W.* Principles of Linguistic Change. Volume 1: Internal Factors. Oxford: Basil Blackwell, 1994.

Научное издание

**Норма произношения
в узусе и кодификации**

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура Newton. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 15,5
Тираж 500 экз. Заказ №